

НОВАЯ НЕМИГА

литературная

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В номере:

Валерий Хатюшин
Вячеслав Ременчик
Наталья Егорова
Евгений Лукин
Анатолий Матвиенко
Владимир Скиф
Татьяна Грибанова
Виктор Петров

5/2023

ISSN 2077-1495

НОВАЯ
НЕМИГА
литературная

№5 (2023)

литературно-
художественный
журнал

*Издается с 2007 года.
С 1999 по 2006 выходил
под названием «Немига литературная»*

Учредитель, редакция и издатель журнала: ООО «Витпостер»

Главный редактор: АВРУТИН Анатолий Юрьевич

Редакционная коллегия:

*Анатолий АНДРЕЕВ, Глеб АРТХАНОВ, протоиерей Павел БОЯНКОВ,
Алексей ВАРАКСИН, Иван ГОЛУБНИЧИЙ (Москва),
Дмитрий ДАРИН (Москва), Светлана ЕВСЕЕВА,
Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж), Владимир МАКАРОВ,
Виктор ПЕТРОВ (Ростов-на-Дону),
Валентина ПОЛИКАНИНА, Елена ПОПОВА,
Иван САБИЛО (Москва), Валерий СДОБНЯКОВ (Нижний Новгород),
Владимир СКВОРЦОВ (Санкт-Петербург), Сергей ТРАХИМЁНОК,
Валерий ХАТЮШИН (Москва), Иван ЩЕЛОКОВ (Воронеж),
Алексей ЯШИН (Тула)*

МИНСК

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ	ВАЛЕРИЙ ХАТЮШИН. <i>Истина света. Стихи</i>	3
ПРОЗА	ВЯЧЕСЛАВ РЕМЕНЧИК. <i>Поварёнок. Повесть</i>	9
ПОЭЗИЯ	НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА. <i>Днепровские строфы. Стихи</i>	27
	ЕВГЕНИЙ ЛУКИН. <i>Блокадные фрески. Стихи</i>	31
	НАТАЛЬЯ ТИМОФЕЕВА. <i>Шаг за шагом. Стихи</i>	34
ПРОЗА	АНАТОЛИЙ МАТВИЕНКО. <i>Укус хаски. Повесть</i>	38
ПОЭЗИЯ	ВИКТОР ПЕТРОВ. <i>Даль свободы. Стихи</i>	66
	СВЕТЛАНА ГОЛУБЕВА. <i>Такая жизнь... Стихи</i>	69
	ГАЛИНА ТАЛАНОВА. <i>На подходе зима. Стихи</i>	72
ПРОЗА	АЛЕКСАНДР АНДРЮШКИН <i>Принцип неопределённости. Роман (продолжение)</i>	75
ПОЭЗИЯ	ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН <i>Возраст – испытание на прочность. Стихи</i>	89
ПРОЗА	НИКОЛАЙ КОЗЛОВ. <i>Сизые голуби. Рассказ</i>	92
ПОЭТЫ КУЗБАССА	НАТАЛЬЯ МУРЗИНА. <i>Любовь на русском языке. Стихи</i>	96
	БОРИС БУРМИСТРОВ. <i>Ответ. Стихи</i>	99
ПРОЗА	ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА. <i>Морок. Рассказ</i>	103
ПОЭЗИЯ	ВЛАДИМИР СКИФ. <i>Обитель. Стихи</i>	107
	РУСЛАН ПИВОВАРОВ. <i>Лишь с волей и Богом. Стихи</i>	110
	АЛЕКСАНДР БОГДАНЕНКОВ. <i>Нести земное бремя. Стихи</i>	113
ПРОЗА	НИКОЛАЙ ПЕРЕЯСЛОВ <i>Целебная сила литературы. Невыдуманные рассказы</i>	116
ПОЭЗИЯ	СЕРГЕЙ КРЮКОВ. <i>Путь заново начать. Стихи</i>	127
МОЛОДЫЕ ГОЛОСА	ТИТ ГОРСКИЙ. <i>Из колодца умоюсь водой. Стихи</i>	130
НЕЗАБЫВАЕМОЕ	ВЛАДИМИР ЛАНДЕР <i>Пером продолжить творческое долголетие...</i>	133
	АЛИНА КОСТЮК-СВЕТЛИЦКАЯ. <i>Грустный свет стихов</i>	137
КРИТИКА	ВАЛЕНТИН БАЮКАНСКИЙ. <i>«...И стеклянная хмарь Бухары»</i>	144
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	ПРОТОИЕРЕЙ ПАВЕЛ БОЯНКОВ. <i>Не унывайте</i>	150
ЧАСОВНЯ		

Издание безгонорарное

Адрес редакции: 220112, г. Минск,
пр. Газеты «Звезда» д. 67, ком. 99, тел. 374-50-60.

Для писем: 220005, г. Минск, ул. Гикало, 18-18.

E-mail: aavrutin1@gmail.com

Стильредактор Г. В. Ширкина.

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации РБ.

Свидетельство о регистрации № 1348 от 30.04.2012.

Подписано в печать 26.07.2023. Формат 70x100/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 17,73. Уч.-изд. л. 12,25.

Тираж 99 экз. Зак. № 345. Цена договорная.

Издатель ООО «ВИТпостер».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№1/98 от 02.12.2013.

Отпечатано в типографии ООО "ЮСТМАЖ",
ул. Калиновского, 6 Г 4/К, 220103, г. Минск
ЛП №02330/250

© «Новая Немига литературная», №5, 2023

Поэзия

Валерий ХАТЮШИН

Истина света

ЗВЕЗДА ДОНБАССА

К концу подходит бой...
От слёз осушим веки...
Донбасс пришёл домой
и не уйдёт вовеки.

Дымит разбитый шлях
бессмысленной Руины...
И только шум в ушах
от бывшей Украины.

Под влагою ресниц
глаза у всех – светлее.
Но – снимки детских лиц
на траурной аллее...

Как русская звезда,
донбасская победа
зажётся навсегда,
во все просторы света.

Как Брест, как Сталинград,
как нашей правды сила,
всемирный мрак и смрад
прожжёт Саур-Могила.

За Русский мир наш бой.
Мы слышим Слово Божье.
Уже пришли домой
Херсон и Запорожье.

Многие годы прошли.
Жизнь отшумела, как вьюга...
В долгих дорогах земли
мы потеряли друг друга.

Доли минувшей звезда
светит, как смерти отсрочка...
В прошлом пути навсегда
нами поставлена точка.

Катятся дни под уклон.
Сердцу трудней оживляться...
Что же, зачем ты в мой сон
стала так часто являться?

Молча приходишь ко мне,
смотришь в глаза без испуга...
Господи Боже, во сне
мы еще любим друг друга...

Отцветая снежно,
в майский теплый день –
слышишь? – дышит нежно
белая сирень.

Помнишь, в буйстве цвета –
наш весенний сад?..
Словно было это
целый век назад...

А ведь было! Было...
Всё в душе цело...
Только вот забыл я,
сколько лет прошло...

Ты глядишь устало
из-под тёмных век...
В этом сквере старом
снится прошлый век...

Чуть заметно тает
чудный майский день...
Слышишь? – опадает
белая сирень...

Первый летний месяц.
Сосен дух густой.
Не угрюм, не весел,
главное – живой.

Деловиты птицы
в парке у реки.
Белки и синицы
кормятся с руки.

А давно ль до срока
мог крыла сложить
и просил у Бога –
до весны дожить?..

В зимней хмари – выжил
под своей звездой...
Бог меня услышал.
Я дышу листвою.

Проливного света
полон неба свод.
Первый месяц лета.
Переломный год...

НАДЕЖДА

Триптих

1

У края пропасти застыла Украина,
у края бедствия, над пропастью тщеты.
Есть лишь осколок
под названием Руина –
больная немощность

в объятьях нищеты.

Ей дышит в спину сладкий дух
ожесточенья,

а дух вражды лишил заветного пути...

Но у России, как всегда,
предназначение:
её от пропасти безумной отвести.

2

Кровно повиты столетним недугом
гордых два брата ушедшей страны...
Да, мы повязаны кровью друг с другом,
кровью единою мы сплетены.

Нет, не позволим угаснуть надежде –
вырваться сможем из горьких времён.
Ведь никуда нам не деться, как прежде,
в жизни от русских единых имён.

3

Мы родную отстроим юдоль,
в нашем сердце
родство встрепенётся...

Через мрак, через кровь, через боль
Украина в Россию вернётся
и, прорвав незалежности бред, –
сможет стать и сильней, и красивой,
чтобы, выйдя из мрака на свет,
вновь, как прежде, назваться Россией.

ПЛЫВЁТ КОРАБЛЬ

К 100-летию журнала «Молодая гвардия»

«А он, мятежный, просит бури...»

М.Ю. Лермонтов

Плывёт корабль, идет по Солнцу
в живом просторе тёмных волн –
с попутным ветром полусонным
и в смертном буйстве штормовом.

Плывёт корабль, и год за годом
валов пучину режет сталь.
Идет своим надежным ходом
туда, где наша брезжит даль...

От грозных туч, от урагана
он мог бы тихий порт найти...
Но точный компас капитана
не даст свернуть с его пути.

Плывет корабль... В небес лазури
струится отблеск золотой...
Но он идет навстречу буре –
в судьбу борьбы и в непокой.

Плывёт корабль, винтов и тросов
металл упруг, и мощь – во всём.
И у матросов нет вопросов,
куда идем, зачем плывём...

Бурлящих волн пропитан солью –
Плывёт. И в век сплелись года.
Идет корабль вперёд по Солнцу,
По Солнцу русских – навсегда.

Плывёт корабль...

БЕСПАМЯТНЫЕ

Нам снова гибель прочит
врагов безумных рать.
И вновь Европа хочет
Россию растоптать.

Она уже забыла
про Курск и Сталинград.
Как встарь – опять бомбила
несломленный Белград.

А на горе Поклонной
имён – за строим строй.
Серёжка с Малой Бронной
и Витька с Моховой...

Под сине-звёздным флагом
не помнят тех годин –
про знамя над Рейхстагом,
про сдавшийся Берлин...

Не помнит мир спасённый,
мир подлый, мир слепой
Серёжку с Малой Бронной
и Витьку с Моховой...

ОСЕННИЕ СТАНСЫ

Всё прошло, и всё пройдёт.
Лет большие числа...
Гулких дней унылый счёт –
много ли в нём смысла?

Жжёт сердечная игла
дружб, страстей, предательств...
Жизнь – азартная игра
странных обстоятельств...

Будем гнаться, как в кино,
за болотным зовом...
А запомним лишь одно
ласковое слово...

Где твой аленький цветок?..
Где огонь метельный?..
Кто печаль расслышать смог
песни колыбельной?..

Ствол, приставленный к виску...
Мерный счёт кукушки...
Автор «Слова о полку» –
безграничный Пушкин.

ЕВРОПЕЙСКИМ ВИТИЯМ

«Есть место им в полях России...»

А.С. Пушкин

Как прежде, в грозный спор славян
Европа нос суёт без спроса.
И тупо лезет в наш карман,
лелея грешный свой изъяз
под страхом русского вопроса:

высокомерную мечту –
над Русским миром превосходство.
И, множа ложь и клевету, –
злословит нашу красоту,
за чечевичную туфту
себе присвоив первородство.

В летнем небе – два белых крыла,
в сердце – замять от лёгких кручин:
лишь недавно сирень отцвела,
а уже опадает жасмин.

Порыжела трава на лугах...
Дай мне, Боже, прожить этот год
и с улыбкой в усталых глазах
встретить новый весенний восход.

И рябина уже отцвела.
Птиц не слышно в чащобе лесной.
В синем небе два белых крыла
всё кружат и кружат надо мной...

Гололёд в Москве, гололёд...
То назад скользишь, то вперёд.
И сковал ледяной январь
гололёдную неба хмарь.

И морозный след, как ожог,
на щеках, и не дай вам бог
поскользнуться тут и упасть...
Гололёд сплошной, как напасть.

И последний на сердце страх –
гололёд в душе и в глазах.
Не достигнет пусть, не найдёт
близких губ и рук гололёд...

Европа так и не прочла
свои кровавые скрижали.
Забыв безумные дела,
вновь закусила удила
в дыму стволов тяжелой стали.

Своих озлобленных сынов
к нам шлют бруссельские витии.
И много мест для их голов
среди нечуждых им гробов
есть на полях Новороссии...

ИЮЛЬСКИЙ ВЕЧЕР

Солнце красное зашло.
Гаснет день за сеткой тюля.
Дарят зыбкое тепло
вечера в конце июля.

Жизнь еще не истекла...
Золотое лето длится...
Отложить бы все дела
и на склоне лет влюбиться...

Дышит тёмная вода.
Зазывает тёплый вечер...
И скамейка у пруда
ожидает чьей-то встречи...

ИСТИНА СВЕТА

Звёзды и солнце померкнут во мгле,
станут никчемны четыре стихии...
Нет и не будет времён на Земле
после Христа, как и после России.

Свет невозможный пронзает эфир,
в нём все миры – безответно-чужие...
И сотворился земной этот мир
ради Христа, как и ради России.

Истина света до боли проста,
ей безразличны все взгляды иные:
время и мир – лишь во время Христа,
время и жизнь – лишь во время России.

В полях июльским летом
брожу, нетороплив.
Любуюсь белым светом
и радуюсь, что жив.

С тоскливым придыханьем
смотрю на облака,
с любовью – на порханье
шмеля и мотылька.

Милы глазам, как дети,
и шмель, и мотылёк...
Всему на этом свете
свой Богом данный срок.

Живой лазурью летней
в вечерний этот час
любуюсь, как в последний,
неповторимый раз...

Месяц второй. Облетает жасмин
в жарких июльских лучах Подмосковья.
Странной и светлой наполнен любовью
взгляд мой сегодня без всяких причин.

Ах, отчего, не пойму я и сам,
взгляд мой любви преисполнен и света,
ласки вечерней срединного лета,
нежности к белым померкшим цветам?

Нет никаких объяснимых причин...
Огненный диск опускается в реку...
Сад источает зелёную негу...
Снегом траву осыпает жасмин...

Давнее что-то очнулось в крови...
Дивная песня пришла издалече...
Кто объяснит, отчего в этот вечер
света исполнен мой взгляд и любви?..

НА ВЕТРУ

Обесцветил ноябрь золотую палитру,
затерялась в глазах светотеней игра...
Нам пора совершить над любовью молитву.
Нам пора...

Мы склоняем к любви потемневшие лица,
мы земле предаём со слезами ее...
Вот и всё, нам осталось навеки проститься.
Вот и всё...

И еще нам осталось во мгле затеряться.
На усопшей любви разрастётся быльё...
Без неё белый свет будет петь и смеяться.
Без нее...

Унесём в неизвестность угасшие лица,
возвращая глазам светотеней игру...
На ветру закружим, как осенние листья.
На ветру...

*«Август, август, зачем же так скоро?
ведь еще не настала пора...»*

2017 г.

Август, август, осталось немного
жизни, лета, тепла, тишины...
На границе последнего срока
мне нездешние звуки слышны.

Тёплый ветер, вечернее солнце,
предзакатная бледная синь...
Пахнут мёдом смолистые сосны,
спелой горечью дышит полынь.

Август, август, припомни, давно ли
нам казалось: еще не пора...
Вдаль звало поседевшее поле,
так пьянили твои вечера...

Всё пройдёт, как цветастое лето.
Но останется свет этих строк,
да от красной листвы бересклета
на душе чуть остывший ожог...

Ночь небесным тёмно-серым сводом
взгляд мой хмурит, что-то говоря...
Даже этим безнадежным годом
удалось дожить до ноября.

Удалось... Но этот темно-серый
свод небес возможно ль пережить?
Слишком жгучей, слишком жесткой мерой
спор с судьбой придется разрешить.

Первый снег запорошит усталый
дней моих бессильный, долгий бег...
И его накроет запоздалый,
равнодушный, сонный третий снег...

*Редакция журнала «Новая Немига литературная»
поздравляет с 75-летием своего давнего друга, поэта
Валерия Васильевича Хатюшина и желает ему душевной
и телесной крепости, новых книг и успехов во всех начинаниях.*

Проза

Вячеслав РЕМЕНЧИК

ПОВАРЁНОК

Повесть

Первая незаконченная рукопись этой невыдуманной истории была безвозвратно утеряна. Вряд ли бы решился на повторный шаг, но смешной фарфоровый поваренок на кухонной полке – солонка из старинного столового набора – постоянно напоминал мне об обещании, данном себе много лет назад.

Рядовому Левину Мотелю Абелевичу посвящается

1

Пулемет на чердаке палил без остановки. Свинцовые градины беспощадно крошили серые камни мостовой в мелкую колючую крошку. Огонь велся прицельно и плотно покрывал всю маленькую круглую площадь на Штралауэр Штрассе¹.

Взвод трижды поднимался в атаку, но тот, кто засел на чердаке красивого двухэтажного особняка (точь-в-точь, как на литографиях Райнхольда Фелкеля² в Дрезденской картинной галерее) в тополиной рощице за площадью, каждый раз одерживал верх. И каждый раз солдаты, кто замертво, кто с желанием уцелеть, под страшный аккомпанемент стрельбы валялись на мостовую за развалинами летнего амфитеатра и терпеливо ждали той счастливой минуты, когда у немца закончатся патроны или он вместе с пулеметом, чердаком, Гитлером и всей чертовой Германией провалится в преисподнюю. Прошло без малого четыре часа, но ни одно из загаданных бойцами желаний не осуществилось. При таком раскладе оставалось одно – реализовать самую насущную в этот день мечту, оформленную в устном приказе командира взвода лейтенанта Прохора Семеновича Кузьменкова: «сковырнуть пулеметчика с чердака!». Увы, проклятый фашист не оставил ни малейшего шанса хоть на метр приблизиться к ее осуществлению.

¹ Самая старинная улица Берлина, заложенная в XIII веке. Находится в районе самого старого берлинского рынка – площади Молькенмаркет.

² Австрийский художник (1873-1938 гг.), автор серии цветных литографий с изображением немецких городских особняков и загородных вилл.

Два мощных прожектора под крышей всем своим боеспособным видом ставили под большое сомнение возможность что-либо предпринять под покровом темноты, хотя до ночи надо было еще дожить. Солнце находилось в самом зените, и фриц с задором крошил мостовую.

Открытое, насквозь обозримое пространство вокруг площади без каких-либо помех простреливалось пулеметчиком. Любое движение лежащих на брусчатке тел мгновенно пресекалось кинжальной очередью. Патронов фриц не жалел, судя по всему, их было безмерно много. По огненным вспышкам из чердачного окошка можно было предположить, что в распоряжении у стрелка не менее трех пулеметных стволов и он их умело чередует: пока второй номер заправляет ленту в первый, второй остывает, а третий мечет свинец.

Превращенная в решето рация бесполезным ящиком покоилась рядом со своим бездыханным владельцем – радистом Колей Сивцовым, в метрах двадцати поодаль лежал сраженный меткой очередью посланный за подмогой Гриня Панасюк, а значит, подкрепления до конца войны можно не ждать: вряд ли в дивизии скоро хватятся маленького стрелкового взвода, исчезнувшего в большом, бурлящем военными страстями городе.

Переключка, проведенная взводным час назад, выявила потери: двое безвозвратных, трое раненых, один из них – тяжелый.

– Да когда ж ты заткнешься, фашистская гнида, – в сотый раз подряд простуженным басом хрипел комвзвода Кузьменков и тихо, скорее для себя, чем для окружающих, добавлял: – эх, пушечку бы сюда...

А в это же время в центре Берлина шел штурм Рейхстага. Город содрогался от грома орудий, пылал огнем пожаров, утопал в черном едком дыму, истекал кровью тысяч убитых и раненых.

2

Как только первые пулеметные очереди накрыли взвод, Мотя упал плашмя на мостовую и откатился к ближайшему укрытию, при внимательном рассмотрении оказавшемуся сраженной взрывом статуей Геракла. И вот уже несколько часов он лежал в пяти шагах от взводного и рядышком с нещадно искрошенными пулями и осколками, полубогом. Громадный мускулистый торс древнего грека надежно защищал тщедушное маленькое тело красноармейца. За это подаренное судьбой время он в мельчайших подробностях изучил беломраморное изваяние. Внешне мифический герой был полной его противоположностью. Низкорослый, тощий человек, прошедший всю войну от Москвы до Берлина, прижимался к сраженной снарядом мощной каменной глыбе. Опознав в статуе образ сына Зевса и Алкмены, он внутренне улыбнулся. Гераклом год назад под Курском Мотю нарек тогдашний комвзвода Бельский, когда Левин притащил на себе из разведки тяжелораненого стокилограммового старшину Солоного. Позже ротный шутник Валерка Блинцов, сложив два имени в одно и помножив полученную сумму на философскую Мотину мудрость, присвоил ему новую кличку – Геромот. Правда, кличка, прожив пару дней, отклеилась сама собой (имя Мотя было гораздо удобней для произношения). Красноармейца Левина за ту разведку наградили второй «За отвагу»¹, а Бельский и Валерка погибли в одном бою под Вислой.

¹ Медаль СССР для персонального награждения за личное мужество и отвагу, проявленные при защите Отечества и исполнении воинского долга.

3

Пулеметчик щедро всадил в мостовую очередную порцию свинца.

– Эх, пушечку бы сюда! – снова послышалось со стороны комвзвода.

За всю войну Кузьменков был четвертым после двух погибших и одного спившего по ранению взводных. Да и состав подразделения за четыре года обновился не один раз. В этих стихийных и плановых ротациях никто из командования и рядового состава не обратил внимания на тот удивительный факт, что рядовой первого взвода, третьей роты, второго батальона 336-го гвардейского стрелкового полка Левин Мотель Абелевич без усталости и без единой царапины прошел со своей родной частью всю войну. Бог берег его, и страшная старуха с косою обходила стороной. Один-единственный раз Мотя попал в медсанбат, и то по причине зубного флюса. Проблему при помощи спирта и щипцов мгновенно решил пожилой рукастый фельдшер Макарыч.

– Кто ж тебя так заговорил, солдат? – спросил его командир дивизии генерал Фогель, вручая ему «За боевые заслуги»¹ после форсирования Днепра (до противоположного берега со всей роты доплыл лишь неполный взвод). Тогда Мотя пожал плечами, хотя совершенно точно знал ответ. Он свято верил в то, что от роковой пули его берегут дочурка Раечка, жена Софа, мама Циля, папа Абель, бабушка Рахель и дедушка Ефим.

В сентябре сорок первого они все были расстреляны фашистами в овраге у деревни Каменка², что недалеко от Бобруйска. Об этом Мотя узнал спустя три месяца. Он открыл конверт с письмом от тети Хаи в холодной землянке под Москвой. Война, лишив его самого дорогого, не позволила задохнуться в безутешном горе. Он даже не успел зарыдать в голос, громко, на всю Вселенную, как подсказывало сердце. Как только письмо упало на пол, земля содрогнулась от взрывов немецкого артудара. А после в атаку на наши позиции пошли танки и пехота. Мотя стрелял прицельно, машинально перезаряжая винтовку. Люди в серых шинелях падали почти синхронно с его выстрелами. В контратаку он поднялся первым, примкнул штык и молча с трехлинейкой наперевес бежал до вражеских порядков впереди наступающей цепи; с пяти шагов выстрелил в живот долговязому немцу, второму с хриплым выдохом свернул квадратную челюсть прикладом и молниеносно пронзил штыком впалую грудь молоденького офицера. Вынимая лезвие, не удержался на ногах и завалился спиной на бруствер, винтовка выпала из рук. Внезапно навалившемуся на него всем своим грузным телом фашисту он вцепился в кадык зубами и крепко сомкнул челюсти...

Он не помнит, как вернулся на позиции после той рукопашной. Только во рту на долгие годы остался горько-соленый вкус немецкой крови. Ночью они пришли к нему: дочурка Раечка, жена Софа, мама Циля, папа Абель, бабушка Рахель и дедушка Ефим.

Содержания письма в роте так никто и не узнал. Свое горе Мотя на всю жизнь сохранил глубоко в себе, оставаясь для окружающих все тем же интеллигентным, скромным и застенчивым человеком. Лишь немногие, самые наблюдательные сослуживцы замечали, что глаза рядового Левина стали по-

¹ Медаль СССР, которая вручалась за умелые, инициативные и смелые действия, сопряженные с риском для жизни.

² В деревне Каменка под Бобруйском в 1941 году фашистами и их пособниками было расстреляно более 10 тысяч евреев из Бобруйского гетто, включая стариков, женщин и детей.

хожими на два безжизненных черных отверстия-амбразуры и лицо навсегда покинула улыбка.

Жалость к тем, кто был по ту линию фронта, как и страх перед смертью, Мотя сжег вместе с письмом от тети Хаи. Очень быстро для командиров он стал отличным солдатом, живым воплощением боевого устава, хорошим стрелком, знатоком разведки, атаки и ближнего боя. Еще Мотю, как учителя немецкого, часто привлекали к допросам «языков» в качестве переводчика. И комбат, и ротный, и взводный называли его доверительно по имени и часто поручали ему сложные и опасные задания, так как были уверены – Мотя не подведет. Он отказался от сержантского звания и учебы на офицерских курсах и оставался рядовым Мотелем Левиным, идущим в атаку в первых порядках, заговоренным от пуль и осколков, шаг за шагом приближавшимся к своей заветной цели – вцепиться зубами в горло зверя, убившего его семью и отомстить за все сполна...

5

Сегодня несколько раз, несмотря на окрики взводного, он порывался броситься к проклятому дому. Наглядным свидетельством этому служили несколько новых дырок в плащ-палатке и оторванный пулей каблук на левом кирзаче. Родной ППП¹ с полным диском бесполезно валялся рядом.

Майское солнце приятно грело спину, проникая своими гостеприимными лучами через сукно шинели и гимнастерку. Хотелось пить, а фляга давно опустела. Мотя снял ее с ремня и аккуратно уложил в вещмешок, потом достал из его недр деревянную шкатулку, а из нее – желтую довоенную фотографию и на мгновение прикоснулся к ней губами. Снимок источал приятное домашнее тепло. Ему счастливо улыбались нарядные, во всем новом по случаю Песаха², дочурка Раечка, жена Софа, мама Циля, папа Абель, бабушка Рахель и дедушка Ефим.

Как только шкатулка с фотографией была бережно уложена в вещмешок, непонятно откуда рядышком возник грязно-рыжий, всколоченный, весь в проплешинах кот, сжимавший в острых зубах серую хвостатую крысу. Рыжий охотник зыркнул единственным глазом на лежащего красноармейца и прошмыгнул вместе с добычей куда-то под беломраморного Геракла. Мотя приподнялся над статуей – кота нигде не было видно, значит, он не побрел дальше по улице, а исчез именно под каменным изваянием! Плотно прижав ухо к земле, солдат даже не услышал, а почувствовал далекое урчание воды, как будто он лежал прямо над быстрой подземной рекой.

– Товарищ лейтенант! Товарищ лейтенант! – Мотя окликнул взводного, – ползите скорее сюда! – и, опасаясь, что командир откажет подчиненному в этой неожиданной просьбе, добавил: – пожалуйста!

Но Кузьменков сразу смекнул, что рядовой Левин, солдат смекалистый и дисциплинированный, вызывает к себе офицера неспроста, и, плотно вжавшись в мостовую, стал медленно ползти в сторону мотиного убежища. Всевидящий пулеметчик сразу узрел шевеление на площади, и свинцовый дождь стал обильно поливать булыжник, высекая из него сотни мелких острых осколков.

Как только командир, так же как и Мотя, почувствовал подземное движение воды, они, упираясь ногами в неровности мостовой, а ладонями в статую, стали двигать ее по гладким отшлифованным временем камням. Мотя видел, как опух-

¹ Советский пистолет-пулемет, разработанный в 1940 году конструктором Шпагиным Г.С.

² Еврейская пасха.

ла посеченная каменной крошкой щека Кузьменкова и правый рукав его шинели на глазах напитывался бурой кровью, но взводный, тяжело дыша, с остервенением толкал и толкал стацию, как будто знал, что под ней таится спасение.

Фашист на чердаке, словно почуяв неладное, непрерывно давил на гашетку, пули беспощадно терзали тело полубога, каждой очередью превращая его в бесформенный кусок мрамора. Когда взводный получил очередное ранение в ногу, он еле слышно застонал сквозь плотно сжатые зубы и, грузно повернувшись на бок, уткнулся лицом в плечо подчиненного. Мотя, словно защищая командира от новой беды, как крылом прикрыл его краем плащ-палатки. Так они и лежали рядом – рядовой и раненый офицер.

– Мы открыли канализационный вход. Тоннель должен тянуться прямо под улицей, – прохрипел Кузьменков, горячо дыша ему в ухо, – по нему попытайся добраться к дому и разорви в клочья этого гада на чердаке.

Не отрывая кровоточащей щеки от мотиного плеча, он вытащил из-под ремня и вложил ему в ладонь тяжелую противопехотную гранату.

– Я очень тебя прошу, – Моте показалось, что эти последние слова взводного он не услышал, а почувствовал. Ведь лейтенант даже не разомкнул белые потрескавшиеся губы.

Когда Левин по грудь опустил в открытый люк, Кузьменков вдруг окликнул его и протянул трехцветный командирский фонарик.

– Себе оставишь. На память...

6

Как только Мотя, цепляясь за шаткие проржавевшие скобы, спустился под мостовую, он оказался в мрачном подземном царстве мутной бегущей воды, смердящего стоячего воздуха и несметных полчищ крыс, оккупировавших все редкие сухие поверхности.

Фонарик пришелся очень кстати. Его длинный желтый луч как бы подбадривал солдата, освещая путь на метра три впереди, высвечивал один за другим плывущие по воде предметы, которые причудливыми тенями отображались на бордовых кирпичных стенах.

Гордо, как каравелла по бескрайнему океану, мимо проплыла совсем цельхонья книжная этажерка, за нею – кукла без головы, цепляясь за стену, неспешно скользил по воде остов старинного стула с резными гнутыми ножками. Мотя пристально всматривался в бесформенную темную грудку, которая, медленно кружа, двигалась прямо на него. Как только грудка оказалась рядом, он, наконец, распознал в ней труп немецкого солдата. Голова в тяжелой каске почти исчезла под водой, над поверхностью виднелись острый, гладко выбритый подбородок, широкая вздыбленная грудка с железным крестом и большие белые ступни босых ног.

Левин, по пояс в воде, осторожно прощупывая дно каждым шагом, почти бесшумно брел по просторному ровному тоннелю. То слева, то справа над водой свет выхватывал круглые ответвления в человеческий рост, из которых пенные потоки бурно вливались в центральную магистраль. Вдруг совсем рядом из одного такого отверстия с гортанным криком вывалилось и громко бултыхнулось в воду нечто большое и довольно увесистое. Зловонные брызги достали до лица, залили глаза и нос. Левин резко вскинул автомат, палец слился с курком в готовности дать старт смертоносной очереди.

Большим и увесистым оказался немец в черном мундире шарфюрера СС¹ (Мотя, как военный переводчик, хорошо разбирался в фашистских званиях). Толстяк мгновенно вынырнул, ослепленный светом фонарика, резко вскинул руки над головой и сильным простуженным фальцетом пропищал:

– Nicht schießen! Ich habe keine Waffe! Ich bin getroffen!²

Когда Мотя сдвинул луч света чуть в сторону, шарфюрер, вероятно узнавший в темном силуэте над водой советского солдата, уж слишком пискляво и очень жалостливо добавил:

– Ich bin Jude!³

Мотя, конечно же, не поверил эсесовцу (какой, к черту, еврей?!) и с трудом боролся с желанием ввинтить свинцовую очередь в это круглое необъятное брюхо. Однако рядом могли быть товарищи фрица, а ввязаться в незапланированный бой – это значит поставить под угрозу выполнение главной задачи: ликвидации огневой точки на чердаке. Поэтому вместо желанной очереди он негромко, но уверенно ответил:

– Wo führt dieser Tunnel hin?⁴ – и указал стволом на изрыгающее желтую пену отверстие, минуту назад выплюнувшее фашиста.

– Dieser Tunnel führt zum Pappelplatz!⁵ – не опуская рук, пропищал немец и, видимо, осознав, что его сейчас не убьют, громко выдохнул. Его маленькие пугови-глазки испуганно бегали над толстыми щеками и жестким разрезом узкого рта.

Повезло, так повезло! Если фриц не врет, то вскоре он окажется как раз у того самого чертова дома! Мотя еще раз на прощание осветил шарфюрера (действительно без оружия, но с виду не раненого, а тем более не еврея) и, легко подтянувшись, прошмыгнул в подсказанный немцем тоннель.

– Möge der Heilige Moses dich beschützen!⁶ – просипел за спиной простуженный фальцет. Это уже перебор! Захотелось вернуться и набить фашисту морду, но впереди уже виднелся падающий сверху дневной свет.

7

Он медленно поднялся по шатким металлическим скобам и, приблизившись к границе подземного мрака и солнечного света, снял с головы и заткнул за ремень пилотку, потом, чуть дыша, осторожно выглянул из колодца. Поток свежего воздуха, с легкой пороховой горчинкой, после подземного зловония приятно вскружил голову. Выход из канализационного тоннеля оказался посреди уютно размещившейся на берегу реки⁷ тополиной рощицы, прямо на бетонной дорожке рядом с опрокинутой парковой скамейкой. Чугунная крышка канализационного люка валялась рядом. На ней восседала крупная глазастая ворона. Завидев гостя из подземелья, она громко раскатисто каркнула и лениво взмыла в небо. Мотя долго сопровождал птицу взглядом, пока она не слилась с жирными ошметками черного дыма, кружащимися над оглушенным разрывами и стрельбой городом.

¹ В переводе на советские воинские звания – старший сержант.

² Не стреляй! У меня нет оружия! Я ранен! (нем.)

³ Я еврей! (нем.)

⁴ Куда ведет этот тоннель? (нем.)

⁵ Этот тоннель ведет в тополиный сквер! (нем.)

⁶ Пусть оберегает тебя святой Моисей! (нем.)

⁷ В этом районе Берлина протекает река Шпрее.

Роша, а вернее, городской сквер с обрамленными тополями ровными аллеями был совершенно пуст, если не считать нескольких неподвижных распластанных по траве тел в грязно-серой немецкой форме.

Тот самый ненавистный дом с фашистской огневой точкой находился в метрах ста от Мотиного временного убежища. Он имел хорошую возможность обозревать особняк с тыльной стороны. Вся придомовая территория с несколькими аккуратными постройками была как на ладони. За невысоким ажурным заборчиком с настезь распахнутыми воротами стоял большой военный грузовик без водителя с затентованным кузовом, из которого худенький чумазый подросток в форме «гитлерюгенда»¹, свесившись с борта, поочередно подавал жестяные цинки с боеприпасами такому же хилому парнишке, тоже облаченному в мешковатое, совсем не по росту, военное тряпье (в Берлине Мотя уже успел насмотреться на сопливых, обычно плачущих, пленных в такой же форме). Тот, что стоял на земле, скорым шагом носил коробки с патронами к крыльцу и складывал их там в аккуратную стопку.

«Подача боеприпасов у «гансов» налажена. Не трудно догадаться, что потом сопляки волокут все это богатство на чердак, где его принимает второй номер и рассовывает по пулеметным лентам», – смекнул Левин и уже вслух добавил:

– Сейчас я вашу схему поломаю.

План дальнейших действий молниеносно нарисовался в голове. Эти двое во дворе не бойцы, их в расчет можно не брать. Но он не знал, сколько вооруженных людей находятся в доме, и в этом заключался основной риск. В качестве зыбкого преимущества у него имелись: фактор внезапности (его здесь уж точно не ждут), полный диск в ППШ для нижних двух этажей и граната для пулеметного «гнезда». Так думал Мотя. И ему не хотелось даже помышлять о том, что в доме все не так, как он представлял, и действовать придется по-другому.

Было совсем не страшно погибнуть в конце войны, да и возвращаться ему не к кому. Но только от одной мысли, что задача будет не выполнена и его родной взвод продолжит бесславно умирать на мостовой, бросила его в холодный пот.

Выбравшись на поверхность, он не торопился встать в полный рост и, лежа животом на сочной майской траве, еще раз осмотрел всю местность вокруг: сзади и по флангам безлюдный сквер, впереди по фронту дом с огневой точкой. Сам себе, как командир подчиненному, поставил задачу: совершить пеший рывок во двор, бесшумно пленить пацанов, допросить их о планировке дома (главное – где находится лестница на чердак) и людях внутри и, наконец, с учетом результатов разведки, вступить в бой!

8

Он снял сапоги и одновременно выпустил из каждого струю мутной канализационной воды, потом обернул ноги чистыми сухими портянками, извлеченными из вещмешка. Заодно вещмешок покинула противопехотная граната и заняла свое место под ремнем. Он надел пилотку, как учили – с легким наклоном на правую сторону, застегнул гимнастерку на все пуговицы и привычно навесил на правое плечо снятый с предохранителя ППШ.

– Рядовой Левин к бою готов, – вполголоса доложил Мотя, словно его слышит комвзвода Кузьменков. И через мгновение в ответ на его доклад он как будто услышал знакомый прокуранный басок:

¹ Юношеская нацистская военизированная организация, состоявшая из немецких юношей в возрасте от 14 до 18 лет.

– В атаку вперед!

Боец легко перемахнул через опрокинутую скамейку, в один прыжок преодолел сливную канаву, пересек пригорок с несколькими реденькими тополями и, уже не скрываясь, ворвался во двор через распахнутые ворота.

Завидев как из преисподней возникшего русского солдата, сопливые бойцы «гитлерюгенд» замерли на месте, синхронно дрожа двумя парами костлявых подкошенных колен. Даже на расстоянии Мотя ощущал исходящий от них безумный знобящий страх.

«Если эти двое испугались меня – хоть и вооруженного, но худого, кривоногого и низкорослого, то вот этот номер наверняка повергнет их в ужас», – подумал Левин и, скорчив, как ему казалось, неимоверно страшную рожу, позвериному зарычал.

Один из подростков, тот, что был в рваной униформе, вдруг взвизгнул, потом подскочил на месте и стремглав бросился наутек. На глазах своего товарища и «ужасного русского солдата» он перемахнул через забор и скрылся за холмом в тополиной роще.

О том, что сталкиваясь с неожиданным страхом, дети чаще всего обращаются в бегство, Мотя в своем гениальном плане, конечно же, не учел. «Теперь у меня на все про все еще меньше времени. Беглец может привести подмогу», – пронеслось в голове, и в расстройстве он закатил хлесткую оплеуху оставшемуся стоять парню. Тот схватился за ушибленное ухо и в голос зарыдал. Слезы лились по грязным, не знавшим бритвы щекам, а все худое долговязое тело скорчилось в ожидании неминуемой смерти.

Мотя на полголовы был ниже его ростом, он приподнялся на цыпочки и сильно надавил мальчишке на погон, стараясь усадить его на крыльцо. Можно было и не прилагать таких усилий, тот вдруг обмяк и мешком опустился по стене на каменную ступеньку. Теперь солдат грозно возвышался над своим дрожащим пленником.

Левин направил ему в лицо ствол автомата и, с опаской поглядывая на окна особняка, грозно произнес:

– Ich werde dich nicht töten, wenn du meine Fragen ehrlich beantwortest!¹

Парнишка мелко закивал головой, потом вытер грязным рукавом нос и, старательно преодолевая нервную дрожь, поведал, что он впервые так близко видит русского солдата. Командир им рассказывал, что русские очень жестокие и безжалостные, но сейчас он увидел, что они еще и очень страшные. Особняк принадлежит богатому фабриканту, одному из гитлеровских интендантов, поставляющему вермахту кожаную амуницию. Фанатично преданный великому фюреру нацист выпросил у военного начальства пулеметный расчет для защиты своей любимой семьи. Сам же безумец скрылся в неизвестном направлении. Его супруга фрау Грета с тремя детьми, свекром и свекровью прячется в подвале. На чердаке уже вторые сутки боевую позицию занимает пулеметчик со вторым номером под командой обер-лейтенанта Отто Кляйна. Его же зовут Клаус. Они со сбежавшим Винфридом назначены подносить боеприпасы, которые сами же загружали на складах в грузовик.

«Ну вот, – подумал Мотя, – разведка проведена успешно, дальше все по плану. Только быстро! Очень быстро! Времени у меня в обрез!»

Он ясно слышал частую пулеметную стрельбу сверху. Значит, взвод раз за

¹ Я не убью тебя, если ты честно ответишь на мои вопросы! (нем.)

разом пытается подняться, не очень-то надеясь на то, что рядовой Левин выполнит эту сложную задачу. Они даже не знают, добрался ли он. Может быть, убит или ранен, не выбравшись из канализационного тоннеля, или покоится с пробитой башкой во дворе этого чертова особняка?

– Держитесь, братцы, еще немного продержитесь. Я у цели, – ему показалось, что немец понял его. Тот снова кивнул головой и нахлобучил серую мятую пилотку глубоко на уши.

9

– Nimm die Kiste in die Hand und trage sie auf den Dachboden!¹ – и, сдвинув брови, зловеще добавил: – Schnell!²

Клаус мгновенно выполнил команду. Тонкими, ободранными в кровь руками с длинными пальцами пианиста он схватил верхний цинк с патронами и на полусогнутых тонких ногах шагнул в любезно распахнутую русским солдатом дверь.

Они медленно поднимались по широким дубовым лестницам с резными перилами. Через неплотно задернутые портьеры на больших окнах тоненькими лучиками пробивался солнечный свет. Таковую богатую мебель, как в этом немецком особняке, Мотя видел один раз в своей жизни – на школьной экскурсии в ленинградском Эрмитаже. Дом казался совершенно безлюдным. Только большие портреты в резных рамах напоминали о том, что здесь проживало несколько поколений какой-то знатной прусской фамилии. У большого камина как ни в чем не бывало грелся жирный серый кот. А наверху исправно строчил пулемет, в дрожащем от выстрелов воздухе чуть слышалась человеческая речь. Кто-то из пулеметного расчета громко заливисто рассмеялся. «Освоились гады. Чувствуют себя тут как дома. Да они, вроде, и есть дома. А мы для них – непрошенные гости. Что ж: вчера вы у нас, сегодня – мы у вас. Так что не обессудьте – стреляем мы тоже метко. Treffen!³», – думал Левин, следуя за своим дрожащим долговязым проводником. Второй этаж, как и нижняя гостиная, был совершенно безлюден. В просторной светлой комнате царил походный беспорядок: на полу у стены валялись военные ранцы, прямо в центре на круглом белом ковре стояла пара начищенных до блеска офицерских сапог, тут же лежал полосатый матрас, небрежно прикрытый серой солдатской шинелью; на хлипком инкрустированном столике, обильно засыпанном крошками ржаного хлеба, громоздилось множество пустых консервных банок.

Как только они добрались до низкой деревянной дверки, ведущей на чердак, с той стороны послышался голос:

– Klaus! Winfried! Seid ihr das?⁴

Мотя цепко ухватил Клауса за ворот и сильно ткнул ему стволом ПППШ между острых лопаток. Мальчишка ойкнул и пискляво проблеял:

– Wir sind es, Herr Oberleutnant! Wir haben Munition mitgebracht!⁵

Кажется, прошла целая вечность, перед тем как дверь со скрипом отворилась. Красноармеец действовал молниеносно. Он изо всех сил рванул парня за ворот,

¹ Бери в руки коробку и неси на чердак! (нем.)

² Быстро! (нем.)

³ Встречайте! (нем.)

⁴ Клаус! Винфрид! Это вы? (нем.)

⁵ Да, это мы, господин обер-лейтенант! Мы принесли патроны! (нем.)

и тот, громяхая патронным цинком, кубарем покатился вниз по лестнице. Но Левин этого уже не видел. Он с силой вдавил палец в курок ПППШ и со вкусом всадил в полутьму чердака длинную огнедышащую очередь! Как только вслед полетела граната – сиганул через перила вниз, шлепнувшись на паркет, подвернул ногу, автоматным диском разбил губу и, уже завалившись на спину, увидел как чердачную дверь сорвало с петель и из открывшегося проема вырвался слепящий столп огня. Бах! – этот хорошо знакомый красноармейцу Левиному звук на этот раз ворвался в его душу как сладостная музыка, как долгожданная кода в его любимом «Эгмонте»¹. После взрыва в доме воцарилась мертвая тишина, только черный густой дым медленно, как большой жирный удав, переползал через чердачный порог и рассеивался вокруг большой хрустальной люстры на потолке.

10

Слюна превратилась в жгуче-горькую тягучую массу, стало больно глотать, а голову заполнил нудный протяжный звон. Вставать совсем не хотелось, усталость, накопившаяся за этот сумасшедший день, вдруг навалилась на все тело и как будто увеличила его вес в разы. Превозмогая острую боль в ноге, он ухватился руками за лестничные перила и медленно, с глухим стоном встал, потом поднял ставший невероятно тяжелым автомат, вытер ладонью кровь с губы и осмотрелся вокруг. Клаус исчез. «Значит, жив мальчишка, если смог драпануть отсюда», – удовлетворенно подумал Мотя, но надо было убедиться в результатах скоротечного боя на чердаке – тишина могла быть обманчивой, коварной и предательски изменчивой. Если хоть кто-то из выживших еще может дотянуться до оружия, то задачу следует считать невыполненной и смертельная угроза его родному взводу по-прежнему сохраняется. На этот случай в ПППШ еще есть патроны. Но чердак молчал, дом все так же казался безлюдным, лишь в воздухе поселился едкий запах гари, который бесцеремонно забирался в легкие и вырывался назад удушающим рваным кашлем.

Подогнув онемевшую ногу, он цеплялся руками за перила и из последних сил с автоматом в руке карабкался к чердаку. Уже стоя в развороченном взрывом дверном проеме, он убедился, что боевая задача выполнена: крохотное помещение под крышей превратилось в абсолютно безжизненное пространство. Только почерневшие стены, кавардак вещей на полу да обездвиженные внезапной смертью солдатские тела свидетельствовали о недавнем коротком и жестоком бое. Очередь, выпущенная вслепую, в упор сразила молоденького чернявого лейтенанта. Он лежал у самого входа, раскинув руки в стороны, и удивленно смотрел в потолок. Фуражка с гордым орлом на тулье откатилась к опрокинутому деревянному сундуку с разноцветным тряпьем. Пулеметный расчет в полном составе застыл, уткнувшись лицами в аккуратно уложенные в два ряда мешки с песком. Смерть от гранаты застала их в разгар работы. От мощного взрыва чердачное окно вместе с рамой вылетело наружу, и свежий весенний ветерок весело гулял под крышей.

– Ну вот, рядовой Левин Мотель Абелевич, – обратился он к себе, – боевая задача выполнена, но, как говорит наш взводный, оценку выполненному заданию дает командир!

Он еще раз внимательно осмотрелся вокруг и, опираясь об автомат, доковылял до опрокинутого сундука с ветошью, вытащил из кучи старья вязаный

¹ Увертюра Людвиг ван Бетховена.

джерсер яркого алого цвета и натянул его на еще горячий ствол немецкого пулемета, остальной арсенал искореженного взрывом оружия полетел вниз на зеленую лужайку. Сооруженная композиция из воткнутого между мешками вниз прикладом пулемета с немецким красным свитером ему очень понравилась. Какая фактура для живописца Райнхольда Фелкеля!¹

Берлинский ветер под какофонию городской пальбы старательно развеивал «боевое красное знамя» над Штралауэр Штрассе. Флаг над рейхстагом будет водружен только через несколько часов. Но над городом уже разносилось сначала робкое и нестройное, потом уверенное и торжественное, победное «ура!». Свою не крохотную, но важную победу в этом большом враждебном городе восторженно встречал маленький стрелковый взвод под командованием лейтенанта Прохора Семеновича Кузьменкова. А тот, кто с таким трудом добыл эту победу, стоял у чердачного окошка в полный рост рядом с алым самодельным флагом и, устало опираясь на автомат, восторженно наблюдал, как его изрядно потрепанный взвод на глазах обретает черты полноценного боевого подразделения.

Люди, словно пробуждаясь ото сна, неспешно поднимались с пыльной мостовой, приводили себя в порядок, сносили на газон раненых и погибших. Двое дюжих бойцов бережно положили взводного Кузьменкова на плащ-палатку и потащили впереди подразделения по направлению к теперь уже безопасному дому. Командир, заметив в чердачном окне Мотю, еле заметно махнул ему рукой. От этого дружеского приветствия на сердце стало еще теплее, и Левин, тяжело хромая, спустился на первый этаж, мечтая об одном – захлеб большими глубокими глотками выпить океан ледяной колодезной воды, пить так, чтобы вода заливала его разгоряченное лицо, холодными струями стекала за пазуху и за ворот, охлаждала раскаленное до предела сердце.

Оказавшись на лестничном пролете в просторной гостиной первого этажа, он увидел, что комната ожила. Седовласый сутулый старик в черной жилетке и клетчатой рубашке сидел на диване в центре комнаты рядом с сухонькой старушкой в коричневой кофте и белом переднике поверх широкой клетчатой юбки. Высокая светловолосая женщина лет тридцати-тридцати пяти в приталенном черном платье с ажурным белоснежным воротничком, вероятно, та самая фрау Грета, беспокойно поглядывала в окно, слегка придерживая штору красивой тонкой рукой. Конечно же, она наблюдала за приближающимися к дому русскими солдатами. Двое совершенно одинаковых рыжих упитанных мальчуганов – близнецов лет пяти – о чем-то яростно спорили, стоя у камина. Знакомого серого кота не было видно – наверное, испугался взрыва и забился в укромное местечко. Единственным обитателем этого дома, который находился в постоянном движении, была румяная маленькая девчушка, от силы полтора-двух лет, в белоснежном ситцевом платьице, белых носочках и красных лаковых туфельках. Ее золотистые волосы были заплетены в две аккуратные косички, украшенные большими алыми бантами. Малышка неуклюже бродила по комнате по одному ей известному маршруту, поочередно совершая короткие остановки рядом с матерью, стариками, братьями-близнецами и пришедшимся ко двору Клаусом, который уже успел стянуть с себя военный мундир и жадно пил воду из белого фарфорового кувшина. При этом кроха пытливо заглядывала в глаза каждому, словно хотела что-то спросить. А может, она просто играла в какую-то увлекательную игру, вдруг родившуюся в ее прелестной маленькой головке.

¹ Левин не знал, что известный ему австрийский художник умер в 1938 году.

Было такое ощущение, что эту немецкую семью война застала внезапно, нарушив стройную череду обыденных домашних дел. Как будто они собирались на семейную прогулку в парк, зоосад или в кинотеатр, и в мыслях не способные допустить, что надежный, мудрый и заботливый глава семейства покинет их в опасности, доверив жизнь и судьбу каждого случайным обстоятельствам. И что их добрый уютный дом в одно мгновение превратится в неприступную крепость, извергающую смертоносный огонь, жадно пожирающий жизни непрошенных чужаков. И что для них война закончится, когда в этот дом без спросу проберется маленький кривоногий еврей в советской военной форме и, забравшись под самую крышу, вернет им долгожданную тишину.

Появление в гостиной хромого русского солдата с кровоточащей губой как будто совсем не испугало семейство (по всей видимости, шустрый Клаус уже успел рассказать о нем). Малышка вообще не удостоила его своим вниманием как несуществующего персонажа ее игры. Близнецы вдруг прекратили свой спор и в две пары зеленых глаз с любопытством уставились на незнакомца. Взрослые же смотрели на него – нет, не испуганно и даже не настороженно, – во взгляде каждого была какая-то глубокая обреченность, словно они всецело отдавали себя и детей в руки чужака, не имея ни сил, ни желания, чтобы сопротивляться ему или молить о пощаде. Даже когда солдат притронулся к цевью автомата, среди присутствующих в комнате ничего не изменилось. Только старик положил свою широкую бугристую ладонь поверх сухонькой жилистой руки жены, а фрау Грета, не отходя от окна, мягко прижалась спиной к стене так, что можно было подробно разглядеть ее правильные черты лица и точеную фигуру. В гостиной царило полное безмолвие, только дальняя канонада напоминала о войне, и было слышно, как шуршат занавески на приоткрытом окне да топают по паркету маленькие косолапые ножки в красных лаковых туфельках.

Левин прислонил к перилам еще не остывший ППШ, а сам осторожно, не желая нарушить эту и без того хрупкую тишину, присел прямо на ступеньки, вытянув перед собой ноющую от боли ногу. Он мог, не задерживаясь в этом чужом ему доме, выйти во двор и присоединиться к родному взводу, но что-то цепко держало его и не хотело отпускать – может быть, этот давно недоступный ему и почти забытый семейный быт, уют и покой под крышей посреди бушующего страстями и огнем пространства? Он сомкнул тяжелые набухшие веки и представил, что вместо этой незнакомой ему немецкой семьи рядом с ним оказались дочурка Раечка, жена Софа, мама Циля, папа Абель, бабушка Рахель и дедушка Ефим. И неожиданно для всех, не открывая глаз, он тихо, еле шевеля губами, запел на идише:

– Пойте с нами, пойте с нами...
Чири-бим, чири-бом...

Пойте с нами, деточки,
И пусть над головами
Летает эта песенка
С веселыми словами.
А мама варит суп с лапшой,
вареники и кашу,

дрейдл¹ крутится целый день
под эту песню нашу.

Эту шуточную песенку в детстве пела ему мама, а позже он исполнял для своей маленькой дочурки. Ее слова наизусть знала вся семья Левиных и часто весело и с задором исполняла ее на три голоса за праздничным столом. Раечка по-детски сильно картавила, но всегда силилась безошибочно пропеть каждый звук, особенно на припеве: «Чири-бим, чири-бом!». Дедушка Ефим вставал в полный рост и старательно, но уж очень смешно дирижировал.

Бабушка Рахель от этого заливалась на удивление молодым беззаботным смехом. А мама притворно сердилась: ну неужели нет другой песни – всегда одно и то же! И все же радостно пела вместе со всеми.

Он на мгновение умолк, откашлялся и уже более громко продолжил:

– Чири-бим, чири-бом...
Однажды вышел погулять
Наш досточтимый ребе,
но вдруг ударил сильный дождь
из черной тучи в небе.
Промокший ребе крикнул туче:
«Уж хватит этой пытки!»
Все хасиды сухими были тогда,
Лишь ребе наш промок до нитки.
Чири-бим, чири-бом...²

Когда Мотя перестал петь и разомкнул веки, то увидел, что прямо перед ним стоит розовощекая маленькая путешественница. Невольно подумалось: «Нет, она совсем не похожа на мою Раечку – худенькую, чернявую, кареглазую». Девочка внимательно смотрела ему прямо в глаза. Ага! – догадался Левин, – он удостоен высокой чести быть принятым в игру! – и даже через боль в рассеченной губе попытался улыбнуться, но совсем забыл, как это делается, и вместо улыбки получилась какая-то несуразная гримаса. А девчужка протянула к нему свою белоснежную пухленькую ручку и вложила в черную от копоти, задубевшую от мозолей ладонь что-то гладкое и теплое, заботливо согретое в ее крохотной кукольной ладошке.

И сразу же воздух в комнате стал легче, как будто приоткрытое окно выпустило в огнедышащий город ту общую скованность, которая витала здесь еще минуту назад. Фрау Грета улыбнулась – еле заметно, самыми краешками тонких губ, – и легким движением руки уложила в прическу упавшую на тонкий лоб темную прядь. Пожилая чета, переглянувшись, как по команде засияла широкими улыбками, обрамленными ажуром множества добрых морщинок. Старик закивал головой – мол, бери, бери, не стесняйся! Близнецы синхронно прикрыли

¹ Четырехгранный волчок, с которым, согласно традиции, дети играют во время еврейского праздника Ханука.

² Старинная еврейская песня о еврейском празднике Пурим, в оригинале исполняется на идише. Праздник Пурим установлен, согласно библейской Книге Есфири, в память о спасении евреев, проживавших на территории Древней Персии, от истребления Аманом-амаликитянином, любимцем царя Артаксеркса.

рты ладошками, сдерживаясь перед незнакомцем, но смех упорно прорывался сквозь растопыренные пухлые пальчики.

Маленькая игрунья, вдруг изменившая только ей известные правила игры, удовлетворенно заиграла ямочками на румяных щечках. Неизвестно откуда снова появился большой серый кот и вальяжно по-хозяйски прошествовал к камину.

11

Уже стоя на крыльце дома во внутреннем дворике с вещмешком за спиной и ППШ на правом плече, он раскрыл ладонь, и сразу же заиграла на ней веселыми бликами маленькая фарфоровая фигурка поваренка – солонка из старинного столового прибора – смеющийся голубоглазый мальчуган с толстыми розовыми щечками в переднике, покрывающем круглый животик, и пышном белом колпаке с множеством крохотных дырочек. В пухлой ручке он сжимал большой, в половину его роста, половник. На доньшке фигурки рядом с отверстием, наглухо запертым рукотворной газетной пробкой, значилась черная циферка «9».

Мотя сомкнул ладонь, и поваренок исчез, но продолжал в своем надежном укрытии источать какое-то особенное тепло – сохраненную фарфором добрую тепель маленькой детской ладошки. А на вновь открытой широкой солдатской ладони фарфоровый малыш снова широко и задорно улыбался, словно и нет вовсе войны, как будто вот-вот начнется обед большой дружной семьи и он, стоя посреди стола, будет щедро раздавать каждому кто пожелает белоснежную, искрящуюся на свету соль.

Казалось, что теплое весеннее солнце щекочет мальчишке его курносый носик и от этого поваренок еще пуще заходится милым беззаботным детским смехом. Невозможно было оторвать взгляда от этой смешной незамысловатой рожицы! Время внезапно застыло так, как будто какой-то добрый-добрый волшебник решил в награду Мотелю Левину за его незавидную судьбинушку продлить это теплое, радостное и совершенно мирное мгновение.

Странно все сложилось. Мотя даже не смог сразу осознать, что произошло в его измученном, скорбящем сердце в эти несколько минут в этом совершенно чужом ему доме. Ведь он ждал этого часа всю долгую войну. Через пыль, грязь, огонь и кровь он прорывался к этому ненавистному городу, к этому логову жестокого беспощадного зверя, лишившего его самого дорогого на этом свете – его любимой семьи, вырвавшего из души радость и любовь, мечты и чаяния. Четыре года назад в блиндаже под Москвой он поклялся вернуть все с лихвой, по закону справедливости (око за око, зуб за зуб, кровь за кровь) отомстить и таким образом обрести покой в израненной войною душе. Но что-то сломало внутри тот отточенный ненавистью стержень, уже напоенный чужой кровью во многих жестоких схватках.

Невольно оказавшись в кругу чужой семьи, совсем ему незнакомой, со своим укладом, порядками и традициями, он вышел из этого круга уже другим. Тепло руки невинного перед Богом и людьми ребенка как по мановению волшебной палочки возродило в нем давно забытые чувства. Сжимая в руке фарфорового поваренка – маленького символа семейного уюта, он даже через толщу мозолей ощущал это тепло каждой клеточкой кожи, оно медленно просачивалось через поры и приятно разливалось по всему телу.

– Du, Russe! Ich habe dich betrogen! Ich bin kein Jude!¹

¹ Эй, русский! Я тебя обманул! Я не еврей (нем.).

Волшебство мгновенно растаяло, испарилось, спугнутое простуженным, противно писклявым голосочком. И добрый волшебник, разгневанный этим грубым вторжением в его сказку, с громким хлопком закрыл свою волшебную книгу и вернул ее случайного читателя в суровую, далеко не добрую действительность.

Пуля дзынькнула о медали и горячей иглою вонзилась в грудь точно на уровне сердца. Медленно оседая на крыльцо, сквозь застилавшую глаза плотную бордовую пелену он успел заметить в большом распахнутом окне золотоволосую малышку с широко раскрытыми удивленными глазами цвета весеннего неба и из последних сил крепко-крепко сжал в ладони фарфорового поваренка.

Чири-бим, чири-бом...
Вот говорят, местечко Хелем
полно дураками,
мы все б сияли красотой,
были б мы с мозгами.
Смеются хелмцы всем назло
с рассвета до заката.
Скажите, кто ж из нас дурак,
А кто ума палата.
Чири-бим, чири-бом...

Он стоял перед большим праздничным столом, за которым в какой-то серебристой искрящейся дымке сидела и дружно пела вся его любимая семья. Раечка музыкально картавила, дедушка Ефим с воодушевлением под задорный смех бабушки играл роль дирижера. А мама, как всегда, как будто бы сердилась: ну что за глупая песня! Потом вдруг в комнате воцарилась звенящая тишина, а мама с печальной улыбкой посмотрела на Мотю и ласково произнесла:

– Где ж ты ходил, Мотя? Тебя только за смертью посылать, ж аува шэли¹. Мацебрай² совсем остыл, – каждым произнесенным словом мама согревала его. – Соль-то принес, сынок?

– Да, мама, принес, – ответил он, но голоса почему-то не было слышно. Мотя сделал шаг к столу и поставил рядом с блюдом, наполненным мацебраем, смешного фарфорового поваренка – солонку из старинного столового сервиза.

Как только он сделал шаг к столу, чтобы присесть рядом с дочкой и обнять ее узенькие плечи, матушка остановила его:

– Не надо, сынок. Рано тебе отдыхать. Ступай себе с Богом. Впереди у тебя дальняя дорога...

12

– Слава Богу, очнулся сердешный! Эко тебя немец проклятый посек! Чтоб ему провалиться окаянному! Дыши, дыши глубже, касатик, вдыхай жизнь, родненький! Жить теперь будешь до-о-олго!

Он почему-то знал, что санитарку, сейчас суетившуюся у его госпитальной койки, зовут тетя Таня и что муж ее погиб под Киевом, а сын пропал без вести в боях за Польшу. И еще знал, что тетя Таня щедро делится с ранеными своим

¹ Любимый мой (иврит.)

² Еврейское национальное блюдо, которое готовят на праздник Песах, в его основе маца, яйцо, лук, чеснок, грибы и специи.

рабочим пайком, а сама обходится «чайком с сухариком». Вот и сейчас она положила ему на подушку у самого уха два кусочка сероватого сахара, погладила мягкой материнской ладонью по давно не бритой щеке и умчалась по каким-то неотложным делам.

Постепенно выбираясь из тягучего, серого, неудобного, со вспышками острой боли полусознания, Мотя медленным внимательным взглядом обводил палату. Первое, что он увидел, это высокие сводчатые потолки с лепниной в виде множества крылатых ангелочков. Через широко открытое большое окно с марлей, заменяющей занавеску, комната наполнялась ярким солнечным светом. Потом взгляд бегло прошелся по двум рядам теснившихся друг к другу панцирных коек: две – с обнаженной ребристой сеткой и скрученными к ногам матрасами; ту расстеленную, видно, ненадолго покинул хозяин; на кровати у окна кто-то большой и длинный громко храпел, прикрыв лицо разворотом «Красноармейской правды» с броской надписью: «Враг разбит! Победа за нами!»¹. А на соседней койке – как же он сразу не заметил! – весь в бинтах, сильно похудевший, но как всегда гладко выбритый, возлежал на боку его родной взводный, лейтенант Прохор Семёнович Кузьменков, и приветливо улыбался Моте!

– С возвращением тебя, герой! Победу ты, конечно, проспал, но твои положенные фронтовые еще плещутся у меня во фляге, – на радостях Кузьменков даже помахал ему забинтованной рукой – точно так, как тогда на Штралауэр Штрассе.

– Девять дней ты в бреду нам свою судьбинушку нелегкую рассказывал. Семью твою всю поименно выучил. Вот только никак не смикитил, кто такие Клаус да фрау Грета? Ох, гляди, солдат, СМЕРШ² и после Победы работает исправно.

Победа! Живой взводный! И он вроде как выжил! – чувства переполняли грудь. Мотя даже попытался приподняться, но резкая боль в груди вернула его в прежнее положение.

– Лежи солдат! Чего не по делу дергаешься?

Кузьменков проворно вскочил со своей койки, на лету прихватил костыль и в три прыжка оказался на подоконнике, умудрившись во время своего неповторимого полета оттяпать кусок газеты прямо с лица длиннющего храпуна. Удобно устроившись, он вытащил из кармана свой любимый кисет, желтыми от постоянной дружбы с самосадам пальцами выщепил из него щепотку махорки и несколькими ловкими движениями соорудил солидную самокрутку, так называемую «козью ножку».

– Эх, на минутку мы не успели к тебе! Эсесовца того пузатого хотели там же во дворе прикопать, но не простым он оказался – кажись, штабной посыльный, и конверт с печатями при себе имел. Харю мы его жирную, конечно, серьезно подправили и таким живописно разрисованным прям в штаб дивизии и доставили.

Взводный глубоко с наслаждением затянулся и продолжил:

– Через недельку после того, как нас с тобой военхирург Ногаллер³ поочередно заштопал (тебя, промежду прочим, первым), Сашка Галабурда притащил

¹ Через несколько дней после Победы в номере этой армейской газеты под таким заголовком было размещено обращение И.В.Сталина к народу.

² Система контрразведывательных подразделений в РККА в период Великой Отечественной войны (сокращенное «Смерть шпионам»).

³ Ногаллер Александр Михайлович, в 1945 году – гвардии майор медицинской службы, начальник отделения 180 ХППГ, с 1941 по 1945 г. находился в действующей армии, после войны – доктор медицинских наук, профессор, член Нью-Йоркской академии наук.

в палату фляжку водки по случаю Победы. И мы с ребятами из всего что было соорудили приличный праздничный стол – тушенка, хлеб с лучком, корочке, все по-барски (ты-то в это время какую-то песню в бреду на своем тарабарском мямлил).

Ногтем указательного пальца он аккуратно стряхнул на ладонь горку пепла.

– Так вот. Когда Сашка захмелел, то поведал мне, что в тот день он, будучи в карауле, нес службу «на часах» у штаба и через открытое окно слышал допрос этого самого фашистского сержанта. Тот, со страху в штаны наложив, наплел, что принадлежит к еврейской нации (*Мотя хмыкнул*), а немцам служил по принуждению. И состоял этот подбитый нами гамадрил писарем при штабе бельгийской дивизии СС, обороняющей Берлин.¹ А последние два дня из-за нарушения связи и больших потерь как коренной берлинец, хорошо знающий город и сверху и под землей, использовался начальством как посыльный для связи с другими германскими частями.

Кузьменков досмолил свою самокрутку и запустил пепел с ладони по ветру.

– Он-то и тебя принял за такого же посыльного и решил, гад, выслужиться – притащить в свой гадюшник еще один пакет, только с нашими секретами.

– А в пакете, что при нем был, как раз и значились сведения о ближайших планах его эсесовской коды. Так что ты, Мотя, молодец вдвойне! Командир тебя к Ордену Славы представил! Коли дырку, солдат!

Потом командир взглянул на забинтованную Мотину грудь, смущенно извинился за неуместную шутку и добавил:

– Твои-то медальки не зря на гимнастерке болтались, они первыми пулю и приняли. Она же, окаянная, срикошетила от них, полет свой замедлила и до сердца самую малость не дошла. Военхирург Ногаллер так и сказал: «Героя его же награды и сберегли...»

– Опять, Семеныч, махру смалишь в палате?! – раздался от двери грудной голос тети Тани. – Я вот скажу доктору, и выпишет он тебя отседова без выздоровления!

Санитарка притворно грозно зыркнула взглядом на Кузьменкова и пошире распахнула окно, так что в палате отчетливей стало слышно многоголосое щебетание птиц, а марлевая занавеска заволновалась от нежного касания легкого теплого ветерка.

– А ты чего ж, соколик, сахарок не сосешь? Соси, соси, милай, глюкозку-то, окрепнешь скорее. Сейчас и кашка подоспел, покормим тебя.

Тетя Таня присела на край Мотиной койки, заговорщицки извлекла из бокового кармана белоснежного халата и вложила в его влажную пятерню нечто очень знакомое на ощупь – гладкое и теплое. Он, еле дыша, медленно и очень осторожно разжал пальцы. На дрожащей, исхудавшей за несколько дней ладони радостно бликовал под лучами солнца и беззвучно заливался беззаботным ребячьим смехом его (теперь уже его) поваренок!

– Ты, милоч, уж больно крепко его держал, никак не хотел отпускать. А как Ногаллер пулю из тебя вытянул, ладошка сама и разжалась.

Тетя Таня ловко сунула ему в приоткрытый рот кусок сахара и продолжила:

– Так он и стоял на подоконнике в операционной, пока ты между небом и землей маялся. Каждому раненому своими губенками улыбался, а им, сердешным, вроде и легче становилось. Фельдшер наш хотел себе забрать, да не дала я. А как

¹ В мае 1945 года Берлин защищали бельгийские дивизии СС «Лангемарк» и «Валлония».

в руку его возьмешь, то теплее становится, то ли солнцем нагретый, то ли глина такая, а может, кажется все это.

Мотя слушал тетю Таню, сжимая в руке улыбаху-поваренка, и доброе тепло разливалось по телу, а перед глазами кружилась та маленькая золотоволосая игрунья, доверчиво впустившая его в свою загадочную игру.

Потом поваренок по-хозяйски разместился на Мотиной прикроватной тумбочке и с улыбкой наблюдал, как бойцы уплетают перловую кашу на сливочном масле.

Подкрепившись, Мотя, не устояв под натиском Кузьменкова, неохотно поведал ему обо всем, что произошло в том самом немецком особняке. Взводный участливо кивал седой головой, словно пытался поддержать Левина даже в его воспоминаниях.

Вдруг с койки у окна раздался громкий бас:

– Ну і дурень же ти, солдатик. Брязгальцу марну від нимчуры приволік. Хіба ж це трофей? Курам на сміх!¹

Здоровенный увалень свесил ноги с койки и продел громадные босые ступни в такие же громадные шлепанцы.

– У тих буржуів можна було б цацки и красившее та багатше ревізувати², – богатырь звучно высморкался в клетчатый носовой платок, – у мене ось посилочка зі шматьем німецьким для моєї Маруські дуже знатна вийшла. Трофей так трофей!³

Кузьменков резко оборвал его:

– Сам ты дурак, Непитайленко! Жене тряпки германские шлешь! Ну, пофорсит она в них год-другой, да на ветошь и пустит. А ежели ты ее с голодухи ежегодно брюхатить будешь, так шмотки эти лишь моли на прокорм пойдут! – Взводный резко вскочил с кровати и судорожно схватился за костыль (вот-вот запустит в неразумного Непитайленко!). – А здесь дитя невинное солдату русскому в благодарность от чистой душонки своей младенческой отдало. За подвиг его! За то, что не очерствел он на войне этой проклятой и не мстит им пришел, не грабить, не убивать! А защиту дал да покой дому их вернул! Память теперича – и семье той немецкой, и ему – на всю жизнь!

Он ласково глянул на поваренка и для убедительности закончил тем же, с чего начинал:

– Дурак ты, Непитайленко, ох и дурак!

Окончание следует.

¹ Ну и дурак же ты, солдатик! Побрякушку бесполезную от немчуры приволок. Разве ж это трофей? Курам на смех! (укр.)

² У тех буржуев можно было бы цацки красившее, да побогаче реквизиовать (укр.)

³ У меня вот, посилочка со шматьем германским для моей Маруськи очень знатная получилась! Трофей так трофей! (укр.)

Поэзия

Наталья ЕГОРОВА

Днепровские строфы

1

Шумят в старинных поймах ковыли,
Седые строки повести былинной,
А над Днепром опять закат в крови,
И ничего не скажет о любви
Земной судьбы податливая глина.

Сомни ее устало в кулаке,
Слепи в извечном поиске исхода
Солдата и, поставив на песке,
Подумай, что сомнительна свобода.

А там, в тени под ивами, в воде
Зеленой тиной – камуфляжа пятна,
И словно кровь – лучи на бороде
Застреленного русского солдата.

И водоросли-волосы скользят
У берега косой девичьей длинной.
Кувшинкой вышит свадебный наряд
Зеленоглазой Мавки с Украины.

Вас Днепр свел, течением времен
В верховья вечной памяти забросив.
Ведь сказано в преданиях племен –
Любите, дети. С вас никто не спросит.

Отхлынет эхо долгое войны
Как алый отблеск вечного былого.

Вы были влюблены. Погибли вы.
Но все пройдет, и все вернется снова.

Солдат опять отправится в поход
И ночью вновь напорется на мины.
И Днепр из трав речных опять совет
Венок для Мавки – Мавки с Украины.

Но вы, чья плоть в ручьях
речной травы,
В тяжелых зернах зреющих колосьев, –
Любите больше. Пусть погибли вы –
Вы все прошли.

С вас вечной мерой спросят.

На мягкой глине и речном песке
Днепровских пойм запишется былина,
И вновь сомнется медленно в руке
Земной судьбы податливая глина.

2

Гей, батька Днепр! Красна былин ладья,
Полна старин скрипучая телега!
Но шевельнулась древняя змея
В седом кургане Вещего Олега.

Гей, старец Днепр! Ты узок стал на вид –
Ни прежних вод, ни прежнего размаха.
Но рощица осенняя горит,
Венчая холм, как шапка Мономаха.

И за нее по-прежнему война
Идет, и кровь багрит твои равнины.
И бьется у врагов в плену княжна –
Запроданная Мавка Украина.

И русский князь опять не спит ночей,
Пытая долю в битве сокровенной,
И на лихих ярит степных коней,
И шлет родимым весточку из плена.

Но утро ясно. Небо высоко.
И ласточки еще не закричали.
И видно – на столетья далеко,
Как будто мир еще в своем начале.

Как будто Игорь не попал в полон,
И Муромец еще в седле и славе,
И жив отважный генерал Скалон,
И Тёркин лишь подходит к переправе.

И Святослав встает на стремяна,
В ковыль времен врезая битв подкову.
И мчатся скакуны Бородина,
И рвутся в сечу кони Куликова.

И ясно, что преданий не ценя,
Мы что-то пропускаем, хоть и знаем –
И вновь родного предаем коня,
И от коня, как прежде, погибаем.

А над рассветом, в огненной броне,
Былиной неразгаданной для внуков,
Летит святой Георгий на коне,
И рядом на коне – Георгий Жуков.

3
Здесь все славянской речью поросло.
Роняют сосны смол янтарных сгустки.
Пускай теченьем ила нанесло –
В днепровском русле льется
древнерусский.

Здесь на прибрежном мху валун седой
Тропой бредет века к святым печерам,
И буквицы-стрекозы над водой,
В слова слагаясь, дышат вечной верой.

Здесь все кувшинки, перечни имен,
Осоки и предания былого,
Теченья рек, речения племен
Сливаются в священном русле в Слово.

Над соснами и вечным ходом вод
Оно шумит старинною свободой,
И Книгой Жизни синий неба свод
Простерт над поймой – летописным
сводом.

Здесь Третья Вавилонская война
Еще не разделила мир наветом.
Едина речь. И слиты племена
В глаголе – как перед кончиной света.

Здесь можно ясно вспомнить и назвать
Живых и мертвых предков поимённо,
И над Законом льется Благодать,
Снимая с мира тяжкий крест Закона.

И снится руслу ныне и поднесь
Ладья и парус – вечная дорога –
И речь, где тихим выдохом:
«Аз есмь!» –
Плывет сквозь ночь святое Имя Бога.

4
Ой, Днепр, Днипро,
река славянских слез!
О русской славе и о русском горе
Береговушки свищут возле гнезд,
И с каждым годом все кровавей зори.

И глиняная летопись времен
Слезой плывет в подкове оберега,
Но чутко спит и видит вещей сон
Змея в кургане Вещего Олега.

В нем танки ищут в брешах века ход –
Немецких свастик пауки косые,
И Киев-Змий к святым мощам ползет,
И Киев-Вий хватает меч Андрия.

Да ты незряч, как всякий курослеп,
Бендер и ляхов смрадный улей виев!
Но на конях с Небес Борис и Глеб
Летят, спешат в великий город Киев!

А там, в проломе княжьей высоты,
Еще недавно ясно золотые,
Сияют Лавры черные кресты
Над рухнувшим крестом Святой
Софии.

Кто нас столкнул?
Что значит черный сон?
Кто из дружины братского народа
Заморской древней ересью сражен?
Кого страшит славянская свобода?

Да это ты – земных веков шлея,
Смертельная гадюка в корне древа –
Эдемская ползучая змея,
Толкнувшая на грех Адама с Евой!

Шипишь...
А здесь, в плавильнице племен,
В чернобыльских
мутантных колбах века,

Где код цивилизаций изменен,
Идет последний бой за человека –

Не кибера с компьютерной душой,
Не «фрукта» генетических гибридов.
Икона Божья – человек живой –
Не знает отцифрованных подвидов.

Здесь бой идет за веру, где в цене
Любая жизнь. И в вечном единеньи
Живого – мчится всадник на коне
Как вечный символ Божьего творенья.

А ты, природа, – конь земных кровей,
Мчишь по векам – стремящим
воды рекам,
И в зле своем бессилен вечный змей
До той поры, пока ты с человеком.

Ответных санкций экстренный пакет
Пропишем господам америкосам –
От «солнцепеков» русских и ракет
Отведайте российского «кокоса»!

Но ты, змея, ты – спи! Во мху времен,
В седых курганах.
Каждый русский верит,

Что разгадает гибельный твой сон
И не наступит вновь на конский череп.

5
А женских слез гремучая кудель
Кровь разжижает и лишает славы.
На башнях сечи видевших кремлей
По-бабьи не рыдайте, Ярославны!

О князе не рыдайте золотом –
Он в землю в битве лег
под вражьем станом.

О сыне не рыдайте молодом –
Горят огнем в бинтах кровавых раны.

А мертвым пал ты в праведном бою,
С победой вышел правою из боя –
Ты отдавал за други жизнь свою.
Здесь в бой выходят.
Здесь творят святое.

Войной священной вышел здесь народ
Пасть с честью или выжить –
за свободу!

В разрывах пуль и мин Христос идет
По красным водам,
по днепровским водам.

Он отдал жизнь – и знает цену ей,
До капельки пролитой без приказа.
И смотрят сквозь прицелы веселей
Глаза бойцов российского спецназа.

Где Тёркин переходит реку вброд,
На переправе горюшко солдатам!
Христос протянет руку и спасет
И выведет бойцов, как в сорок пятом.

Рванув вперед врагам наперекор
Под долгожданный рокот вертолета,
Бинтами обмотав земной простор,
Работает уставшая пехота.

По свастикам немецким лупит «град»,
Бьют «солнцепеки» – новые «катуши»,
И прямо в рай от красных вод летят
Святых бойцов искупленные души.

– Христос Воскрес!

Живой Христос – с тобой!

Ликует солнце в поднебесных сводах.

Мешая кровь бойцов с речной волной,

Владимир крестит Русь

в днепровских водах.

Строчит прицельно вражий пулемет.

В рубахе из холщового тумана

Христос идет по руслу древних вод.

У сердца – окровавленная рана.

6

Нет, Днепр Славутич, музы не молчат,

Когда прицельно

бьют по нашим пушки.

И Нестору о подвигах кричат

И в клювах кровь несут береговушки.

Он пишет кровью павших до утра

Победы повесть с вестью похоронной,

Пока на ивы старого Днепра

Ложится тень от вражеского дрона.

Черны кресты. Кровав в полях восход.

Солдатской кровью

всходят в поймах маки.

Но бьет не умолкая пулемет

В десантной смертной,

доблестной атаке.

Здесь живы все! У Бога мертвых нет!

И надо смерть пройти и боль осилить.

Еще горит в пещерах Лавры свет,

И Нестор пишет правду о России.

К 80-летию полного освобождения
Ленинграда от фашистской блокады

Поэзия

Евгений ЛУКИН

Евгений Валентинович Лукин родился в 1956 году. Окончил ЛГПИ имени Герцена. Работал учителем и журналистом, проходил военную службу. Участник первой чеченской войны. Автор сорока книг поэзии и прозы. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и России. Лауреат ряда литературных премий.

Блокадные фрески

МЕТРОНОМ

В блокадном Ленинграде радиоработало без перерыва. Когда заканчивались передачи, в эфир транслировался мерный стук работающего метронома. Для жителей этот стук означал, что окружающий мир все еще существует и они не находятся в полном ледяном заточении.

Темно и тихо в мире
За ледяным окном.
И лишь стучит в квартире
Блокадный метроном.

Настойчиво и гордо
Чеканит он слова,
Что жив любимый город
И Родина жива,

Не даст остановиться
Мгновениям живым,
И будет сердце биться
Всегда созвучно с ним.

И ты запомни твердо:
Так в вечности звучит
Непокоренный город,
Незыблемый гранит.

БЛОКАДНЫЙ ХЛЕБ

«Вода, мука и молитва» – так определяли состав блокадного хлеба ленинградцы. Для увеличения его выпечки в муку добавляли отруби, жмых, березовые почки, даже пищевую целлюлозу. Старый пекарь Даниил Иванович Кютинен, всю жизнь проработавший на хлебозаводе, умер от голода у печей с горячим хлебом.

Для блокадного хлеба святого
По сусекам муку собирал,
Из мешка высыпал холстяного
И пылинки со стен соскребал.

Добавлял и березовых почек,
И подсолнечный жмых добавлял.
Словом сдабривал каждый кусочек
И горючей слезой окроплял.

Был на глину похож хлеб блокадный,
И от горького горя тяжел.
Но в нем теплился дух благодатный,
Чтобы каждый надежду обрел.

Старый пекарь как ангел алтарный,
Добрый пастырь при всякой судьбе,
Он от голода умер в пекарне,
Но не взял ни крупички себе.

РУССКАЯ МОЗАИКА

Накануне блокады прославленный мозаист Владимир Александрович Фролов получил заказ – изготовить для московского метро серию мозаичных панно. В холодной мастерской при свете керосиновой лампы старый мастер выполнил заказ, отправил панно в Москву по Дороге жизни и тихо скончался от голода.

Не прост заказ столичный,
Но мастер все равно
Из смальты мозаичной
Выкладывал панно.

Мороз его седины
Посеребрил, как дым.
Но дивные картины
Вставали перед ним.

Там хлеб крестьяне жали,
Сооружали кров.
Там рыбаки сгружали
Серебряный улов.

Из горнего там края,
Сияя в облаках,
Сходила мать святая
С младенцем на руках.

И чудилось, что с неба
Несут волхвы опять
Сто двадцать граммов хлеба,
Точней – сто двадцать пять.

Старик заказ Отчизны
Исполнил наяву,
И по Дороге жизни
Отправил груз в Москву.

А сам в рубахе бедной
Пошел путем своим –
Дорожкой заповедной
В святой Иерусалим.

БЛОКАДНАЯ ЭКСКУРСИЯ

С началом войны бесценные картины Эрмитажа были эвакуированы на Урал. На стенах остались висеть только рамы. Весной 1942 года начальник охраны Павел Филиппович Губчевский провел для сибирских призывников, отправлявшихся на фронт, экскурсию по пустым залам Эрмитажа.

Укрыла на Урале стража,
Подальше от враждебных стран,
Сокровища из Эрмитажа –
Джорджоне, Рембрандт, Тициан.

Не стало ни полотен ценных,
Ни изваяний по углам.
Лишь рамы на музейных стенах
Раскинулись то тут, то там.

И вдруг солдаты строем важным
Вошли сюда – за взводом взвод.
Их вел по залам эрмитажным
Единственный экскурсовод.

Вставал у рамы опустелой:
«Вот – Тициан! Великий дар!
Взгляните: крест несет тяжелый
Христос – небесный комиссар».

Он воздавал хвалу Джорджоне:
«Представьте: юная Юдифь
Повергла фюрера на троне,
Мечом могучим поразив».

Он так живописал словами,
Что рембрандтовский Авраам
Как бы сникал перед глазами
И острый нож бросал к ногам.

И каждый из солдат недаром
Вскипал от ярости, сравнив
Себя с распятым комиссаром
Или с разведчицей Юдифь.

Ведь каждый был готов из мрака
Идти сквозь огненный буран,
Где поведут его в атаку
Джорджоне, Рембрандт, Тициан.

КАБИНЕТ ФАУСТА

В годы блокады читальный зал Публичной библиотеки находился в т.н. кабине-те Фауста, похожем на средневековую монастырскую келью. Здесь хранились редкие книги, а посередине стояла статуя немецкого первопечатника Иоганна Гуттенберга. Однажды сюда попал немецкий снаряд...

Из тьмы блокадной, бесконечной,
Не зная никаких преград,
Ворвался в зал библиотечный
Крупнокалиберный снаряд.

Немецкий канонир, наверно,
Не просто так сюда стрелял,
А по наводке дальномерной –
Туда, где тихий свет сиял.

Он круг старинных фолиантов
Разрушил бы в единый миг.
Ему был ад милее Дантов,
Чем райский сад ученых книг.

Как варвар, темен, злобен, меток,
Он просвещение отверг.
Ему был чужд далекий предок –
Первопечатник Гуттенберг.

Но тут – «Остановись, мгновенье!» –
Ученый секретарь сказал...
И вдруг снаряд, прервав движенье,
Болванкою свалился в зал.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ СИМФОНИЯ

Зимой 1942 года дирижеру Карлу Ильичу Элиасбергу поручили исполнить Ленинградскую симфонию композитора Д.Д. Шостаковича, посвященную осажденному городу. Дирижер собирал музыкантов повсюду – от передовой до гостиниц и даже моргов. Премьера симфонии состоялась 9 августа 1942 года.

Симфония подобна чуду!
Ее сыграть – большая честь.
И дирижер собрал повсюду
Всех скрипачей – какие есть.

Трубач из роты пулеметной,
Хоть страшная метель мела,
Явился к сроку в зал холодный,
Где репетиция была.

Туда же валторнист роскошный,
Боец зенитного полка,
Спешил по наледи дорожной,
Поглядывая в облака.

На санках, будто на карете,
Доставили флейтиста в зал.
Альтист, лежавший в лазарете,
На костылях приковылял.

– А где ударник молодецкий? –
Осведомился дирижер.
Ему ответили: – В мертвецкой!
Там слушает небесный хор.

И, отыскав в мертвецкой тело,
– Воскресни! – дирижер шепнул.
И вдруг мертвец заиндевелой
Рукою тихо шевельнул...

А в день премьеры среди лета
Он так симфонию сыграл,
Словно с того вернувшись света,
Он смертью смерть опять поправил.

Поэзия

Наталья ТИМОФЕЕВА

Наталья Тимофеева родилась в 1972 году в Пензе. По первому образованию филолог, второе образование экономическое. Окончила курс литературного мастерства в Литературном институте им. А.М. Горького, литературные курсы им. А.А. Ахматовой. Публиковалась в журналах «Нева», «Московский BAZAR», «Юность», «Русскоязычная Америка», литературных порталах, в сборниках и альманахах России, Беларуси, Болгарии, Бельгии, Германии, Израиля, Литвы, США, Украины, Чехии, ОАЭ. Автор трёх поэтических сборников и сборника литературных переводов. Лауреат международных конкурсов. В настоящее время проживает в г. Химки (Подмосковье).

Шаг за шагом

НА КОНЧИКЕ ГРАФИТА

С утра на проводах слюда небес.
Нахохлился промёрзший за ночь лес,
Ознобом крыш глядит в округу город.
Река шугою дышит, словно ёрш,
И всё во мне – предчувствие и дрожь.
(Остаться дома вновь найдётся повод).

Не выхожу. За рамки и за дверь.
Я – загнанная птица. Или зверь.
В загоне не дают определений.
Гляжу через расширенный зрачок,
Как создаёт какой-то паучок
Живую "микросхему" поколений.

Нам с ней по кругу, видимо, бродить.
Прочнее стали, между прочем, нить,
И для неё судьба – за ординату.
Паук своим владеет мастерством:
Когда его случайно впустишь в дом,
То время замирает по квадрату.

Из четырёх углов не убежать.
Вот дверь. Окно.
Вот книжный шкаф. Кровать.
Уходит что-то важное из вида...
А впрочем, просто серость и зима.
Пусть за окном весь мир сошёл с ума,
Ты жив ещё на кончике графита.

Мне приснится весна,
Чтоб проснуться, как почки на ветках,
Чтобы плакать капелью сосуллек в замёрзшей душе.
Мне приснится хорошее. То, что случается редко.
Обязательно в дательном – чтобы для всех – падеже.

Я отброшу тревоги – тяжёлых времён одеяло:
Очень хочется лёгкости – жизнь не должна отступать.
На тетрадном листе пожелтевшем и в клетку линиялом
Начинают стихи, словно почки берёз, оживать.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДОЖДА

Эта нить, что крепила шинель облаков,
Потянулась от неба дождём, искажая пространство.
Паруса наполняет ветрами забытых стихов,
И пульсирует в них от хлопков древний бубен шаманства.

Половецкие танцы опять разыграла гроза,
И с сермяжного платья рябины посыпались бусы.
Мне Ока по строке оmyвает от боли глаза
У надгробного камня, глядящего в дали Тарусы.

Крест хлыстовский да россыпь живых куполов –
Так, наверное, выглядеть может причастье
Для твоих навсегда по строению душ землячков,
Моя Муза с браслетами бед на запястье.

Спи, Марина, пускай не тревожит Ока
Своим шелестом вод твой покой, что далёк от Тарусы.
Всё воздушней перина, всё легче небес облака,
И всё ярче строкою горящие бусы...

АКТЁР ЭПИЗОДА

Дождь прошёл, уmyвая листву...
Он прошёл, как какой-то прохожий,
расставаясь с привычною ношей,
проливая с небес синеву.

Не жалеть, ничего не беречь,
без привязки легко расставаться,
и, закончившись, тут же начаться –
каплей, мыслями, крыльями с плеч!

Изучаю искусство свобод,
философию круговорота.
Дождь – умелый актёр эпизода,
вот бы мне так сыграть эпизод!

КОНЕЦ СЕЗОНА

Ну что ещё придумать напоследок,
покуда не захлопнута тетрадь
и ласточки выгуливают деток,
ведут летать?

Покуда небо обнимает море,
а к вечеру уже наоборот.
Смотри, на лодке рыбаком в дозоре
соседский кот!

В созвездье Рыб им вписана страница
кошачьей техникой гризайль,
в ней лунная дорожка серебрится
от мыса вдаль.

А ножка в туфельке по имени Улитка,
с походкою Мерлин Монро,
как сентября последняя открытка
и кадр кино,

зовет запечатлеться у альбиций,
закинув алый невод в небосклон,
и лишь потом в реальность
возвратиться,
закрыв сезон.

КООРДИНАТЫ РАЯ

Заснуть, спиной к скамейке прислонясь,
и детский смех просеивать сквозь ухо,
пока сидит, на лавочке резвясь,
случайная доверчивая муха.

Нырнет солнце в поросль облаков.
На кончиках ресниц
дрожит беспечность.
Меня, проткнув булавкою веков,
как экземпляра рассматривает вечность.

Я сплю. Не препарирован мой сон
на лавочке – в координатах Рая.
И тень каштана сверху капюшон
набрасывает, бледность защищая.

Уставший пёс у ног в траву прилёт –
ни мяч, ни дом ему не актуален.
И умиленно сверху смотрит Бог
на россыпи ромашковых проталин

в бескрайней нише далее луговых
среди лиловых свечек иван-чая.
Моя свеча беспечности среди них
стоит вот так же, головой качая...

ПрозА

Анатолий МАТВИЕНКО

УКУС ХАСКИ

Повесть

Глава первая. Пленный

Воронежский фронт. Село Успенowo, 27 июня 1943 года

Арестант в советской лётной форме тяжело переставлял ноги. Его унылый вид с тусклым, погасшим взором не обманул конвоиров с винтовками наперевес. На напряжённых лицах красноармейцев читалось: дёрнись, гад, – и в потную спину вопьётся пуля.

Андрей, заметив конвой, задержал шаг. В пыльной физиономии задержанного почудилось что-то знакомое, из забытой прежней жизни... Это секундное волнение молодого офицера не осталось незамеченным.

– Лейтенант! Ты, новенький! А ну, ко мне! Живо! Рысью!

Капитан Волощенко из СМЕРШ, на него Андрею указали пару дней назад по прибытии в танковый корпус, взбивал сапогами сухую грязь по правую руку от пленного, помахивая пистолетом ТТ. Не угадать профессию этого военного было невозможно. Выражение глаз, походка и скривлённая губа с погасшей папирской свидетельствовали о сознании принадлежности к особой касте.

– Гвардии лейтенант Кревский! – Андрей козырнул, шагнув навстречу.

Взглядом, цепким, как у коршуна, особист вперился в танкиста.

– Лейтенант, знаешь эту гниду?

– Никак нет, товарищ капитан. Похож на одного... Но – нет.

Война подняла с мест и перемешала миллионы людей. Увидеть среди них знакомое лицо – практически невероятно. Однако почти у каждого на фронте случались невозможные совпадения, когда вдруг напарывался на земляка или товарища по училищу. Далеко не все встречи бывают приятными, в том числе – эта.

– А ты, урод, знаешь нашего? – не успокоился чекист.

– Нихт ферштейн, – отмахнулся пленный и глянул на Андрея с лёгкой ухмылкой. Приподнявшаяся губа обнажила провал в передних зубах, сочившийся кровью.

Выходит, переодетый немецкий шпион... Он совсем не напоминал истинного арийца, был по-славянски ширококул и тёмно-рус. Глаз окружила синеватая кровоподтёка, продолговатого, как приклад трёхлинейки. Сплюнув розовую пенку, пленный приветственно махнул пятернёй Андрею.

– Витам, пан!

– Как чувствовал! – расцвёл Волощенко. – Чот ты темнишь, лейтенант. А ну – марш за мной в штаб, поговорим по душам.

– Есть... – брякнул Андрей, предчувствуя нагоняй от ротного за неизбежное опоздание к интенданту. Из объятий фронтовой контрразведки быстро не выбраться. Если выберешься вообще.

Он пристроился вслед за капитаном, чувствуя растерянность двух бойцов из комендантского взвода, они не поняли, надо ли следить за лейтенантом как за арестантом, или танкист пока ещё считается своим, раз начальник не приказал забрать у него оружие. Замешательство конвоя – дело десятое, за три сотни шагов до штаба Андрею нужно было срочно просчитать линию поведения, что говорить, если пленник вспомнит и фамилию земляка, не ту, что записана в личном деле... Как пить дать, сочтут шпионом и поставят к стенке без долгих разговоров!

Под ногами танкиста вилась немощёная улочка села Успенново, обезображенного отметинами войны. Фронт прокатился на запад всего несколько месяцев назад, оставил язвы сгоревших домов, поваленных плетней, снарядных воронок, остовов брошенной техники... Как сейчас выглядит родной Новогрудок? Такая же свалка брёвен и камней? В июне сорок первого немцы захватили город стремительно, скорее всего – без разрушений. Но его ещё освободить... Кто теперь живёт в их доме?

Углубиться в мысли капитан не позволил.

– Лейтенант! В твоём личном деле написано – ты из Польши.

Андрей нервно сглотнул. Вот же угораздило... В корпус прибыло до полусотни офицеров пополнения, контрразведчик, получается, не только удосужился просмотреть документы каждого, но и запомнить скользкие места. Наскоро слепленная на Белорусском вокзале легенда, выручавшая три с половиной года, вот-вот затрещит по швам!

– Так точно. Сиротой бежал из-под Торуня. Пленный похож на парня, виденного в детстве, в Кресах Усходних. Так в Польше называли Западную Белорусию. Если это он, товарищ капитан, то знает русский.

– Но прикидывается, что не понимает. Опасный, сучий сын. Когда задерживали, «вальтер» бросил, руки поднял – сдаётся, тварь! Потом Прохоренку ножом в брюхо р-раз, и готов. Я этого гада сам урюю...

Волощенко забористо матюгнулся и примолк, а Андрей принялся ломать голову – не означает ли приступ говорливости, что особист считает его едва ли не соучастником убийства солдата из комендантских и готовится колоть на признание. Либо отложил компромат на потом?

Оказалось – второе.

– Лейтенант, будешь переводить. Чую, твой польский лучше моего немецкого.

Каморка капитана, пусть тесная, но всё же отдельный кабинет, находилась под надзором Дзержинского и Сталина. Феликс Эдмундович с фотопортрета наблюдал за Андреем строго и устало, Верховный позволил себе отвлечься, углубившись в чтение «Правды».

Особист кинул планшетку на стол, дулом «тэтэшника» показал пленному на стул у окна. Конвой замер за дверью, Андрей втиснулся в промежуток между столом и стеной с портретами. Он по-прежнему чувствовал себя в ловушке. Пленник преодолел апатию и развалился на стуле, откуда бесцеремонно разглядывал обоих офицеров.

Волощенко положил пистолет перед собой, одёрнул гимнастёрку и сел. В отличие от лейтенанта, он пребывал в прекрасном расположении духа.

– Давай, спрашивай земляка – кто таков, номер части, звание, должность, с каким заданием заброшен в советский тыл. Начинай, телись быстрее!

– Пан капитан спрашивает ваше звание, должность и номер части, – кашлянув, промолвил Андрей по-польски.

– Капрал Витольд Тарашкевич, спецгруппа Абвера при 48-м танковом корпусе. Зброшен в расположение русской танковой армии с целью сбора разведывательных сведений. Пшепрашам, друже, больше ничего не скажу, так и передай своему красножопому начальнику. Тебя, кстати, как зовут? Забыл, сколько лет прошло...

Не отвечая, Андрей торопливо перевёл.

– То есть тебя он вспомнил тоже. Занятно! Ну, побазарь с ним. А потом я спрошу. По-своему.

Широкая капитанская ладонь, загорелая и в чёрных завитках редких волос, погладила рукоять ТТ.

Андрей стащил с головы влажную пилотку. Разбалтывать поляка на откровенность не хотелось абсолютно. Но особист не оставил выбора.

– Анджей меня зовут. Я из Торуньского повята. Приезжал в Новогрудок к родным, там тебя видел. Семью мою убили. К русским от немцев бежал.

– Понятно. А толку от них бежать? Скоро они везде будут. Я не люблю ни немцев, ни твоих красных. Но лучше быть с сильными.

– Даже после Сталинграда?

– После Сталинграда был Харьков, русским ввалили по самые гланды, за Сталинград расплатились сполна и с вершком. Сам подумай, Анджей! Мы начали от Бреста, дошли до Москвы. В прошлом году от Харькова прорвались до Волги и Кавказа. Сейчас ударим от Белгорода, понимаешь? До Урала нас хрен остановят. Что ты здесь потерял, земляк? Это не твоя война! Немцы, по крайней мере, цивилизованнее русских. Ценят своих сторонников. Знаешь, сколько поляков и русских в Вермахте? В пехоте – чуть ли не каждый пятый. В Люфтваффе вообще, считай, половина, наземные службы сплошь из хиви. Что смотришь? Бежим вместе, перейдём линию фронта, у немцев в люди выбьешься! А здесь тебя пристрелит ненароком какой-нибудь слишком подозрительный комиссар. Ты же чужой, из буржуазной страны. Решайся!

На избитом и грязном лице абверовца отразилась непонятная смесь чувств. Может, он знал нечто важное, вселявшее в него надежду. Например, что через считанные дни здесь будет глубокий немецкий тыл. Или пленный напускной бодростью пытался произвести впечатление ради последнего шанса повлиять на земляка. На беду арестанта, капитан и без перевода уловил суть разговора. Даже не зная польского, призыв к бегству, звучавший как «учэкать разэм», трудно не понять. Андрей не стал юлить.

– Агитирует он, товарищ капитан. Говорит – русские для тебя враги, давай убежим вместе, в Вермахте меня ждёт награда по заслугам.

– Ежу понятно. По делу чё сказал?

– Готовится наступление, от Белгорода и, пока не устанут гнать красных, до самого Урала.

– До Урала? Силён брехать этот твой поляк! – Волощенко потёр щетинистый подбородок, недовольно нахмурившись. В бою и в окопе небритая рожа никого не удивит, но офицер в тылу и при штабе обязан выглядеть образцово. – Сроки наступления, направление ударов?

Пленный упрямо склонил голову вперёд, объяснив, что прибыл сюда добывать информацию, а не снабжать ей противника.

– Ясно... Лейтенант, свободен! Позже пооткровенничаем. А этого я... Этого я сам разговорю, раз русский понимает. Ща он запоёт. Соловьём! Хоть японски, хоть по-китайски.

Торопливо шагая прочь от штаба, Андрей подумал, что к следующей встрече особист готовится основательно – изучит личное дело от корки до корки, а там наверняка есть пометка, что родной брат Миха без вести пропал на Миус-фронте. Сегодня в качестве переводчика лейтенант не сильно был нужен, Волощенко, похоже, устроил импровизированную проверку. Ей дело вряд ли кончится. Как ни смешно, надо молить судьбу, чтобы немцы кинулись в наступление поскорее. Там СМЕРШу будет не до Кревского, да и в бою представится случай проявить себя, тогда все подозрения отпадут... Но где же ты, Миха? Живой, в плену или...

Младший брат всегда выглядел моложе на год-два, хоть родился в тот же день, минут на двадцать позже Анджея. Оба появились на свет в трудную для Польши пору – после Мировой войны и войны с Красной Россией. Время было голодное и бедное. Приличная семья, отец – артиллерийский вахмистр, когда армию сокращали, он устроился в полицию, мама в гимназии преподавала языки. Поэтому сводили концы с концами, старшие брат и сестра вышли в люди, Войцех по отцовским стопам отправился служить в Войско Польское, Марыля училась на медика... Пока снова не началась война.

Старшие Закревские убыли на фронт, Войцех – со своим уланским полком, отец подал рапорт о зачислении в артиллерию, по старой памяти. Марыля тоже не осталась без дела, на фронте без медиков никак. И потерялись следы всех троих. Ни писем, ни весточек.

Новогрудок заняла Красная Армия. Большевики пришли как освободители, защитники от неизбежной немецкой оккупации, но к зиме начались аресты «белополяков», причём брали не только собственно поляков, но и евреев, и белорусов – всех, кого сочли эксплуататорами-угнетателями трудового класса в панской Польше.

Люцину Закревскую предупредила соседка, уборщица в местном НКВД, она слышала краем уха разговор, что учительница в арестных списках. Чему удивляться, жена «белого» военного, вдобавок мать военнослужащего польской армии, оказавшей какое-никакое сопротивление освободителям, – ей просто на роду был написан лагерь. Пани Закревская решила не испытывать судьбу, схватила Миху и Андриюху, той же ночью они отправилась на восток, к дальним родственникам мужа в Нижний Новгород, ныне именующийся Горьким. Границу между присоединённой частью Белоруссии и старой семья сумела пересечь без проблем, а в Москве стряслась беда.

На жаркой июньской улочке Успенowo Андрей почувствовал озноб, вспоминая ту ночь на Белорусском вокзале. Без документов, с одними только поль-

скими бумагами несуществующего уже государства, они превратились в бродяг. Мама спрятала детей между станционными пакгаузами Белорусского вокзала, а сама отправилась узнавать – как добраться до поездов, следующих в Нижний. Для этого нужно было пересечь весь центр столицы...

Братья тряслись от холода и прижимались друг к дружке, когда услышали частый топот и трель милицейского свистка. Лицо матери буквально на секунду мелькнуло в просвете между стен, едва освещённое тусклыми станционными огнями.

– Сидите тихо! Если схватят, я всё равно вас найду...

Минут через десять издалека донёсся звук одиночного выстрела, а потом юноши отогревались с мороза в жарко натопленной комнате милиции.

Дежурный в это время отчитывал постового, крестьянского вида здорового мужика с винтовкой, только вошедшего в дверь и сипящего от частого дыхания.

– Шмалять-то было зачем, дура стоеросовая?

– Дык в воздух я... Бяжала она... И гоп – пад поезд. Размазала яё всю...

Андрей почувствовал, что внутри него всё снова заледенело и окаменело.

– Матка... – всхлипнул Миха.

– Она ваша мать? – обернулся к пацанам дежурный.

– Не-а... – нашёлся Андрей, с огромным трудом удерживая себя в руках. Он, шестнадцатилетний парень, с обалдуюм-братом на руках, только что потерял маму из-за нелепого радения станционного милиционера и остался в этой чужой стране. Без документов, без денег, без друзей и знакомых! Он услышал собственный голос будто со стороны, словно какая-то часть сознания продолжала лгать и спасаться, невзирая на боль. – Добрая она была. Как мать. Заботилась. Беженцы мы... С Торуни. Немцы наших родителей убили.

– На то они и фашисты, – глубокомысленно изрёк дежурный. Он обернулся к здоровяку. – Что стоишь? Иди уж, ворошиловский стрелок.

Отправив постового с глаз долой, милицейский начальник принялся оформлять бумаги на беспризорников.

– Фамилия?

– Кревский! – Андрей для простоты отбросил две буквы из фамилии. Неровен час, где-то всплывёт, что разыскиваемые в Новогрудке «белополяки» Закревские задержаны в Москве, мама предупреждала о такой возможности и обсуждала с детьми варианты легенды, словно они засланы шпионами во вражеское государство. – Меня Анджеем зовут, Андрей по-русски, брат – Миха.

– Михаил, стало быть, – вывел дежурный. – Документы какие-то остались?

– Не, пан начальник...

– Родители кто были?

– Отец – кучер у пана, мама – швея.

– Пролетарии, значит. Так и запишем.

Миха, глотая слёзы, утвердительно кивнул.

Прикинуться польскими жертвами немецкой агрессии оказалось мудрым ходом, нежели признаться о происхождении из классово чуждой белорусской семьи. Андрей избавился от всего, что могло подставить под сомнение его выдумку, даже заставил Миху снять нательный православный крестик. Это в Новогрудке православных белорусов много, но в Торуни...

Потом был детский дом, непростые отношения с российской беспредельно жестокой шпаной, когда приходилось защищать и себя, и мягкотелого брата.

Удивительно, Андрей довольно быстро приспособился к этой жизни, как и к жизни в Советском Союзе вообще, где людей среди нищеты и разора согревала мысль, что всё это ненадолго, что уже впереди и близко светлое будущее, что надо лишь напрячься – всем вместе.

Ещё он надеялся отыскать следы сестры, брата и отца.

А потом в мечты о будущем бесцеремонно вторглась новая война.

Глава вторая. Воины второго сорта

Тунис, штаб 8-й британской армии. 28 июня 1943 года

Британский штабной уоррент-офицер круглым красным лицом скорее напоминал поляка, чем английского джентльмена. Особенно если щётку усов под носом отрастить до висячей длины – точно получится старопоместный шляхтич средней руки.

Марыля не ошиблась. Штабист действительно был польского происхождения, причём в самом худшем варианте – из успевших переправиться в Британию задолго до злополучного тридцать девятого года. Подобные ему кичатся своей английкостью больше, чем коренные лондонцы, и считают людьми второго сорта всех за пределами островов, включая англичан, проживающих в колониях.

– Капрал Закревский! Ваша служба в Тунисе закончена. Вы откомандированы в Палестину.

– Да, сэр!

– А вы, мисс...

Прикидывается, что не услышал, когда я представлялась, решила Марыля и терпеливо повторила фамилию, должность, звание, а также про получение медикаментов для армии Андерса.

– Тоже Закревская? Капрал, вы несёте службу с женой? В польских частях воистину удивительные нравы.

– Нет, сэр. Она моя сестра. А службу несём, где прикажут.

Краснолицый откинулся в кресле под портретом короля, рука коснулась курительной трубки в пепельнице викторианской эпохи. Марыля оценила: рубашка штабиста была безупречно выглажена и своей свежестью бросала вызов тропической жаре, беспощадной, всепроникающей и, в отличие от армии Роммеля, непобедимой. Брат по соседству с ним выглядел проигрышно, ему совершенно не шли кургузые бриджи, не достающие до высоких трикотажных носков, выпростанных поверх ботинок. Традиционная шапка-рогатывка, сохранённая в память о Войске Польском и сильно полинявшая, никак не сочеталась с британским френчем.

– Что же, служите... где сможете. Пойдёте вторым эшелоном за британскими войсками. Или даже третьим, за канадцами. Греция – это курорт для войны.

Войцех напрягся, но смолчал. Штабной клерк поддевает, что поляки способны биться только в курортных условиях? Что может знать этот лощёный чинуша... Сам, небось, даже против итальяшек не воевал. Его поле боя – письменный стол с папками, а бумажки не отстреливаются.

– Да, сэр.

Штабист не угомонился. С британскими офицерами особенно не покуражишься, так что мордатый решил до последнего отыграться на капрале-соотечественнике.

– Почему за русских отказались выступить? Уже два года были бы на фронте, а не протирали штаны в Иране.

Удар пришёлся ниже пояса. Даже если бы брат и сестра Закревские примкнули не к Андерсу, а к Берлингу, польская дивизия в Красной Армии тоже ещё ни разу не воевала – так писали в армейской газете. Но Войцех и Марыля уже побывали и на фронте, и в плену и не раз находились на волосок от гибели!

Брат не выдержал.

– А вы, сэр? Где были лично вы и вся британская королевская армия, когда Польша истекала кровью под немецкими и русскими ударами? Объявили войну Гитлеру и пальцем о палец не стукнули, чтобы самим начать воевать! Онанировали у камина! – капрал сделал неприличный жест. – Пока фюрер сам не пришёл на Запад и не скинул всех вас в Ла-Манш, как помойных котят!

Штабнюк вскочил, рубашка моментально покрылась мокрыми пятнами, изо рта брызнула пена вперемешку с ругательствами... Как он ещё за пистолет не схватился?

Вопреки опасениям Марыли, инцидент не привёл к аресту и трибуналу. Их утащила парочка откормленных сержантов, в чьей компании отсидели час на лавочке в дежурке, после чего смутьянов вызвал старший офицер разведки.

– Приношу извинения за несдержанность коллеги. Вас доставят на аэродром через час. Самолёт сделает промежуточную посадку на Мальте, оттуда полетите в Газу. Медикаменты, карты Греции, разговорники, всё, что у вас по списку, капрал, будет загружено в самолёт. Но у меня есть одна просьба, – лейтенант протянул фотоаппарат «Лейка» немецкого образца, популярный по обе стороны фронта. – У нас дефицит разведывательной авиации. Думаю, на одинокий транспортник никто не обратит особого внимания. Экипаж предупреждён, командир заберёт на север, к Сицилии.

– К Сицилии... Но что я должен сделать, сэр?

– Снимайте береговую полосу, скопления войск, укрепления. Если увидите – итальянские корабли. Мы готовим высадку в Греции и обнажаем Средиземноморское побережье Африки напротив Италии. Немцы могут снова захватить плацдарм, выковырять отсюда их будет некому. Я хочу знать – нет ли следов подготовки к десанту. Фотоаппарат вернёте лётчикам.

Когда нагруженная «Дакота» взмыла в небо, Войцех поделился с сестрой соображениями.

– Странное задание... Ты не находишь? Что этой игрушкой наснимаешь? А если снизимся совсем – нас собьёт артиллерия ПВО.

В фюзеляже транспортника сидений не было, Закревские просто развалились на тюках с имуществом для польского корпуса. Марыля, как только поднялись в воздух, сменила неудобную британскую форменную юбку на мужские брюки. Там, в Палестине, ей плевать на мнение английских военных, что дама на фронте – всё равно дама.

– Знаешь, после твоей выходки нам безопаснее над итальянскими зенитками, чем возле этого рассерженного индюка.

– Пшепрашам... Не стерпел. Удавить курву хотелось.

– Что уж теперь делать, отдыхай. Начнётся десант, спать не придётся.

Вежливый лейтенант, снабдивший «Лейкой», просто воспитан лучше, чем бывший соотечественник, думала Марыля. На самом деле, все британцы невысокого мнения о любых союзниках, не считая, конечно, американцев – без

них война для Великобритании была бы уже давно проиграна. Поляки – бойцы низшего сорта, по мнению англичан, но, наверное, их заблуждения к лучшему. Корпус Андерса не кинут в самое пекло, надо надеяться – оставят для второстепенных направлений.

Марыля растянулась на тюках, подоткнув руки под голову, и начала дремать под гул моторов. Мысли кружились в голове сонные, ленивые. Когда-то нужно было причёсываться перед сном, а утром заплести тугие тёмные косы, уложить их в затейливое сооружение на голове... От былой роскоши сохранилась едва четвертина по длине. Невысокая, коренастая, большегрудая, она тщательно следила за своим женским арсеналом. Пусть лицо далеко от стандарта красоты высокородной паненки, слишком круглое, нос не аристократически удлинён, а поддёрнут кверху, есть и неоспоримые преимущества: загадочные серые глаза, пышные волосы, здоровый цвет кожи. Войцех чертами лица похож на неё, но слишком уж грубоват, рябой, переносица сбита набок, у подбородка двойной шрам, застарелый, ещё от детских забав. Лёгкая небритость не скрыла, а, наоборот, подчеркнула щербины на коже. Несмотря на нестарый возраст, только-только двадцать восемь исполнилось, чёрный ус пробил седина... В советских лагерях пришлось насмотреться всякого. И не только насмотреться, а испытать на себе.

Младшие братья рядом с Войцехом, будто вытесанным из сучковатой колоды, смотрелись херувимчиками, особенно Миха с его нежными пальчиками. Мамин любимчик, которого та оберегала от любых волнений и учила играть на пианино... Анджей рос папиным сыном, часами любил слушать отцовские рассказы про артиллерию, как тот с русскими бил германцев в Мировую войну, а потом с Пилсудским – русских. Анджея с шести лет спрашивали: кем будешь, когда вырастешь, и малец непременно отвечал: артиллеристом, как папа. В десять решал задачки за старший класс гимназии. В шахматы играл со взрослыми наравне. А Миха читал книжечки и снова играл на пианино. И толстел.

Где они сейчас? Ма? Па? Отец сразу помчался в свой старый полк, проситься на войну, невзирая на возраст, и его наверняка взяли – в Польше тогда мобилизовали всех кого можно, сняли войска с восточной границы... И через границу хлынула Красная Армия.

Когда Вермахт выдал пленных поляков советскому НКВД, всякая попытка связаться со своими была тщетной. Поэтому встретив по пути в Иран Войцеха, Марыля вцепилась в него клещом. Он оставался для девушки семьёй, точнее – единственной сохранившейся частью семьи...

В армии женщин мало, в Иран с Андерсом попали считанные единицы. Тут уж низкая или высокая, толстая или стройная – поклонников будет хоть отбавляй. Но Марыля держала себя строго, и польские офицеры относились достойно. Ей запомнилось, как однажды, ещё под Смоленском, один поручик бросился на красноармейца, пытавшегося отделить Марылю от остальных в сарай «для обыска», и пострадал. Его били сапогами, прикладами, пока тот не затих на земле. Бог воздаст ему...

– Пан капрал! Сицилия по левому борту!

Экипаж тоже был из поляков, служивших в Роял Эйр Форс Великобритании, это при посадке вызвало усмешку брата – что-то нас, из Польши, слишком уж много вдруг собралось в одном месте. Случайно ли?

Второй пилот штурхнул Войцеха, развалившегося у борта.

– Понял! – тот быстро раскрыл фотоаппарат и взвёл затвор. – Темнеет, пся крев! Как я тут снимать буду...

Что-то затрещало, будто по корпусу снаружи замолотили стальные горошины.

«Дакота» быстро снижалась, но заняться съёмкой не пришлось. Самолёт трянуло взрывом. Марыля со страхом увидела отблески пламени и выглянула в иллюминатор. Правый двигатель охватил пожар!

Транспортник ушёл в глубокий вираж – лётчики явно пытались сбить пламя, когда отчётливо зачихал и левый мотор. Наверно, где-то есть парашюты, у экипажа – точно. Но высота слишком мала...

– Садимся на воду! Держитесь! – проорал кто-то из пилотской кабины.

Удар о волны получился неизмеримо сильнее, чем колёсами шасси по бетонке аэродрома. Вода захлестнула иллюминаторы – «Дакота» нырнула, проскрежетала брюхом по дну, затем всплыла на поверхность. Марыля снова приникла к иллюминатору. Горевший двигатель потух, от него поднимался пар. Через мокрое стекло виднелся берег...

Вечер, который мог завершиться в британской тюрьме за оскорбление офицера, окончился в тюрьме итальянской. Потерпевших крушение подобрал катер. Самолёт затонул, оставив на поверхности лишь кончик киля. У каждого из поляков имелось оружие, но в спасителей никто и не вздумал стрелять. Итальянские моряки отобрали пистолеты у пленных, взамен сразу выдали одеяла. Воздух был тёплый, и море – тёплое, но человеческое отношение оказалось важнее, оно давало надежду, что итальянский лагерь всё же не покажется таким суровым, как немецкий или советский.

Моряки разделили пленных. Авиаторы остались на побережье. Марыля и Войцех в кузове пятнисто-зелёного «Фиата» отправились в горы. Когда их привезли в комендатуру, опустилась ночь. Или, вернее сказать, поднялась. Высокое синее небо почернело и стало воистину бездонным, проколотое тысячами ярчайших звёзд.

– Престо! Престо! – поторопил конвоир, подталкивая брата с сестрой в спину.

Насладиться ночными пейзажами самого благословенного итальянского острова не удалось. А утром предстояли допросы.

Пакино, Сицилия. 29 июня 1943 года

– Бонжорно, синьор и синьорина!

Первый допрос наскоро и без особого давления провёл германский гауптман с нездоровым лицом хронического почечника, уложившись в полчаса, а приветливый итальянец был настроен говорить долго и обстоятельно.

Много раз допрошенные в НКВД, где методы весьма отличались от интеллигентных, Марыля и Войцех в итальянской контрразведке чувствовали себя замечательно. В открытое окно без решётки задувал ласковый сицилийский ветер, шевелил листья виноградных кустов, щедро обвивших здание комендатуры. Кабинет был просторный, кресла – мягкие, и даже квадратная ряха Муссолини на портрете не портила обстановки почти домашнего уюта.

– Меня зовут Джузеппе Капуана. Ценю вашу откровенность в разговоре с моим германским коллегой, – журчал капитан итальянской армии, демонстрируя неплохой английский. – Вы ведь не британцы, поляки?

– Если это имеет значение – белорусы, – осторожно вставил Войцех. – Из Западной Беларуси, поэтому воевали в Войске Польском, когда Рейх и словаки вторглись в тридцать девятом.

Марыля не надеялась, что офицер в курсе политико-исторических тонкостей, касающихся Беларуси. Для большинства европейцев земли западнее Минска – польские, захваченные Советами и отобранные у них немцами. Детали мало кого волнуют. Капуана тоже не стал в них вникать, продолжая гнуть свою линию.

– Брависсимо, что вы не забываете свои корни. Знаете, синьоры, а у нас гораздо больше общего, чем разделяющего. Посудите сами: армия дуче не завоевывала Польшу, тем более – её восточную часть. И от кого тамошнее население больше всего видело зла и горя? От германцев? Позволю себе предположить – от русских. Да что я говорю, вы же столько лет томились в плену у красных, всё это почувствовали в полной мере.

– Но сейчас наша земля оккупирована именно Рейхом. Вашим главным союзником. С которым сражается Великобритания, наш главный союзник.

Войцех возражал итальянцу, но не пытался спорить, а скорее подбрасывал вязанки хвороста в огонь его красноречия.

– Да, коллега! Вы же из разведки, можно мне так вас называть – коллега? Я скажу откровенно, далеко не все методы нацистов мне по душе. Порой они слишком заносчивы, прямолинейны, смотрят свысока на других, даже на ближайших друзей... Но методы англичан мне нравятся ещё меньше. Вы же знаете, у итальянской армии лучшие в мире пловцы-подводники?

– Слышал... – протянул Войцех, сбитый с толку неожиданным поворотом темы.

– Они обследовали ваш самолёт. И, представьте себе, его поразила не зенитка!

– Но мы же слышали взрывы... Неужели ваше ПВО молчало?

– Господи, ну конечно же – не молчало! По низколетающей «Дакоте» стреляли все кому не лень. Экипаж катера, что подобрал вас с самолёта, записал его уничтожение на свой счёт. И в крыле нырляшки в самом деле нашли пулевые дырки. Но упал он по другой причине! В правом моторе было заложено взрывное устройство. вспомните, вам говорили, что пилот снизится максимально, к самой береговой полосе?

– Так точно, сэр... Ради разведывательной фотосъёмки.

– Я разочарован вашей наивностью, капрал. В чём смысл рисковать самолётом, полным медикаментов и других грузов? Для пары фотографий карманной «Лейкой»?

– Да, сэр. Меня тоже это удивило... Но приказы не обсуждаются.

Войцех укрылся за безликой формулой «приказы не обсуждаются» из репертуара тупоголового солдафона, а Марыля с ужасом почувствовала, что итальянец докопался до сути. Вместо того чтобы отдать брата под трибунал, британцы решили пожертвовать ими и польским экипажем ради дезинформации!

– Союзники поступили с вами подло, синьор Закревский. Помогите же мне догадаться, что именно они пытались нам сказать. Прошу вас, расскажите о вчерашнем дне поминутно.

Капрал не стал запираяться, безобразную сцену с польско-британским чинушей передал во всех мерзких подробностях.

– Высадка в Греции давно уже не секрет... – итальянец откинулся в кресле, закинув ногу на ногу. Узкие усики и удлинённая физиономия придавали ему определённый шарм. Во всяком случае, офицер был вполне во вкусе Марыли. – Думаю, британцы ожидали, что вам удастся спастись. Следовательно, вас до-

просят, а мои германские товарищи умеют ставить вопросы очень жёстко... И вы утверждаете, что англичане боятся нашего десанта в опустевшем Тунисе? Грация, синьор капрал! Значит, расчёт их прост. Британцы знают, что немцы отправили основные силы в Грецию и на Русский фронт. Но одной итальянской дивизии достаточно, чтоб захватить новый плацдарм в Африке. Потом с этого плацдарма начнётся новое завоевание Средиземноморья... Заманчиво, дьявол меня задери! Если не считать, что британская разведка сама подкидывает эту идею. Выходит – их флот и авиация наготове, чтобы утопить десант до высадки на тунисском побережье.

Марыля и Войцех переглянулись. Они действительно оказали услугу врагу? Или всё не так, как кажется?

– Сотни тысяч поляков... а также здравомыслящих русских доблестно сражаются в Вермахте против большевистской заразы. Итальянская армия в этом плане отстаёт, – офицер заговорщически наклонился вперёд. – На востоке зреет новое победоносное наступление. У вас, синьор и синьорина, появился шанс окончить войну в стане победителей, но не среди немцев, а среди друзей. Ведь между нами нет никаких счётов, верно? Не тороплю. Подумайте. Распоряжусь подать вам в камеру лучший обед из того, что возможно достать в военное время. Надеюсь, вы согласитесь быть моими гостями, а не пленниками. Чао, синьоры!

Глава третья. Впереди собственного визга

Воронежский фронт. С. Зоринские Дворы, 28 июня 1943 года

Бывает, генералу на войне и выпить не с кем. С подчинёнными – не рекомендуется, надо держать дистанцию с теми, кого завтра, если так сложится, придётся распекать на чём свет стоит или отправлять на убой во исполнение спущенного сверху приказа. Случаи выпадают, когда вызывают на совещание в штаб фронта, там в компании других военных с большими звёздами не грех и опрокинуть. Командующий 1-й танковой армией генерал-лейтенант Михаил Катукоев не злоупотреблял ни с генералитетом, ни с подчинёнными. Но в тот вечер ситуация сложилась особая. После совещания у командующего Воронежским фронтом Ватутина, особенно после его неожиданных заявлений об активных действиях вопреки всему, что планировала Ставка для обороны к югу от Курска, Катукоеву нужно было обсудить с самыми доверенными, как крутиться дальше, и сбросить нервное напряжение.

Вокруг грубого деревянного стола, освещённого масляной лампой из артиллерийской гильзы напротив командарма расселись начальник штаба армии Михаил Шалин и командующий 3-м мехкорпусом Семён Кривошеин. Шалина знали в качестве правой руки Катукоева. Кривошеин также был на особом счету, потому что принял «батькин» корпус – 3-й механизированный, которым Катукоев прежде командовал, и в нём же состояла знаменитая 1-я гвардейская танковая бригада, её Михаил Ефимович создал с нуля, провёл через бои под Тулой и на Волоколамском шоссе, она первая в бронетанковых войсках получила звание гвардейской... Абы кому «детешек» Катукоев не доверил бы, к преемнику относился со строгостью, в аттестациях не баловал похвалами, не то вдруг повысят способного комкора и уберут из армии.

Пользуясь минутой расположения «бати», Кривошеин поинтересовался, попутно уничтожая малосольные огурчики:

– Скажи, Михаил Ефимович, с какой стати тебя Ватутин евреем дразнит?

– А что, Сёма, самому обидно евреем быть?

– Привык, знаешь ли, с детства. Но ты – точно еврей, командарм, коль ответил вопросом на вопрос.

Шалин только хмыкнул, налегая больше на сало, чем на водку. Этой некошерной закуской не брезговал и Кривошеин, демонстрируя истинно коммунистическое пренебрежение к иудейским предрассудкам.

Блиндаж у села Зоринские Дворы неподалёку от шоссе Курск-Обоянь служил передовым командным пунктом штаба танковой армии, а после совещания у командующего фронтом – ещё и импровизированной генеральской столовой.

Кагуков на правах хозяина налил по чуть-чуть. По поводу еврейства объяснил:

– Ватутин любит пошутить, побалагурить. К месту и без. Вот и прицепился к моему отчеству – Ефимович. Говорит, что Ефим – еврейское имя. Отвечаю ему, у русских оно тоже распространённое, старое. Монета ж была такая – ефимок. Ватутин гогочет: ну точно еврей, раз названием монеты человека окрестили. Его в чём-то убедить, коль вбил в голову, совсем невозможно. Давайте ещё по одной. Бери, Семён Моисеевич. Немцы начнут, тогда не сможем посидеть вот так, спокойно.

Что называется, вздрогнули. Кагуков ощутил – огненный спиртовой комок провалился от глотки внутрь организма, обещая расслабление взведённым нервам. Шалин достал немецкий штык-нож и всадил остриё в крышку банки с американской консервой.

– С наступлением он тоже вбил в голову? – на этот раз тон Кривошеина был серьёзен.

– Вы же слышали оба... Харьков – это какой-то проклятый город для нас. В сорок первом, осенью, Харьков держали – не отстояли, сколько народу полегло! В сорок втором наступали на Харьков – катастрофа произошла, натуральная, это после неё немцы рванули к Ростову и дальше, на Волгу и Кавказ. После Сталинграда Ватутину показалось – теперь море по колено. Аккурат у Харькова его и осадили. Твою мать... сейчас ему снова свербит – при первой возможности контратакуем и наступаем на Харьков впереди собственного визга. Помните, Жуков приезжал? Докладывал план Ставки – измотать эшелонированной обороной и только тогда наступать, беречь резервы, не вводить их в бой раньше времени.

– Не один Ватутин решает, – вставил Шалин. – Переход от обороны к наступлению Ставка утверждает. Представитель Ставки у нас – Василевский. Он мужик основательный.

– Основательный... – Кривошеин печально вздохнул. – А Ватутин – хитрый. Я же сколько в Москве ошивался, знаю, как решения принимаются – на основании доклада. Человека командовать фронтом запросто так не поставят, значит, Верховный Ватутину по-прежнему верит, за прежние заслуги ценит. И доложит наш комфронта, что фриц за день-два выдохся, пантеры-фердинанды свои растерял, самое время гнать его в хвост и в гриву, пока не очухался. Ой вей... Ну, Ватутину на месте виднее, скажут в Москве. Давай наступай. Добывай победу. А наступление получится по тем же граблям, что и раньше.

– Сёма, ты пессимист. Гляди на вещи шире. Чтобы хоть заикнуться о наступлении, надо Манштейна остановить. У него три танковых корпуса перед Обоянью, каждый – больше моей танковой армии.

– Ну, Гудериана же ты остановил, – Кривошеин выпил, поэтому набрался смелости подковырнуть командира. – Даже книжку выпустил с гордым названием «Как я бил Гудериана».

– Заткнись, трепло! – не на шутку разозлился Катуков. – Писаки из Главного политуправления её сочинили, больше для поддержания морального духа. Меня, конечно, расспрашивали, записывали...

– Слушали, да не слышали, – поддакнул Шалин. Его плотные крестьянские губы лоснились от жира. Утерев их тряпицей, заменившей носовой платок и салфетку, генерал плеснул спирта Кривошеину, Катукову и себе. Разбавлять «огненную воду» обычной водой считалось не по-мужски.

Командарм чуть успокоился и продолжил:

– Гудериан от самой границы наступал, с боями, с мизером пополнений. От Орла на нас пёрла единственная дивизия, потрёпанная, танков – вряд ли треть осталась. И выбили нас, выдавили корпус Лелюшенко из Мценска, половину моей бригады уничтожили, другую бригаду – подчистую, до последнего танка, их комбриг застрелился. Так что твой друг Гудериан не льком шит.

– Тоже мне друг... – отмахнулся Кривошеин. Свою историю общения с нацистом он уже сто раз рассказывал и в кругу друзей, и под роспись на протоколе. – Виделись один раз в Бресте, он как во мне еврея учуял, враз морду в сторону отвернул. Гутн таг, герр генерал, а пятерню за спину прячет, чтоб руку не жать. Потом войска встретились – наши входили в город, фрицы убирались прочь. Нас сфотографировали, и орёл из особого отдела мне фотку из немецкой газеты показывает: Гудериан с Кривошеиным вместе принимают парад победителей на улицах покорённого Бреста... Какой, к бениной маме, парад, если даже на снимке видно – войска в походном строю! На параде разве так всё это выглядит?!

– Не отмоешься, Сёма. Но в следующий раз, если друга-Гудериана встретишь, передай ему мою книжку на память. С автографом, – Катуков проигнорировал возмущённые жесты Кривошеина. – Миша, кончай жрать. Убери со стола и прикажи нести карту. Надо кое-чего обмозговать. Сёма, что бы ты предпринял на месте Манштейна?

– Нащупал слабину в обороне, кинул туда силёнок побольше, пробил дыру и запустил в наши тылы танковые дивизии.

– Двоешник ты, Сёма. Так бы Гудериан поступил. Вспомни Манштейна на Дону. Или раньше, в Крыму. У него почерк какой?

– Бьёт танками как кувалдой, – опередил Шалин, расстилая карту, плотно испещрённую красными и синими значками. – Стремится снести всё перед собой.

– Вот, мой начштаб истину глаголет. Ввинчиваться в оборону бессмысленно. Эшелонированная она. Танки окажутся зажатыми между нашими линиями. Я тоже думаю – ударит в лоб со всей дури, пустит тяжёлую технику впереди. На психику надавит, чтоб мы побежали. А на первую линию Ватутин поставил 6-ю гвардейскую армию, у них танков мало. Да и противотанковой артиллерии не хватает. Пехота, царица полей, с противотанковыми ружьями. Чую, наша вторая линия очень быстро вступит в бой.

– Если в лоб, то немец выйдет прямо в меня, – палец Кривошеина уткнулся в карту у деревеньки Яковлево. – Дорога Белгород-Курск и равнина вокруг именно к такому решению его подтолкнёт. Речки, балки, холмы, леса – места вроде как много, но развернуться негде.

– А если выстоишь, Сёма, точнее – когда выстоишь, куда ж тебе деться, фельдмаршал в обход двинется.

– Вот опасное место, заманчивое, но узкое, – опытный в чтении карты Шалин показал на пятно чуть восточнее красного овала, показавшего дислокацию корпуса Кривошеина. – Под Прохоровкой, между железнодорожной станцией и излучиной реки. Если нам с немцами в этом бутылочном горлышке придётся столкнуться, победит тот, кто закрепится в узости. За нашим левым соседом придётся приглядывать. Стоит Манштейну взять Прохоровку, наш левый фланг – голый.

– А Ватутин прикажет наступать, – вернул разговор к началу Кривошеин. – И ведь нельзя не наступать, если соседи двинули. Или у них фланги останутся голые.

– Значит, свяжусь с ними и аккуратно договорюсь бросаться в атаку без лишней спешки, – кивнул Катук. – Иначе – здравствуй, очередной Харьков. А пока, Сёма, вкапывай танки по башню. Гетмана я уже предупредил. Михаил, проверь, как он исполнил.

Андрею Гетману, командовавшему 6-м танковым корпусом, Катук доверял меньше. Ещё один корпус за номером тридцать первым в армии только формировался.

По идее, советский мехкорпус должен противостоять немецкой дивизии, армия – корпусу Панцерваффе, а фронт – армии. Но лишь в теории, на практике так получалось не всегда.

– Закопаемся, дело не хитрое, – палец Кривошеина навис над северным обрезом карты, у Курска. – Жуков уверял, основной удар готовится по Центральному фронту Рокоссовского. Так что здесь ещё цветочки, ягодки у нас за спиной вырастут. Как бы ни пришлось воевать с перевёрнутым фронтом.

– Не накаркай! – оборвал его Катук. – Всё-таки не сорок первый год, и Рокоссовский не лыком шит. Но продумаем и худший вариант...

Белгород, 28 июня 1943 года

Очень похожая карта, только с пометками на немецком языке, лежала на столе перед генерал-фельдмаршалом Эриком фон Манштейном, командующим группой армий Юг. Военный старой прусской школы, он бы и не подумал обсуждать с командирами армий или корпусов просчёты вышестоящего командования. Ему сверх всякой меры хватило разговоров с генералом Гейнцом Гудерианом, главным инспектором Панцерваффе, и генералом Вальтером Моделем, командовавшим 9-й армией, ей предстояло нанести удар навстречу войскам Манштейна, захлопнув кольцо окружения двух русских фронтов общей численностью больше миллиона человек.

Разгром Ватутина под Харьковом, ставший мезью Советам за Сталинград, наполнил фюрера и генералитет Верховного командования сухопутных сил (ОКХ) уверенностью, будто германская армия способна перехватить стратегическую инициативу. Начальник штаба ОКХ Курт Цейтлер предложил план, в деталях повторявший тактику окружений лета сорок первого года, с глубокими охватывающими фланговыми ударами и развитием наступления в глубь русской территории.

Не всем этот план понравился. Гудериан напирал на неготовность новейшей техники к использованию в масштабных действиях, Модель и Клюге вообще ставили под сомнение разумность подобной операции в текущем году. Но генштабисты настаивали. Если бы фон Манштейн знал любимое выражение Кату-

кова, сказал бы: Цейтлер норовит бежать впереди собственного визга. Кейтель поддержал Цейтлера, вдвоём они убедили фюрера, что наступление под Курском обречено на успех. Операцию нарекли «Цитадель».

Она не началась весной, как это предполагалось первоначально, из-за проблем в Африке. 13 мая капитулировали остатки германского Африканского корпуса в Тунисе. При мысли о бездарной потере девяти лучших немецких и итальянских дивизий, почти половины от количества войск, собранных под Белгородом для удара на Курск, генерал-фельдмаршал только разводил руками. В ОКХ давно созрело мнение, что африканский плацдарм не удержать, войска надо вывести... Но Гитлер и Муссолини считали сохранение Африки вопросом политического престижа. Их упрямство обернулось гибелью или пленением более чем сотни тысяч человек!

Фюрер метался в опасении, что англичане и американцы перебросят освободившиеся войска к востоку для высадки на Балканах, где их поддержит местное население. ОКХ оголило Италию, сняв оттуда авиацию и танковые соединения. Даже элитная 1-я танковая дивизия, укомплектованная новейшими «Пантерами», отправилась в Грецию, а не под Белгород, как было обещано Манштейну. Только обезопасив Балканы, Гитлер дал санкцию приступить к операции под Курском. Он объявил, что высадка англо-американского десанта на западе Европы произойдёт в сорок четвёртом, не раньше. Значит, в сорок третьем нужно поставить Сталина на колени, заставив подписать мирный договор с уступкой Рейху западных территорий России.

Фон Манштейн видел, как фюрера в Берлине осаждали японцы, горевшие желанием выступить посредниками на мирных переговорах с русскими. Глупцы! Им бы не с американцами воевать за острова, а ударить в тыл Красной Армии именно сейчас, когда все основные силы большевиков на германском фронте!

Успех наступления на Курск откроет и другие перспективы, весьма интересные для Рейха. Фюрер вознамерился внезапным ударом оккупировать Швецию, пока ещё нейтральную и дружественную, затем повторить наступление на Ленинград, если Сталин будет тянуть с уступками. А после разгрома большевиков вернуть дивизии на Запад, усилить группировки в Италии, на Балканах и во Франции, чтобы сама мысль о высадке в Европе не посещала более Рузвельта! Или повторить марш на Кавказ с прорывом к Ирану и далее до Бирмы.

На карту поставлено слишком многое.

Генерал-фельдмаршал прикрыл ладонями лицо, зажмурив усталые немолодые глаза. Это поза слабости, её можно себе позволить, только когда в кабинете нет больше никого.

На самом деле, слаб не он, а его группа армий. Точнее – недостаточно сильна.

Свежая и вполне боеспособная германская танковая часть имеет возможность вести успешные наступательные действия при численном превосходстве русских в пять раз. Так было в сорок первом и сорок втором. Германский танк ходит в бой не менее одиннадцати раз до списания в безвозвратные потери, у русских, при самом благоприятном для них исходе, два-три раза. К лету сорок третьего, если верить американской прессе, Советы имеют убыль живой силы порядка 12-14 миллионов человек, а с учётом смертности гражданского населения от голода и бомбёжек – гораздо больше. Все крупные стратегические операции последнего года, даже считающиеся успехом красных, сопровождались ужасающими потерями для их стороны, включая Сталинградскую эпопею с окружением Паулюса. Сейчас в группе армий «Юг» девятнадцать дивизий,

большинство – моторизованные и танковые, три дивизии стоят в резерве у Харькова. Арифметика на стороне генерал-фельдмаршала, но с учётом реальных сил русских, накопленных за время досадной паузы из-за укрепления Балкан, преимущество у Манштейна отнюдь не бесспорное.

Есть ещё одно «но».

Что бы с русскими ни происходило, даже если они полагат столько же жизней, как под Харьковом, Ростовом, Сталинградом, Ржевом, или будут сдаваться в плен десятками тысяч как под Киевом и Уманью, откуда-то ещё раз возьмутся новые резервы, новые танки, свои или «Шерманы»... А Германия, если не добьётся сокрушительного успеха, не накопит подобных сил раньше, чем через год.

Фон Манштейн нажал кнопку и приказал вошедшему адъютанту:

– Гота и Кемпфа – ко мне.

Когда начнётся наступление, на сложные маневры времени нет. Карандаш в твёрдой маршальской руке прочертил стрелу от места сосредоточения 4-й танковой армии по кратчайшей дороге к Курску. Карандашный след пролёт через Яковлево и позиции 1-й гвардейской танковой бригады, где готовил свой танк и экипаж к грядущим боям Андрей Кревский...

Глава четвёртая. Не заслуживающий доверия

Воронежский фронт, 30 июня 1943 года

Свою «тридцатьчетвёрку» он назвал «Марусей». Имя «Марыля» – в честь сестры – звучало бы слишком не по-русски, поэтому Андрей подобрал самое близкое.

Лейтенант потерял танк до начала боёв, совершенно незаслуженно, заодно утратив остатки иллюзий о какой-то справедливости в этом мире.

Из танковых училищ молодых лейтенантов выпускали заведомо безлошадными. Танки гибли десятками тысяч, их постоянно не хватало. Как и всего. Как и рабочих рук в уральском Танкограде. Потому экипажи отправляли в Нижний Тагил или в Челябинск самим собирать боевую технику.

В этом, конечно, присутствовал несомненный плюс. Не только механик-водитель, у Андрея – пожилой сержант Семёныч, но и все остальные танкисты знали матчасть изнутри.

Был и минус. Сборка танка, даже столь нехитрого по конструкции как Т-34, дело специфическое. Экипажи учились этой премудрости на своём единственном танке, на своих ошибках. А когда заканчивали учёбу, закрутив последние болты новорождённого бронированного товарища, эти навыки уже не были нужны. По крайней мере, до получения следующего танка взамен сгоревшего, если тот не превратился в могилу на четверых.

В других армиях мира ничего подобного не практиковалось. Всё же сапоги должен тачать сапожник, пироги печь пирожник.

Качество изготовления танков хромало на все четыре ноги. Не только конечная сборка велась с ошибками, узлы и агрегаты также поставлялись с браком. Квалифицированные рабочие были призваны на фронт, условия на Урале оставались чрезвычайно спартанскими, у станков трудились женщины и дети, физически не способные к непомерной нагрузке. Дефицит любых материалов, постоянная штурмовщина: давай-давай, фронту нужны танки...

Урал давал Красной Армии те самые «тридцатьчетвёрки», что зимой с сорокового на сорок первый год были признаны негодными для боевого применения, но надвигающаяся война заставила отложить модернизацию. К сорок третьему году танк изменился минимально. Башня у «Маруси» по сравнению с первыми Т-34 стала чуть просторнее и с двумя люками, более удобными, чем один на двоих. За характерный «ушастый» вид люков в поднятом положении немцы прозвали русский танк «Микки-Маусом».

В училище Андрея и Миху первоначально готовили для службы на британском танке «Матильда Mk2». По сравнению с «тридцатьчетвёркой» у «Матильды» присутствовало больше недостатков, чем достоинств, а о преимуществах буржуазной иностранки настоятельно советовали не распространяться. И уж совсем считалось антисоветской пропагандой хоть слово хвалебное обронить про вражескую технику.

В отличие от «Шермана» или КВ, в Т-34 командир экипажа трудился ещё и наводчиком орудия, а командир взвода, роты, батальона вдобавок должен был управлять в бою своим подразделением, зачастую имея лишь приёмник для получения указаний из бригады, экипажам линейных танков приказы отдавались примерно как в коннице Чингисхана – взмахом руки. Для этого приходилось высунуться из башни, рискуя схлопотать пулю. Линейные танки или вообще не имели раций, или те быстро выходили из строя. Конечно, иногда фортуна позволяла добыть рацию от «Валентайна». Или выкрутить с немецкого танка, если получалось оживить её да перестроить на советские частоты.

Из-за радиостанции Андрей и расстался с «Марусей». Точнее, её рация марки 9-Р послужила поводом для изъятия.

Сначала до слуха донёсся рапорт командира взвода, отчитывающегося кому-то вышестоящему, что «личный состав занят обслуживанием матчасти».

– Где ваше юное пополнение? – раздался неприятно знакомый голос.

Вчерашняя встреча с особистом не выветрилась из памяти, а он тут как тут – в сосновом лесочке неподалёку близ Яковлево, где танки ждали своего часа, укутанные от разведчиков Люфтваффе маскировочными сетками. День был ясный, солнечный и очень даже лётный.

Экипаж копался в боевой машине. Если относиться к службе на совесть, в танке всегда есть работа: проверить регулировку тяг фрикциона, натяжение гусениц, хомуты на трубопроводах... Дело найдётся у каждого. Но контрразведчик не постеснялся вмешаться.

Он прибыл в сопровождении батальонного замполита. Естественно, вояж по расположению не обошёлся без комбата Вовченко.

Андрей вытянулся по стойке «смирно» и бросил замасленную ладонь к шлемофону.

– Вита́м, пан военный! – с нехорошей улыбкой поздоровался капитан, ядовитым тоном выделив польское приветствие, и обернулся к Вовченко: – Интересно всё складывается. 1-й батальон 1-й гвардейской танковой бригады, самой образцовой и героической в 1-й танковой армии, получает такое странное пополнение накануне боёв. Знаю! Не вы решали, а кадровики, им зачтётся. Но вы-то куда смотрели? Давно Кревский у вас?

– Десять дней, товарищ капитан, – откликнулся Вовченко, стараясь неприемно запихнуть под портупею неуставной животик. – Службу несёт, замечаний не имеет.

– Конечно! Пока бои не начались, он – образцовый офицер, – сегодня особист щеголял идеально выскобленной физиономией, через ароматы солярки и дизельного выхлопа до Андрея донёлся запах одеколлона, жидкости на фронте крайне редкой. – А в бою? Уверены, что в затылок не выстрелит? Где ваша партийная бдительность, товарищ замполит? Это не стенгазетки рисовать!

Особист перегнул палку. Титков был не только политработником из категории «рот закрыл – рабочее место убрано», сочинителем партхарактеристик и агитплакатов, но, в первую очередь, командиром танка, прошёл Харьков, Сталинград, Калининский фронт. Тем более – в любимой «бабкиной» бригаде. Поэтому не оробел.

– Слушай, капитан... Как тебя там... Полощенко? Если есть что сказать по делу – говори. Или не мешайся под ногами. Нам в бой идти, а не писульки пописывать.

Волощенко с ухмылкой глянул на Титкова, мол, не понимаешь, морда, с кем разговариваешь, я тебе в любой миг башку откручу! Потом вывалил весь список подозрений в отношении Кревского: рождение в капиталистической стране, брат пропал без вести, как пить дать – к немцам перебежал.

– С такой биографией и в штрафбат не примут. Как же ты в танковое умудрился попасть?

– Почему умудрился? – не понял Андрей. – Запросто. Я детдомовский, сирота. Секретарь комсомольской ячейки. Написал заявление в пехотное училище имени Калинина. Училище эвакуировали в Ульяновск и преобразовали в танковое. Как лучшего курсанта меня оставили на год инструктором, брата отправили на фронт. Что с ним – не знаю, товарищи офицеры. Говорить за себя не хочу, после первого боя видно будет, чего стою.

Он мог ещё добавить, что товарищ Сталин тоже родился в капиталистической стране – царской России, но хорошо усвоил, что иногда лучше промолчать.

– Ну-ну, – протянул Волощенко. – Складно поёшь, польский пан. Арестовать пока не имею оснований... До поры. А вам, товарищи офицеры, я бы вот что рекомендовал. Вижу, танк у него с антенной. Рация хорошо работает? А у комбрига вашего, я утром слышал, танк сломался. Чутьё мне подсказывает, командир бригады на хорошем танке важнее, чем хрен с бугра, да ещё непонятого происхождения.

Особист сорвал еловую веточку и удалился, непринуждённо хлопая ей по голенищу сапога.

– Насрал в душу и свалил, – огрызнулся Вовченко. – Что скажешь, замполит?

– То и скажу. Подставил он нас. Придётся, лейтенант, передать твою машинку комбригу. Иначе... сам понимаешь.

– Понимаю, товарищ гвардии капитан. Несправедливо это!

– Ладно, пошли к Горелову. У него голова на плечах, что-нибудь придумает.

Вовченко кивнул в знак одобрения и отвернулся. Быть соучастником подлости – отбирать у офицера танк перед первым боем – ему не доставляло радости.

КП бригады располагался у опушки в сотне метров от расположения батальона и представлял собой несколько блиндажей, укрытых землёй и дёрном, в сторону юга глядели бойницы двух ДЗОТов. Комбриг Горелов сидел на пенке и курил, ссутулившись. В суете последних приготовлений он едва выкроил пару минут отдыха, нарушенных пришествием офицеров первого батальона.

– Зашибись, твою ж налево... – только и вымолвил полковник после доклада Титкова. – Сейчас побежит строчить донос наверх, что мы контру пригрели и

покрываем... Готовься, замполит, к новому пополнению, будет в батальоне ещё один подозрительный, тот вообще из Кабардино-Балкарии.

– Опять к нам? Мало мне этого...

– Что значит «этого»? Отставить, товарищ гвардии капитан. Видишь – парень в бой рвётся, чернее тучи стоит, что его танка лишают. По службе нарушения есть? Ну и не жалуйся. В 1-ю гвардейскую говнюка не пошлют.

Как бы успокоительно ни звучала речь комбрига, Андрей уяснил главное – с «Марусей» можно прощаться.

– Товарищ гвардии полковник! – взмолился он. – Разрешите обратиться к командиру корпуса! Может, в корпусном резерве исправная машина найдётся. Все говорят – немец вот-вот вдарит!

Горелов усмехнулся, капитан покачал головой с недвусмысленным выражением на лице: «какой же ты зелёный и наивный».

– Кривошеин пошлёт нас подальше, – снизошёл до разъяснений командир бригады. – Титков, ты помнишь его первое явление народу, в феврале? Требовательность показывал. Минус двадцать пять на улице, а он: всему личному составу выйти на физподготовку, сапоги, штаны, гимнастёрка, бегом – марш. У него принцип: свои проблемы решайте сами. А ремонт одного танка – это вопрос батальона, даже не бригады, – Горелов встал, показывая, что разговор, как и его перекур, закончен. – Не кисни, гвардии лейтенант. На твой век войны хватит – полной ложкой не вычерпаешь. Дам своего мехвода в помощь. Новые моторы зампотех к вечеру ждёт. Перекинете, и покатаешься на моей «двадцатке», она ни разу не подвела.

Удручённый, Закревский вернулся в батальон и первым делом снял экипаж с обслуживания танка. «Маруся» и так блесит, как у кота хозяйство, нет смысла лизать, если её всё равно заберут.

От того что командир не смог отстоять машину, любовно собранную и выпестованную, а взамен согласился на убитое рожно с двигателем после капиталки, авторитет Андрея у трёх подчинённых упал ниже низшего.

В танковых войсках отношения в экипаже очень сильно разнятся от отношений, скажем, в стрелковых частях у рядовых и командира взвода, такого же свежеиспечённого лейтенанта. Пехотный офицер бежит впереди, но сам практически не воюет, направляя своих солдат, и смерть у воинов «царицы полей» индивидуальная – кого найдут пуля и осколок. В танке командир – главный боец, от точности и быстроты его стрельбы зависит выживание всех. А не повезло – погибать всем вместе, особенно если не успели выбраться до детонации боеприпасов, «тридцатьчетвёрка» тогда превращается в стальную могилу: два обугленных тела в корпусе, два – в сорванной и валяющейся рядом башне...

Правда, у мехвода шансов выжить больше, сидит он низко, снаряд чаще пробивает башню. Механик Кревского, пожилой тракторист с Владимирщины, откровенно сказал командиру: двух лейтенантов я уже пережил, коль Бог положит – переживу и тебя, не обессудь.

А главный смертник в Т-34 – стрелок-радист. У него даже люка нет, покидает горящую машину вслед за мехводом или через башню за командиром и заряжающим. Если успеет... Бывало, правда, что другие гибнут, у него ни царапины, но лишь только в этот раз, в следующем бою предстоит новая потеря.

Главная задача у стрелка-радиста – не стрельба, есть ещё башенный пулемёт, он главный. И не работа на рации, даже если та исправна. Стрелок помогает

мехводу в четыре руки включить передачу, одному это практически невозможно, особенно в движении. Такая вот приспособа мощностью в одну человеческую силу к коробке передач!

К вечеру никаких двигателей бригада не получила. Обшарпанная гореловская «двадцатка» заняла место в батальоне. Со снятыми броневыми листами корпуса от башни до кормы, она выглядела потёртой публичной девкой, загодя раздевшейся перед неторопливым клиентом. Андрей приказал укрыть танк брезентом и двинулся в землянку к офицерам роты.

Про подкат особиста к новенькому слышали уже все.

– Не дрейфь, молодой! – пробасил взводный. – Танк с барского плеча комбрига – не самое худшее на фронте. Счастливый он. Видел, сколько отметин? А в нём даже не ранен никто.

– Если он простоит здесь месяц в ремонте, то и правда – раненых не будет, – грустно отшутился «безлошадный». – Вы не понимаете. Брата отправили на фронт, а меня ещё год в училище муржили... Рассказывали, что без танка бой не кончается, что случай был в сорок первом, когда командир подбитой «бетэхи» выскочил с топором, открыл люк панцера и немцам обушком прямо по шлемам – одному, другому...

– Брехня! – безапелляционно бросил Шалин, старший лейтенант с неприличным для русского именем Вольдемар. – Нет у немцев танкистских шлемов. У них броня изнутри мягким обтянута. В пилотках они катаются, точь-в-точь как в авто.

– Если бы так просто всё было, давно бы фрицев погнали на запад обушком топора. Топоров много, людей – тоже, – добавил Володя Бочковский, командир роты. – Пока сам в бою не побываешь, а тем более – в танке красного петуха не поймаешь, тебя запросто сказкой купить. Потом как заново родишься, глаза откроются.

– И что танкисты друг на дружку кидаются, тоже брехня, – добавил взводный, у него на испещрённом ожоговыми шрамами лице так и не выросли ресницы. – Помню, этой зимой на Калининском у меня движок вспыхнул. Дым густой, сугробы вокруг, метель... Выскакиваем, пытаемся тушить. Воды нет, снегом не особо погасишь. Ветер налетел, значит, глядим – а в полусотне шагов немец дымится, экипаж вокруг бегаёт, тушит. Ну, думаю, сейчас из пулемёта полоснёт – всем хана. Тут один фриц, смотрю, нам машет. Потом руки над головой скрестил, мол – не стреляйте, мы тоже не будем. Как потушились – завелись, разъехались.

– Я б шамальнул на прощанье вслед, – кровожадно заявил Андрей. – В корму.

– Не, я не стрелял. Они – тоже. С-суки, конечно, эти фашисты... А в общем, такие же танкисты, как мы с тобой. Поэтому рука не поднялась. Их наша пехота в плен не берёт. Форма чёрная, как у эсесов. Без разговоров – к стенке.

– Там, на Калининском, – вспомнил Бочковский, – голодно было. Нам с самолётов харч сбрасывали. Раз кухню натопили, наши стоят из батальона, гляжу – за ними два фрица пристроились в очередь. С котелками. Повар им плеснул. Немного, конечно. Но с мясом. А наши по-нахалке за линию фронта сходили, им только каши с маргарином отвалили, мяса зажали. Голод – он по обе стороны голод.

Андрей даже есть перестал. В это невозможно было поверить! Сколько лет он слушал о непримиримости, о ненависти к врагу... И в лучшей танковой бригаде

Красной Армии с врагом меняются едой?! Вместе тушат загоревшиеся танки? Больше он не вставлял ни слова, просто слушал. И наговорено было столько, что услышь особист Волощенко их застольный трёп, кричал бы про антисоветский разговор в роте!

В унисон его мыслям взвился осетин Байцаев.

– Пусть бы и дошли от голода! Я бы их там пришил, прямо возле котла, мамой клянусь! А падаль собакам скормил. Заладили ещё – такие же танкисты... Читали, что они в Краснодаре творили? До Берлина дойдём, я даже их младенцев кончать буду. За ножки и башкой об стенку – раз, и чтоб мозги брызнули! Чтоб из такого младенчика новый хайль Гитлер не вырос!

– Тогда будешь сам не лучше фрица, – одёрнул его Бочковский. – И кто-то возьмёт твоих детей за ножки...

– Не будет у меня детей! – у танкиста затряслись губы и кулаки. – Убили, гады, мою невесту! Всю её семью! Одной бомбой в дом – всех... А я ей клятву давал – только к ней вернусь! Теперь некуда возвращаться! Поэтому меня даже трибунал не удержит. Воевать буду с ними до последнего живого немца. Под корень гнилую породу выведу! А погибну – другие найдутся...

На минуту повисло молчание. Байцаеву возразить было нечем. И поддержать его никто не хотел. Потом взводный заговорил на другую тему:

– Про «Тигров» видели плакат? Не верю, что их много будет. Так же как у нас КВ. А вот их «четвёрки» меня тревожат. Я одну облазил, сгоревшую. К броне болтами дополнительные листы прикрутили. Пушка длинная, не то что в сорок втором.

– Только бы дожди не пошли. Сухость нам на руку. В пылище, когда шагов на тридцать ни хрена не видать, главное, кто шустрее и наглее, – добавил Бочковский.

Постепенно Андрей постигал премудрости, которым в училище не научат и в учебниках не напишут. Нужно, оказывается, сломать стопор разёма от шлема, чтоб покидая горящий танк, командир не тратил лишнюю секунду, отсоединяя кабель. Всегда дублировать важнейшие команды мехводу ударом сапога в плечи и спину. При частой стрельбе не закрывать люк и приказать заряжающему тотчас выбрасывать стреляные гильзы, иначе задохнёшься. Скомандовав «короткая», считать до трёх – танк трижды клюнет вперёд на пружинах подвески и только тогда замрёт на миг, достаточный, чтобы произвести выстрел, а мехвод обязан без команды сразу рвать с места вперёд и в бок. И что прямо в бою стоит ехать метров тридцать, не более, потом резко поворачивать, сбивая прицел вражескому наводчику.

– Если попали в корпус, в лоб, первый снаряд обычно много беды не натворит. В худшем случае ранит кого-то осколками брони. Но учти, обломки баки проткнут. Они по бортам... – учил его ротный.

– Знаю, – прервал Андрей. – Сам свой танк собирал.

Снова взгрустнулось, заныла больная мозоль.

– Молодец, знаток. Теперь запоминай – если хоть один бак пробит, солярка лётся внутрь. И вот следующий снаряд её непременно подпалит. Тогда всё, тикай, сверкая пятками, пока не долбануло.

– А тушить?

– Если внутри боевого сильно горит – хрен потушишь. Скорей всего, сам отправишься в полёт вместе с башней, – оптимистично объяснил Бочковский.

– Солярку труднее зажечь, но и тухнуть она не хочет, зараза. Поэтому старайся выработать топливо из передних баков.

– Как повезёт... – протянул один из ветеранов. – Ещё на Волоколамке было. Мне в борт угодило, точно в полный бак. И ничего. Только душ из солярки по ногам. А «тридцатьчетвёрка» другая стояла, её тоже в борт. У неё бак взорвался, не загорелся. Стало быть – пустой был. Борт вырвало, люки изнутри выбило... Я внутрь заглянул к мехводу, его размазало по левой стенке. Так и осталась эта каша замёрзшая... Наверно, экипаж похоронят, когда танк на переплавку пойдёт.

– Зато быстро и без мучений, – подвёл черту Бочковский. – Меня когда в прошлом году подбили, думал – всё, хана. Снизу огонь, комбез горит, ноги нет, второй ногой пихаюсь, а люк открыть не могу – заело...

И после госпиталя, где его раздробленную ногу сложили буквально из кусков, ротный сохранил небольшую хромоту.

Возвращаясь к себе в землянку, Андрей ощущал тревожное чувство. В училище танковая служба на фронте рисовалась совсем не так. И ведь старожилы бригады не старались его напугать! Просто передавали опыт, накопленный дорогой ценой.

Но решимости участвовать в бою у него не убавилось. Чувствовал какой-то фатализм, будто где-то наверху загодя решено, жить ему до победы или погибнуть. А уж если помирать, то уж лучше так – в мгновенной вспышке взрыва, чем испечься заживо, запертым в бронированной скорлупе, или от глупого осколка в тылу.

«Не раскисать, товарищ гвардии лейтенант!» – скомандовал он сам себе и прибавил шаг.

Глава пятая. На островах

Пакино, Сицилия. 30 июня 1943 года

– Зачем ты подыгрываешь итальянцу? Войну они проигрывают. Отсидим несколько месяцев в их лагере, после «курортов» большевиков там наверняка сносные условия. А переходить на их сторону, брат... Тем более, потом попасть под трибунал за измену – не вариант. Что молчишь?

Войцех перевернулся на койке, устроившись поудобнее, это получилось без труда.

Итальянцы любят комфорт. Даже камера при комендатуре в Пакино уютнее, чем казармы в армии Андерса. Тюфяки и подушки мягкие, еда вполне приличная. На прогулку вечером их вывели и, похоже, забыли о пленниках на добрый час. Солдаты болтали, курили, оставив винтовки в сторону. Потом один достал бутылку, оплетенную лозой, её пустили по кругу, Марыле и Войцеху досталось наравне с хозяевами. Вино было кислым и слабым.

– Нужно бежать, сестра. Нас и так мало сторожат. Согласимся на сотрудничество – получим полную свободу. Но мало свалить от наших часовых. Они так обленились, что даже вслед стрелять не сподобятся, я думаю. А куда дальше деться? Нужна лодка – плыть к Мальте. Там масса английских кораблей, подберут.

– Если раньше не подберут итальянские катера.

– Вот! Торопиться нельзя. Жаль, к греческому десанту опоздаем точно.

Лязгнул засов. Итальянский военный забрал миски и кружки после завтрака. Другой жестами показал, что с ним должна пойти одна только синьорина. Войцех принялся протестовать, но тщетно. Марыля шепнула:

– Всё в порядке. Справлюсь. Не делай глупостей.

Синьор Капуана с утра сиял, как начищенная бляха на солдатском ремне. Точнее – на офицерском, благородное чело над аристократически изогнутыми бровями не могло принадлежать к плебейскому сословию, а нежные морщинки, перечеркнувшие его по горизонтали, наверняка были вызваны мыслями о высоком.

В присутствии дамы он учтиво встал, потом предложил разделить завтрак, не слушая протестов, что Марьяля не голодна.

– Мы сегодня продолжим разговор, синьорина. Но перед этим... – итальянец немного смутился. – Перед этим я попросил бы вас принять ванну и переодеться. Я хочу, чтобы вы чувствовали себя скорее моей гостьей, а не пленницей... И не подумайте дурного! Злоупотреблять гостеприимством – низко, я никогда себе такого не позволю.

– Кстати, сколько вам лет, синьор Капуана? – вдруг спросила названная гостьей.

– Тридцать три... Возраст Христа. Но, надеюсь, мне не придётся взойти на Голгофу.

Марьяля чуть улыбнулась, давая понять, что оценила шутку.

– И у вас отсутствует обручальное кольцо.

Он смутился.

– Женщины всегда замечают такие вещи... Да, не сложилось. Был помолвлен, чего скрывать, но меня отправили в Абиссинию. Она не дождалась, предпочла блестящего гауптмана из Люфтваффе. Девушка из хорошей, старой сицилийской семьи... В прошлые времена такое считалось бы фамильным оскорблением, каралось бы кровной мезтью!

– А сейчас?

– Мы же современные люди! – развёл руками капитан. – Посудите сами, синьорина, с возможностями военной контрразведки я мог бы извести всю её семью. Но уничтожать ни в чём не повинных людей из-за пустоголовости одной их родственницы не входит в мои намерения.

– Проявить христианское милосердие порой стоит больших душевных сил, чем мезть, – вдыхая аромат настоящего кофе – наверно, впервые столь качественного после довоенных лет, – Марьяля была просто обязана сказать итальянцу что-то ободряющее.

– Наверно, вы правы, синьорина, так как я до сих пор расплачиваюсь за мягкосердечие. Кое-кто на Сицилии считает меня тряпкой, не мужчиной.

– Будь я в числе ваших сицилийских знакомых, никогда бы не сказала ни полслова в порицание. Вы уважаете выбор женщины: если она предпочла другого, не стоит применять силу, даже если общественное мнение не освободилось от предрассудков. Скажите, синьор капитан, а к тому герою из Люфтваффе вы что испытываете?

– Не самые лучшие чувства. Но никто нас и не заставляет любить ни его, ни других союзников. Вы же понимаете, союзы – это политики, а любовь... – это любовь.

Тёмно-карие глаза итальянского офицера, влажные, как у любого южанина, смотрели с иронией и как-то по-особенному проникновенно. Прекрасно понимая, кто перед ней, Марьяля тем не менее почувствовала волнение. Намёки, томные взгляды... Неужели набивается на роман? Во «внезапно вспыхнувшую

страсть» не верится. Хотя... Для неё он точно не замаран нежеланием вершить вендетту в семействе ветреной невесты, если та история не выдумка.

Кофе закончился.

– Предложение вымыться действительно меня подкупило. В армии с этим не всегда регулярно, а моё последнее купание было в море – после крушения самолёта. Вы не передумали?

– Отнюдь нет, синьорина. Я сейчас вызову адъютанта, он вас проводит, предоставит всё необходимое.

– А брат?..

– Он мужчина, потерпит! – офицер улыбнулся. – Вы даже в баню не ходите без брата? Он вас и там оберегает?

– Мы были разлучены до эвакуации в Иран. Оберегать девичью честь приходилось самой, – Марыля встала. – Где ваш денщик?

Фразу про честь она вставила умышленно. Если Капуана рассчитывает на лёгкую победу над развращённой медичкой из польской армии, утратившей стеснительность в лагерях, то пусть не ждёт настужь открытой двери. Впрочем, неизвестно, что у итальянца на уме. Быть может, аристократизм у него напускной. Если маневры не принесут успеха, запросто спустит с цепи внутреннего зверя...

Адъютант также вёл себя учтиво, без игривых намёков, предоставив пленнице попечению немолодой итальянки в тёмном длинном платье и с чёрным траурным платком на голове. Попытка разговорить её ни к чему не привела – она по-английски не знала ни слова. После ванны женщина принесла Марыле платье столь же свободного и объёмного кроя, но ярко-синее с белой оторочкой на вороте и рукавах, синюю косынку в тон и открытые сандалии.

В зеркале у входа в помывочную комендатуры Марыля едва себя узнала. Руки медленно повязали платок на волосах, за годы войны привыкшие к пилотке либо вообще оставаться неприкрытыми, но не к платку.

– Синьорина белле! – одобрительно заметила сицилийка и сопроводила её обратно в контрразведку.

– Белиссимо! – подтвердил Капуана, едва Марыля вернулась в его кабинет. – Нас поджидает конный экипаж. Конечно, Пакино – не Рим и даже не Палермо, но я надеюсь, вы получите удовольствие от нашего вояжа.

– А мой брат?

– Если вы не будете против, он составит нам компанию как-нибудь в другой раз. Не откажите мне в удовольствии побыть с вами наедине.

Войцех изнервничался до вечера, пока Марыля не вернулась в камеру с узелком в руках, где была свернута английская форма и грубые солдатские башмаки.

– Матка боска... Это он тебя так вырядил?

– Не нравится? А мне хорошо. Впервые с тридцать девятого чувствую себя девушкой, а не военфельдшером без пола. Кстати, тебе презент.

Сицилийцы с неприязнью относятся к немцам, в том числе, кроме всего прочего, из-за реквизиции продовольствия на нужды Вермахта. Арийским союзникам здесь дали кличку, в переводе с местного жаргона означающую «съевшие наших кур». Тем не менее капитан привёз Марылю в маленький открытый ресторанчик, где лишения военного времени практически не ощущались. Он располагался на террасе в предгорье, откуда открывался живописный вид на городок и долину. Полотняный тент укрыв от прямых палящих лучей солнца.

Еды было столько, что девушка, дважды завтракавшая в это утро, не осилила и половины, упросив вернуть излишки в салфетку для брата – пакет вышел объёмистым.

– Ешь, узник замка Иф... И слушай. Капуана, конечно, рассыпается в комплиментах «прекрасной синьорине» и, думаю, не жжёт, здесь такие плотненькие, как я, считаются эталоном красоты. Сицилийки воспитаны в строгости, но быть может, это только первое впечатление, дома показывают себя во всю ширь натуры...

– Не отвлекайся! – перебил её брат, обсасывая баранью косточку. – Так что наш итальянец?

– Задумал очень непростую игру. Он, кстати, сердится, если его назвать итальянцем. Говорит – я сицилиец. А однажды видел, как парень из Флоренции ударил кого-то из Рима, заявив – я флорентиец, а не итальянец. В общем, сицилийцы от войны устали. Видел бы ты, сколько молодых женщин в чёрных платках... А другие не знают, надевать ли чёрное, – мужья, отцы или братья пропали без вести. В британском плену или лежат в песках Туниса. Бог один знает, где они сейчас. Обвиняют Муссолини, но больше Гитлера. Много погибло в России, на Волге. Поэтому Капуана не верит, что в случае высадки в Сицилии местные будут воевать против союзного десанта. Немцы, конечно, будут драться до последнего, на то они и немцы, но их здесь всего три дивизии, не из лучших...

– Но десант будет на Балканах!

– Наш капитан в этом не уверен. Пока немцы воюют на Восточном фронте с русскими, у них нет сил закрыть всё побережье. Союзники запросто захватят, к примеру, Сардинию.

Войцех утвердительно кивнул. Чем меньше остров – тем проще его забрать. В середине июня десант высадился на Пантеллерию, он расположен между Мальтой и Тунисом. Итальянский семитысячный гарнизон моментально сложил оружие, не оказав сопротивления.

– ... В общем, Капуана не исключает любого развития событий и подстиляет соломку везде. Говорит уклончиво, намёками, цветастыми эпитетами, мол – всё ради ваших прекрасных глаз, ничего конкретного... Но по отдельным его репликам догадываюсь, у него созрела идея перевербовать тебя и забросить обратно к англичанам, тем самым заслужить расположение у начальства и у немцев, если они победят в войне. На случай поражения и особенно десанта союзников на Сицилию он оставляет меня здесь как аргумент: глядите, как заботился о британской военнослужащей, пылинки сдувал... Я также послужу гарантом твоего правильного поведения в английской и польской армии. Ешь! Нам нужны силы и ясная голова, чтоб не ошибиться.

Слова сестры никак не прибавили Войцеху аппетита. После событий этого дня их положение выглядело гораздо хуже, чем в самом начале плена. Тогда им светил заурядный лагерь, теперь же офицер разведки (или контрразведки – поди разбери их структуру) затеял рискованную игру, ставки в которой – жизнь или смерть обоих Закревских.

Сначала мягко, а потом всё твёрже он начнёт их прессовать, не выпуская из Пакино.

В случае если Войцех не оправдает себя как итальянский агент в британском тылу, Капуана вынужден будет отдать Марылю на съедение своему начальству. Кроме того, она свидетель его нелояльных речей и слишком уж предусмотритри-

тельных поступков в преддверии наступления союзников, а нежелательные свидетели долго не живут.

– Что бы мы ни решили, надо держаться вместе, сестра. А до поры – тянуть время.

Мальта, Валетта. 1 июля 1943 года

В полутораста километрах южнее Пакино, на главном «непотопляемом авианосце» Великобритании в Средиземном море по имени Мальта, генерал Монтгомери получил отчёт разведуправления о мерах по дезинформации противника. Крушение «Дакогы» у Сицилии подтверждено, самолёт упал на отмели, итальянцы наверняка знают характер груза, предназначенного для высадки в Греции. Ещё раньше с трупом офицера к противнику была переправлена карта с подробным указанием ложных мест десантирования.

Штаб Монтгомери находился в бронированном подземном бункере близ Валетты. Союзная авиация проутюжила все сицилийские аэродромы противника, но какой-то шанс налёта Люфтваффе или итальянских самолётов всё же сохранялся, генерал предпочитал не рисковать. В этой войне противнику лучше не давать дополнительных шансов.

Яичница с беконом и гренками остыла недоеденной, не дождавшись окончания стратегических раздумий, от которых командующего 8-й армией отвлёк доклад адъютанта.

– Приземлился самолёт генерала Эйзенхауэра, сэр!

– Я встречу его, Вилли. Подайте фуражку. И распорядитесь, чтобы нас не тревожили.

Утренний звонок американского командующего, предупредившего, что он намерен беседовать с глазу на глаз, без своего заместителя Александра, ответственного за высадку в Сицилии с американской стороны, насторожил. Какие подводные течения в лагере союзников возобладают на этот раз?

В бункере американец стащил с головы пилотку и перед зеркальцем пригладил остатки волос. Они отступали от лба к затылку, как Роммель от Эль-Аламейна, проигрывая битву за череп военачальника.

– Вы без Александра? – осторожно напомнил Монтгомери.

– Да! И даже без вашего премьера, привязчивого как липучка. Вы удивлены? Сейчас расскажу историю. Представьте, он рвался лично участвовать в десанте на Пантеллерию с американскими морпехами, – Эйзенхауэр издал квохтанье, отдалённо напоминавшее человеческий смех. – Заверял меня, что это нужно для подъёма боевого духа всей коалиции и совершенно безопасно, ведь гарнизон макаронников не больше трёх тысяч.

– Что же вы не позволили?

Американец уселся на металлический стул и забросил ногу за ногу.

– Пожалел наших парней, которым пришлось бы тащить борова на берег, а потом укрывать от пуль. В толстую мишень промахнуться сложно.

– Я что-то слышал о пари... – Монтгомери, отнюдь не боготворивший Черчилля, тем не менее раздражался, когда его высмеивали иностранцы, и поспешил скорректировать тему беседы.

– О да! Он спорил, что после бомбёжек острова там мало останется живых итальянцев. Тысячи три, не более. В общем, мы хлопнули по рукам: если возьмём больше трёх тысяч пленных, он мне отсчитает по десять центов за каждого.

– А если меньше?

– Тогда я ему плачу столько же за каждого недостающего... Признаюсь, Бернارد, я никогда с такой тревогой не прислушивался к нашей стрельбе, ведь всякое удачное попадание отнимало у меня десять центов. Какова же была моя радость, когда Черчилль вручил мне четыреста долларов!

– Он – баронет, совсем не из бедной семьи. По вашей таксе ему хватит денег, чтобы выкупить всю итальянскую армию, сдавшуюся в плен. Виски?

– Благодарю, не стоит. Скоро лететь назад, а после виски меня укачивает, – американец уселся возле стола, закинув ногу за ногу. – Генерал, во всей этой грядущей авантюре есть несколько неприятных моментов.

– Несколько – слабо сказано, – согласился Монтгомери. – Что лично вас больше всего волнует? До высадки чуть больше недели, что-то менять слишком поздно...

– Но не поздно подумать, что делать дальше. Александер слишком полагается на экспромт. Я бы снял его с командования операцией, но у него в военном министерстве мощные связи. Допустим, вы сумеете закрепить и двинуться нам навстречу. В общем, я в этом не слишком сомневаюсь, – острый ноготь Эйзенхауэра чёркнул по карте Сицилии на столе у англичанина. – А дальше? Сразу двигать к Палермо? Или ждать, пока нам разрешать переправить на Сицилию ещё несколько дивизий?

– Я бы высадил десант в Калабрии, – осторожно предложил Монтгомери. – Тогда три немецкие дивизии и остатки итальянцев мы раздавим в Сицилии. Иначе они эвакуируются на материк.

– Иной раз думаю, что вы, англичане, это какая-то нация самоубийц. Да, разгром сицилийской группировки на севере острова укрепит наш успех... Но в Калабрии десант погибнет. По суше и по железной дороге враг гораздо быстрее перекинет подкрепления, чем мы – морем.

– Да, жертвы будут, Дуайт. Но меньше, чем потери в боях с немецкими полками, если их выведут с Сицилии.

– Грёбаная арифметика! – Эйзенхауэр хлопнул пятернёй по столешнице. – Эта ваша британская жертвенность меня всегда раздражала. Сколько же вы людей уложили, пытаясь внушить наци, что Сицилия – не ближайшая цель десанта?

– Один экипаж «Дакоты», польский. Он упал у Сицилии с кучей карт Греции, греческими разговорниками...

– Польский? То есть людей второго сорта? Бернارد, вы же современный человек, а до сих пор делите всех на первый сорт, то есть истинных британцев, и остальной мир. У фюрера точно такая же точка зрения... Не перечьте мне. И один, и два, и десять экипажей гибнут во время авианалётов. Но от огня врага. Вы убили своих своими же руками. Молитесь, чтоб история не выплыла наружу. Собственно, об этом я и хотел с вами поговорить – уточнить детали операции, чтобы она принесла нам как можно меньше потерь. Скоро высаживаться на материк, избиратели в Соединённых Штатах спрашивают – надо ли это рядовым американцам? Рузвельту не просто их убеждать...

– Война и политика неразрывны.

– Да. И я думаю, что десант в Сицилию задуман не только как расчистка Средиземного моря для нашего судоходства. И не только как плацдарм для захвата Италии. Политика тоже важна. Само название операции – «Хаски»...

– Кстати, Дуайт, кто её придумал?

– Точно не знаю, но, по-моему, это был ваш неутомимый премьер. Он второй год рассыпается в обещаниях Сталину расширить военные действия на Западе. До сих пор основная война с Гитлером идёт на Востоке. Черчилль где-то прочёл, что сибирские лайки стаями охотятся на медведя, и чтобы он их не растерзал, одна или две постоянно крутятся у него за спиной и время от времени кусают в задницу. Не знаю, правда ли это, про охоту на медведя, или толстяк как обычно всё выдумал. Но он видит сицилийскую операцию именно как укус хаски в медвежий зад. Русским полегчает. За год они ещё потреплют нашего общего врага, тогда и мы войдём в Европу – через Ла-Манш или через Италию, не столь важно.

У Эйзенхауэра своё деление на людей первого и второго сорта, подумал Монтгомери. Задержка с высадкой на материк и тактика одних лишь укусов в филейную часть немецкого зверя неизбежно повлекут дальнейшие потери у русских. Но американца почему-то это не так волнует, как судьба нескольких полейков на Сицилии.

След от ногтя американского генерала, отметившего на карте зону высадки и развёртывания британской 8-й армии, перечеркнул кружочек городка Пакино пополам.

Продолжение следует.

Поэзия

Виктор ПЕТРОВ

Даль свободы

ХРАНИТЕЛЬ ЗНАМЕНИ

Была страна, и нет страны –
Сгорела синим пламенем.
Рыдают глупые сыны,
Но есть хранитель знамени!
Когда спускали красный флаг
С крестом серпа и молота,
То ликовал заморский враг,
Что Русь моя расколота.
И гимн звучал как скорбный блюз,
Вскрывая звуком вены мне.
Так нерушимый наш Союз
Разрушен был в мгновение.
От Владика и до Карпат
Стояло голошение:
Прощай, советский крест – серпа
И молота скрещение!
Пришла народная беда –
Сменили знамя знаменем,
И стал я каменным тогда,
Во мне – другой, незнаемый.
А с красным флагом что и как?
Прости-прощай, империя!
Куда исчез величья знак,
Уже не флаг – материя?
Но встал один из всех – за всех! –
Решительного звания,
Свернул кумач, не глядя вверх...
Таков – хранитель знамени!
Вверху не свет – зиянье тьмы:
Взглянуть – увидеть дьявола,

И потому, не глядя, мы
Сошлись во тьме отъявленной.
Случилось так, да всё не так!
Мы стали неуступчивей:
И если мрак, да сгинет мрак,
Когда просвет меж тучами!
А имярек, до сей поры
Не поступаясь державою,
Идёт на бранные пиры –
В края, от крови ржавые.
Идёт солдат не солнцу встречу,
А наступает к западу:
От Сталинграда путь на Керчь –
Вершит судьбу внезапную.
Идёт, как древко, прям, упрямя,
Обвита грудь полотнищем.
Солдат и здесь, и там, и сям:
Убьют, встаёт – живой ещё.
А ну, прибалты, от винта,
И шла бы, шляхта, далее!..
Где Бранденбургские врата
И где рейхсканцелярия?
Идёт к Берлину – брать готов!
А там – картина жуткая:
Ударил свет прожекторов –
Приказ на штурм от Жукова.
Виднее на свету рейхстаг,
И путь бойца яснее ясного,
И расцветает красный флаг,
И нет прекрасней цвета красного!

АЗИМУТ

Я родился в Авдеевке,
А крещён был в Успенке.
Сколь разора содеяно –
За такое бы к стенке!

Изуверствуют ироды,
Тянет горечью гари.
Плачьте, Киев и Миргород,
Мариуполь и Харьков...

У, треклятое каинство –
Стал вражиною зёма!
Окоём размыкается
Трауром чернозёма.

Хата ридная, мазанка –
Не редут ли внезапный?
Танки выбрали азимут
И уходят на запад.

Гул услышу авдеевский
На успенской таможене.
Родову как и где искать,
Если Бог не поможет?

Предана, перепродана,
По частям раскроима:
Нет двух родин – есть Родина,
Русь моя с Украиной!

АЗОВСТАЛЬ

Я селюсь в заводской общаге
И работаю в многотиражке,
Множась на газетной бумаге...
Спать не сплю,
 причислен к третьей страже.

Страдаю по той, что в Азове
И не помнит обо мне, должно быть...
Я перевоплощаюсь в слове,
Набираю джеклондонский опыт.

Мне уже двадцать... Только двадцать!
Чтоб развеять тоску об Азове,
Выйду к морю – огни двоятся:
Так меня пробивает слезою.

Я не сентиментальный парень,
Но что тут поделаешь, когда мне
Одиноко порой не в паре,
Мучит ностальгия о недавнем...

И тогда в унисон со мною
Выдыхает «Азовсталь» с отяжкой.
...Сгинь, сутулость! – с прямой спиною
Отстучу статью в многотиражку.

И машинку «Москва» отставлю,
И небо увижу вдруг мартемом –
Разливается солнце сталью,
И зарево блуждает по стенам.

Кальмиус воды к морю катит –
Чудятся Дона Тихого воды.
И громовые быют раскаты –
Кто расстреливает даль свободы?!

Наперёд ничего не знаю
И мало что понимаю в жизни:
Кровь Предтечи тяжелит знамя,
Как предрекает распад Отчизны.

Это потом узнаю точно,
Что означает людская убыль.
Если ударит вражья «точка» –
На части разорван Мариуполь.

А тогда – киевлянка Алла,
Друг мой грек Балджи,
 еврей Гришкевич –
Вся редакция наша знала:
Вместе мы, и это разве мелочь?!

Мы роднились не кровью – духом,
Нет родства такого в свете крепче.
Азовстальская же разруха –
Неразгаданная кровь Предтечи.

БРАТЫ

Бьются братья смертным боем –
 Брату брат уже не брат.
 Столкновенье лобовое,
 Мат стоит да перемат.
 Выгорело чисто поле,
 Крыто залповым огнём.
 И с Андрием дьявол в доле,
 Плачет паночка о нём.
 Горе горькое Тарасу –
 Люльку с горя уронил...
 И курочат танки трассу
 Тыщей лошадиных сил.
 Ну а ляхи, что там ляхи
 Всех мастей и всех времён?!
 Шиты смертные рубахи,
 Да не каждый погребён.
 Потому как батарея
 Бьёт прицельно по врагу,

И заката флаг, не рея,
 Сник на траурном снегу.
 Близок холод, лютый холод –
 Жизни прежней больше нет:
 Сердце так и ходит, ходит,
 Разорвав бронезилет.
 Марш – с этапа до этапа –
 Изо всех железных жил.
 Где Остап? А нет Остапа –
 Сынку голову сложил.
 Птица Жаль стенает следом,
 Эта Жаль – всему беда.
 Никому ещё не ведом
 Путь последний в никуда.
 Что же будет? Ветер будет
 Над сгоревшим полем выть
 И, как датский принц, рассудит:
 Быть кому – кому не быть.

ЗНАК

Росчерк ставил в конце приказа
 Буквой «Z» рядовой штабист.
 Этот знак – не слова, не фраза –
 Обособил командный лист.
 Знать не знаем ещё итога,
 Если следом – приказ другой:
 Вдрызг изрытая взрывом дорога
 Стала вестью для нас благой,
 Потому что по ней упрямо
 Наши двигаются вперёд,
 И разыгрывается драма,
 Заряжая смертей черёд.
 Знак победный исполнен смысла,
 Знак стремительный, молний знак.
 Это Волга, и Днепр, и Висла...
 Одер с Темзой – уж если так!

Знак повсюду, и в отчет граде
 Был дотоле и снова есть –
 Мой Азов! Изначалья ради
 Возвратима Азову честь.
 Рейха вражеские знамёна,
 Что бросали под Мавзолей,
 Снова злыдни из батальона
 Заимели и стали злей.
 Опорочить хотели слово,
 Не случилось того у них:
 Буква Z это знак Азова
 Да и моря – от сих до сих!
 И латиница стала русской,
 И в названиях русских есть,
 Утверждая ракетным пуском
 Нашу волю и нашу честь.

Поэзия

Светлана ГОЛУБЕВА

Светлана Сергеевна Голубева родилась в 1967 году в Пскове. Прозаик, поэт, публицист. Автор многих книг. Произведения публиковались в журналах: «Роман-журнал XXI век», «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Бийский вестник» (Алтайский край), «Подъём» (Воронеж), «Волга 21 век» (Саратов), «Невский альманах», (Санкт-Петербург) и др. Лауреат всероссийской литературной премии «Вешние воды». Член Союза писателей России. Работает редактором в Орловском Доме литераторов. Живёт в Орле.

Такая жизнь...

НОСТАЛЬГИЯ

Я растерялась, словно ветер
Меня на атомы раздул,
Разнёс на сто дорожных петель,
Оставил от меня лишь гул.

Теперь в морях былья степного
Я – дальний бесприютный вой.
А где мне взять тепла родного,
А где мне снова стать собой?

Когда закончатся порывы
По всей земле, во все края,
На берег опущусь счастливый –
То будет родина моя,

Где мне сложиться воедино,
Где поднимать своих детей;
Там жить – судьба, а не судьбина,
Там ветер – лишь слуга вестей.

БАБУШКА

Костисты, помню, её запястья
И вены – синие провода...
Господь был скуп на земное счастье,
Зато был щедрым на соль труда...

Косарь старушка была отменный,
В деревне мало кто так же мог.
Надев на платье жилет толстенный,
Она обкашивала ложок.

Рядками на бок ложились травы,
Тянулся ровный медвяный след;
Работа с видимостью забавы
Далась надсадой прожитых лет.

Поодаль я на траве сидела,
В живой, стрекочущей тишине
Коса на взмахе чуть-чуть звенела –
Так почему-то казалось мне.

Мужчина степенно молился –
Один в колоннаде вокзала,
Народ проходил, не дивился,
И я ничего не сказала,

Но вряд ли он видел кого-то
Среди окруженья земного,
Влекомый одной лишь заботой
Молиться степенно и строго.

Просил ли мужчина у Бога,
Чтоб лёгкою вышла дорога?
А может, опасность минуя,
Он мысленно пел «Алилуйя»?

ВДОХНОВЕНИЕ

Мерцало на траве и листьях,
Как предрассветная роса,
У девочки в глазах лучистых
Блеснуло. Звонкая коса
Его к полудню уложила
С травой в душистые рядки,
Оно искрилось вдоль реки
На водной глади, мелко, живо
Дрожало рябью шелковистой
И в сердце, как тетради чистой,
Ещё невидимой строфой
Оно сонет писало свой.

9 МАЯ

Какая тишь! И так необорима
В рассветной неге дремлющая жизнь,
Как будто все снаряды были мимо,
Все мины до одной не взорвались,

И генералы живы, и солдаты,
Все дети родились у матерей,
А если здесь и слышались раскаты,
То разве гроз, примчавшихся с морей.

Зарёй румянясь, в лепестках лежала,
Дыша малейшей гранулкой земной,
Такая жизнь, как будто не пропало
Из завершённых судеб ни одной.

Как знать... Только мнится иное:
Не благ он просил, не покоя
Безмолвным молитвенным слогом, –
Он ждал единения с Богом
И спрашивал ангела кротче:
«Ты ныне со мною ли, Отче?»

И в самозабвенье блаженном,
Забыв о насущном и бренном,
Над смирной своей головою
Он слышал: «С тобою, с тобою...»

Непригодившееся слово
Ветра швыряют вниз да вверх.
Чего-то важного, большого
Не уловил в нём человек –
Не стал записывать в тетради,
А так, подумал и забыл.
Кружит словцо за Бога ради,
Изрядно выбившись из сил.
Его скворец споёт весною,
Прошепчет юная листва.
А нынче только вьюга воет,
Ловя бездомные слова.

Услышу Господа не в храме
Среди жужжанья голосов.
Я, может быть, поеду к маме
Послушать древний шум лесов.

Там на стволах – опорах небу –
Закатный присмолился луч,
Как мёд, растёкшийся по хлебу,
Горяч и терпок, и пахуч.

Шум сосен – выдох облегченья,
Нашёптывание молитв,
Издrevле данных в утешенья
Держащим неба монолит.

Поэзия

Галина ТАЛАНОВА

Галина Таланова (Галина Борисовна Бочкова) – биофизик, кандидат технических наук, автор восьми книг стихов и пяти – прозы. Член Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде. Работает в ООО НПО «Диагностические системы». Лауреат многих литературных премий. Стихи и проза публиковались в журналах «Нева», «Юность», «Роман-журнал XXI век», «Север», «Москва», «Наш современник», «Родная Ладога», «Берега», «Подъём» и во многих других печатных изданиях России и Зарубежья.

На подходе зима

Ветшает всё,
Где била жизнь ключом.
Сгрёбёт бульдозер
Старенький домишко
И сожалеть не будет ни о чём.
Со старым тёсом вперемежку книжки,
Посуда, ноты, старенький диван
С отломанной и ржавою пружиной.
И наша жизнь вся – розовый обман,
И обещанья счастья были лживы?
Под корень всё:
И яблоки в саду,
И клёны, обступившие толпою.
Когда-нибудь и я во тьму уйду,
И дом уйдёт мой той же вслед тропою.
Останутся кувшинки на воде,
Качающие молча головами,
И стрекоза в серебряной слюде,
Зависшая над скромными цветами.

Гроза настригла листья и пустила
Вниз уплывать по мутному ручью,
Всю падаль с яблонь ловко подхватила
И погнала к холодному ключу.
Малинник пал, как пьяный, у забора.
И голову сложила космея.
И шавок деревенских лает свора,
Как будто бы скандальная семья.
И я одна среди сада запустенья
Грущу о близких,
Что давно не здесь.
Я как под дождь попавшее растение,
Что стряхивает с листьев

капель взвесь,

Дрожа под ветром,
Что, как будто волны,
Накатывает вздыбленной стеной.
И жизнь моя прикинулась неполной,
Как дождь осенний,
слишком затяжной...

Вот и август грозой принесло.
 Не сбылось ни одно из желаний.
 Под верандою сгнило весло.
 И не будет на лодке катаний.
 Время молча прощаться с рекой,
 Где давно мы забыли о броде.
 Накатила глубинной тоской
 Мысль о том, что зима на подходе. —
 Нет, не та,
 Где кружилась метель,
 И не та,
 Где снег падает пухом,

А где снегом примятым постель,
 Где лежит неподвижно старуха.
 И такое сиротство от дач,
 Что остались без острого глаза:
 Их сровняет с землёю ловкач,
 Чтоб инвесторам делать показы.
 Будет завтрашний день,
 Но без нас...
 Как дрожат стрекозиные крылья!
 Надышаться бы здесь про запас,
 Перед тем, как смешаешься
 с пылью.

Пока ещё смотрю
 Сквозь дымчатость очков
 На воду,
 Что прозрачная, как в осень.
 И слушаю
 На скрипке играющих сверчков.
 И всё колюсь о хвою
 На тропке между сосен.
 Дорожка на реке
 Почти до рези глаз
 Блестит и манит вдаль,
 Где шарик раскалённый,

Как будто бы в печи
 расплавленная сталь.
 С разломанных здесь дач
 Запахло вновь палёным.
 То жгут не листья: жизнь,
 Что где-то здесь прошла,
 Как камень серый
 Мимо просвистела.
 И старая ворона без крыла
 По саже скачет:
 Быть не хочет белой.

Я обещала, что вернусь,
 Когда-то маме точно в срок,
 Надену шапку, застегнусь,
 До темноты через порог
 Шагну домой.
 И вверх неслась,
 Трезвон услышав через дверь.
 И проклинала эту власть
 Над жизнью маленьких детей.
 Теперь не знаю нужный срок,
 Когда вернуться к маме мне:
 Ищу разгадку между строк
 И указанье в вещем сне...
 Но нет...
 В туннеле том темно.
 В окно заглядывает мгла.
 И мама смотрит из трюмо,
 Но не гляжу из-под крыла.

Дыханье старости моей
 Услышу в скрипе двери.
 И в стоне высохших ветвей —
 Грядущие потери.
 Вся в варикозных узелках
 Вверх тянется берёза.
 И к сердцу подступает страх,
 И к горлу комом — слёзы.
 Гроза сверкает вдалеке,
 Как будто бы зарница.
 И камнем падает в пике
 Над мутной речкой птица.
 Но нет, она не умерла.
 Она лишь за добычей.
 И как недолго там, где мгла,
 Кукушка деток кличет...

Проза

Александр АНДРЮШКИН

ПРИНЦИП НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Роман

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Из дневника Н.Е. Сорокина:

Главная задача современности – остановить научно-технический прогресс, произвести «коррекцию упрощения» общества и вернуться к идеалу средневековой жизни.

Здесь может возникнуть вопрос: «задача» для какой части общества, для каких сил? Ответ: для русской и берущей с неё пример мировой интеллигенции. Следующий вопрос: в некоторых текстах я пишу об этом не как о «задаче», но как о событиях, якобы не зависящих от воли людей. Тогда надо ли за это бороться? Однако вопрос так вообще ставить не нужно: это – ложная школярская добросовестность. Разговор с массами (как и разговор с вечностью) должен быть выше таких уточнений, как «вы должны...» или «даже если вы не..., то всё равно...». Я указываю на крупные явления, а дело слушателя (читателя) самому решать, может ли он внести свой вклад и какой именно.

Два явления, Горбачёва и Ельцина (особенно – Горбачёва), были возможностью для нашего современника соприкоснуться с вневременным чудом.

Говорить о том, что наука и техника враждебны Христу, – всё-таки упрощение.

В середине второго тысячелетия нашей эры пала Византия, одновременно произошло несколько технических «прорывов»: появились огнестрельное оружие, океанский флот и книгопечатание.

И все эти три новшества обеспечили не поражение, но победу Христа в мировом масштабе! Испанцы и англичане перенесли христианство в Новый

Продолжение. Начало в №№1-4, 2023.

свет, в Африку, Австралию, на Филиппины. А русские распространили его на просторах Азии – именно с помощью огнестрельного оружия и книги!

В XX веке произошли ещё технические прорывы: радио/телевидение/интернет, плюс ядерная энергия, плюс авиация и космос.

Быть может, и эти новшества станут не гибелью, но победой Христа?

Если ожили тысячелетние традиции ересей и еврейства, то ожили и тысячелетние традиции государственничества.

В нашей стране есть люди, убежденные в том, что с нами – Бог, и это не шутка. В меру праведности это правда, т.е. в меру веры в Иисуса даются России силы, сравнимые с силой Господа.

Русская идея – это наличие сильного центра, столицы. «Построим себе город и башню». В США не было единого центра... А в Германии? В древнем Египте?

Католицизм как «стартер» научной ереси.

Римская второсортность, почти неполноценность...

Приблизительность, поверхностность выводов и всего мышления...

При этом русских ученых я уважаю... Нет ли тут противоречия в моих рассуждениях? Посмотрим...

Мне очень многое дало чтение трактата Блаженного Августина «О граде Божьем». Эту книгу, насколько я замечаю, мало кто прочёл, потому что есть простое и понятное изложение её содержания. «Град Божий» – это Церковь Христова, она, дескать, противопоставит «граду земному», т.е. погрязшему в грехе остальному человечеству. Что тут непонятного? Всё понятно. А тогда – зачем читать?

Но двухтомное это громадное сочинение очень богато так называемыми «побочными мыслями», вот для них-то и нужно читать труд целиком.

Начинается книга с эпохальной мысли-противопоставления латинского и греческого этносов. Мы чувствуем, что Августин ненавидит греков (хотя он открыто этого не признаёт) и что он позиционирует себя как идеолога латинского суперэтноса. По его мысли, именно греки «натравили» германцев на Рим и спровоцировали разграбление варварами Апеннинского полуострова и, в первую очередь, города Рима, который на многие века превратился в руины.

Уязвлённый горечью поражения, не в силах вынести трагедию разграбления Рима, Августин подошёл, видимо, вплотную к самоубийству, но, как за спасение, схватился за написание трактата «О граде Божьем». И, вопреки и в пику мирскому поражению Рима, он выдвинул – почти исступлённо – идею «града Божьего»: веру в христианские догматы, как бы перечёркивающие весь земной мир и стоящие выше его.

Что ж, логика более чем достойная! По такому логическому пути прошла до Августина греческая цивилизация, тоже перенёсшая жесточайшее (и какое-то совсем не вовремя «свалившееся на голову») поражение от рук римлян. Сколько процарствовали греки, как долго они были «во главе» мировой истории? Всего ничего! Годы жизни Александра Македонского: 356–323 до н. э., эти даты есть примерное

начало эллинизма, а конец его – 30 год до н.э., завоевание римлянами Египта. То есть эллинистический период длился всего триста лет, как это ничтожно мало по сравнению с продолжавшимся тысячелетия господством Египта!

Своеобразным «ставленником» греков был Карфаген, но карфагенян Рим разгромил ещё раньше: уже в середине второго столетия до нашей эры, тогда же римляне начали хозяйничать на Балканах и в Пелопоннесе – в сердце Греции. Несомненно, греки восприняли приход римлян как некий «удар в спину», но что поделаешь! Уже ко времени жизни Христа контроль Рима над Средиземноморьем стал удушающим.

И вот покорённые греки «смешиваются» с иудеями и начинают всё шире практиковать неотмирную религию христианства... Именно эту логическую линию и повторил в своём трактате «О граде Божьем» Блаженный Августин. Он наметил её как путь для всего латинского этноса, и латиняне действительно пошли по этому пути. Вернее, окончательно увлекли на этот (погибельный?) путь греков, а практиковали ли сами латиняне неотмирность – ещё вопрос.

Христос – властитель абсолютный, даже до диктаторства. (Я бы так сказал, если бы не боялся впасть в кощунство... Да простит меня Христос за выше-сказанное.).

Для понимания борьбы греков и римлян важна книга воспетого Граниным Любичева «Линии Демокрита и Платона в истории культуры».

Это тоже – объёмная монография и главный труд жизни Любичева, книга важнейшая для истории точных наук и просто для истории и историософии. Один из главных тезисов Любичева: «не христианство, а Рим – виновник крушения великой эллинской культуры; христианские императоры преследовали эллинскую культуру не как христиане, а как императоры – наследники Рима». Христианская же церковь, наоборот, сплошь и рядом сохраняла (в монастырях и не только) традиции науки и цивилизации в широком смысле.

Не церковь (как принято считать в среде «гуманистов»), но римская военщина разорила цивилизационные центры греков, ещё до утверждения христианства... Греки же (согласно Любичеву) выходили на коперниковское и даже ньютоновское понимание Солнечной системы, умели вычислять круговые движения планет... Увы, я целиком труд Любичева пока не прочёл, но он имеет очень подробное оглавление, из которого видно его содержание; основная же мысль – о разрушении греческой цивилизации Римом – поражает своей точностью. Ведь мы хорошо знаем латинскую литературу, но что в ней выдающегося? Подражательная «Энеида» Вергилия да Тит Лукреций Кар с его виршиами о том, что «мир состоит из атомов»... Сентенции об атомах Лукреция Кара любили цитировать марксистско-ленинские лекторы: видимо, это было им «по зубам» и соответствовало их уровню просветительской беседы где-нибудь в далёкой воинской части или в заштатном доме культуры.

Нужно уметь получать удовольствие от умерщвления плоти, а также от убиения «живых» участков своего мозга, т.е. отвечающих за «удовольствия», на самом же деле делающих нас рабами страстей. Омертвление части мозга нужно ощущать как жизнь – жизнь духовную, жизнь вечную!

Никакого конца света, катастрофы, третьей мировой войны не предвидится. Человечество будет оставаться на сегодняшней высоте долго и, в общем, бесконфликтно. Христианский мир с Россией во главе. Нет принципиального отличия от средних веков. Ничем наш образ жизни не ленивее, не примитивнее и не хуже, не грешнее средневекового.

Одна из заслуг Ельцина в том, что он опробовал систему «общественных тормозов». Оказывается, и обществу нужны тормоза, как и автомобилю. (Или «охлаждение», как автомобильному двигателю.) Да, неизмеримо труднее «разогнать» и «разогреть» автомобиль (как и общество). Но без тормозов – смерть!

Сегодня «додумался» до очевидного: экономический рост не нужен, Господь хочет его остановить. Иначе люди не видят Господа!

Лучший путь остановить рост: исламская революция в Египте и перекрытие Суэцкого канала. Думаю, это произойдёт к 2040-2050 году.

Может быть, нужно пророчество? Нужно, чтобы кто-то провозгласил призыв, который бы все услышали:

– Если Россия не уверует во Христа, не разгромит Академию наук, то погибнет не только Россия, но и воцарится общий хаос. Нападайте на учёных! – это подсказывает Сам Господь. Громите научные лаборатории!

(Увы для меня: я сам работаю в научной лаборатории и другого заработка не имею, но моральный долг порой требует призвать к разрушению той организации, внутри которой ты находишься. Так русские дворяне шли в революцию и добились успеха: разрушения дворянского строя в России. И учёные не безнадёжны: многие из них понимают вредность академий наук и в нужный момент изнутри «откроют двери» «беснующейся толпе», готовой разгромить науку. Вот только «беснующейся толпы» не видно: массы раболепно лижут ноги учёным, которые создают инструменты для притеснения и унижения самих этих масс...)

«У нас в СССР было построено высокоразвитое общество...» – Давайте зададим себе вопрос: при каких обстоятельствах жизни активизируется эта горделивая установка, когда вспоминается? Ответ: при общении с медициной или с обслуживающим дома персоналом. Иными словами, речь идет об элементарном страхе оказаться за бортом.

Вот и вся цена этого «у нас построено»... Это государство не христианское, анти-христианское!

Израиль подыгрывает становлению исламского колосса в XXI веке.

Сильного государства не возникло в исламском халифате, да и не могло возникнуть, ведь была Византия рядом. Государства – как люди? В какой-то группе людей (во времени) может быть только один праведник, его соперник –

это уже еретик. Так и «праведное» государство может быть (в принципе?) одно только.

Иисус вырвется в космос, если станет посредником на Земле. Для этого нужно раздробить сложившееся пространство потребления и телесного довольства. Громить университеты и академии наук, хотя в разумных пределах сохранять телевидение, электричество и прочие изобретения как частное орудие, не как общее правило.

Россия – единственная «тормозная колодка», спасающая мир от безумия. А миру так хотелось бы «отпустить тормоза» и сойти с ума – и на Западе, и на Востоке...

Учение Августина о «граде Божьем» всё-таки католическое, т.е. антихристианское. Православное учение это симфония, т.е. согласие между духом и миром, а не противопоставленность? Спорные, сложные вопросы...

Только что отпраздновали 9 мая, и – чувство успокоения. «Мир пришел в Европу и во весь мир». В связи с этим возникает каверзный вопрос: не были ли все революции после 1453 г. христианскими по сути своей, хотя антирелигиозными по виду? Т.е. и английская, и французская, и русская?

Вопрос прямо-таки дьявольский в своей искусительности! Думаю, ответ на него должен быть отрицательным...

(Под влиянием 9 мая?) Всё-таки нам, русским, – не нужна война...

Надо готовиться жить в средневековье. Не в путешествиях полагать своё счастье, а в том чтобы «сидеть» на земле, возделывая её, и пешком ходить в церковь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Боб Фиала как-то раз в молодости признался жене Марте, что у него был любовник и что он «не чужд однополуму сексу» – именно такое выражение он инстинктивно избрал: «не чужд» – «not alien to». Реакция её была – неудержимый гнев, после чего он ни разу на эту тему не заикался, а когда она ему это припоминала, неизменно отвечал, что «пошутил, чтобы проверить её».

И действительно – проверил; хотя из разговоров с другими геями (а таких связей у него и было-то за жизнь всего не больше десятка) он понял, что «жена не знает» – это лучший из вариантов для тех, что «не чужд» этой планете – да что там мелочиться: целой вселенной – под названием «однополая любовь».

Есть, конечно, упёртые геи, которые женщин вообще игнорируют, этих Роберт считал больными. Есть, наоборот, те, кто пытаются соединить оба мира и не скрывают этого от жены – или, наоборот, жена не скрывает от мужа лесбийских связей. Сюда примыкают всякого рода свингеры, любители секса по формуле МЖМ, ММЖ и прочих странных аббревиатур. Интересно, как они воспитывают детей?

Нормальный человек со смешанной ориентацией держит это в секрете (считал Роберт Фиала), а если сболтнёт, то получит только проблемы, как он с Мартой: её гнев и повышенную подозрительность, создающую ненужные трудности в семейном быту. Служебные тесты на полиграфе – детекторе лжи – и те ему было легче проходить, чем обмануть Марту. А ведь Роберт изменял ей почти только с женщинами: партнёров-мужчин, кроме одного давнего любовника, Джека Флинна, у него практически не осталось. А женщины были, вот и в прошлом году... Но – молчание! На полиграф-тестах он отвечал, что жене не изменяет, так что и вспоминать об изменах себе запретил.

Кстати, и «святоша» Марта уж две-три супружеские измены точно имела в своём послужном списке и, наверное, столько же самцов до замужества. Но она всё-таки и провозглашала себя, и действительно была якорем их семьи: ведь они двоих детей вырастили и провели через колледж и уже имели двоих внуков.

(Иногда, правда, чудовищные подозрения настигали Роберта: а что если Марта далеко не так свята, и в то время, как он пропадает в командировках или якобы «на заданиях», она тоже разнуздывает свои скрытые страсти?)

...Но нет; Марта – якорь, Марта слишком проста (в хорошем смысле) для таких предательств.

...Почему вспомнил обо всём этом Роберт именно сейчас, в начале января? Да потому, что образовалась срочная командировка в Штаты, только для него, Марта оставалась в Москве. А следовательно, появлялся шанс скинуть напряжение путём, например, встречи со старинной Джеком Флинном, который, в отличие от него, Роберта, не постарел так катастрофически... Не обрюзг, не отпустил пузо и не зарос бородой: всё это Роберт точно знал, ибо Джеки недавно вывесил видео у себя на страничке в Фейсбуке, где он подтягивается на турнике, демонстрируя потрясающий впалый животик.

Командировка Роберта, правда, имела назначением Центр Джонсона в Хьюстоне, а Джеки проживал в Вашингтоне, но в Америке, как известно, пятьсот километров – не расстояние, так что они свяжутся с милым дружкой, а уж где встретиться, решит его величество случай.

Джеки тоже был женат, второй раз. Его первая, Мери, узнав о его голубизне, не смогла с ней примириться; вторая жена, Линда, знала о нём всё... Она играла в этом браке роль «мужчины» и ревниво оберегала свою «жёнущку-Джеки», но для старого дружка, быть может, тому удастся вырваться на денёк.

...С такими мыслями Боб Фиала входил в посадочный рукав самолёта в Шереметьеве. Москва ещё гуляла свои долгие январские праздники, но самолёты, слава богу, летали; а в Америке уже шла первая рабочая неделя.

Командировка, кстати, Роберту предстояла трудная, содержала две проблемы, каждая из которых могла оказаться нерешаемой.

Во-первых, следовало у себя, в ЦРУ, добиться того, чтобы Файнберга (которому уже присвоили кодовое имя KC/PROMETHEUS) признали «ценным агентом», а это непросто: есть и другие агенты, и у каждого свой куратор, заинтересованный в том, чтобы именно его работу с агентом признали важнейшей.

Наверное, это похоже на работу крупных издательств: у каждого автора есть свой редактор, который, естественно, хочет, чтобы именно его автора считали гением, выдвигали на премии и постоянно переиздавали. Но другие редакторы – увы – объявляют твоего автора полным дерьмом, а вот их, мол, подопечный мастер пера... Вот и Роберту уже в Москве дали понять, что агентов в России у ЦРУ много, причём везде: и в Минобороны, и в Администрации президента, и в МИДе, и в ФСБ, а уж в Академии наук их – не считано. А что Файнберг? Во-

первых, еврей, а ведь это (не говорилось вслух, но подразумевалось) ненадёжный народ: работает на тебя, но одновременно на себя самого или, не приведи Всевышний, на ту же самую ФСБ. Вроде бы делает так, что «всем хорошо», но этого-то и не должно быть: хорошо может быть только одной стороне, иначе тебя просто грубо обманывают.

На большинство вопросов длиннейшего списка Файнберг ответил отрицательно, а положительные ответы страдали расплывчатостью. Так что придётся поспорить и побороться за него, это и будет главным вызовом поездки.

Однако первым по графику было посещение Центра Джонсона в Хьюстоне, а эта головная боль могла даже пересилить ту, что ждала Роберта в ЦРУ. Центр Джонсона одобрил было грант для ИФИ, а потом «подвесил» его, Роберту предстояло подтолкнуть. В Центре Джонсона он уже договорился о встрече со «своими» людьми, ведь ЦРУ, слава богу, имеет своих и в частных корпорациях, и в благотворительных фондах, и в научных центрах. И Боб должен был в Хьюстоне представить дело так, будто КС/PROMETHEUS уже одобрен как «ценный агент», соответственно, есть прямой смысл поторопиться с перечислением гранта, ибо это усилит позиции Файнберга, а следовательно, его полезность для Соединённых Штатов. Естественно, у Роберта попросят подтверждения из ЦРУ, он скажет, что не захватил с собой нужные бумаги, и полетит за ними в Лэнгли, где, в свою очередь, сообщит, что Хьюстон практически одобрил грант и требуется только поднять Файнберга в списке агентов в категорию «ценных».

Обыкновенная «челночная дипломатия», в которой – вот тут же без обмана! – заинтересованы все стороны, однако провернуть такую вещь всегда нелегко. И только после второго приезда в Хьюстон, уже с подтверждающими бумагами, он сможет считать дело сделанным и расслабиться... О, если бы так! Ведь есть ещё графики и дедлайны подачи заявок на гранты, а Центр Джонсона тоже – и спонсор, но и получатель дотаций из поистине крупных фондов, таких как МакАртуров с бюджетом три миллиарда долларов; как фонды Рокфеллера, Карнеги, Темплтона... Есть дедлайны, но есть и «особо открываемые позиции» для своих, вне графиков; однако же для того чтобы попасть в такую позицию, порой требуется больше усилий, чем влиться в список, подготовленный к дедлайну, когда утверждают почти всех без разбора.

...Спрашивается: откуда же тогда чувство облегчения, которое испытал Роберт, садясь в самолёт в Шереметьеве? Неужели работа в Москве так тяжела, что предстоящие усилия в Хьюстоне и в Лэнгли кажутся отдыхом? Загадка.

– ...Простите, это место 17-С? – спросил Роберт у молодого человека, прожившего на это кресло свою куртку.

– Да, сэръ! Пожалуйста, если это ваше место...

– Спасибо. – Роберт сел и показал юноше билет. – Это действительно моё место. Меня зовут Роберт, – протянул ему руку для пожатия.

– Я Том, очень приятно.

– Я не храплю, – продолжал Роберт, – много не пью и не включаю громкую музыку. Так что вам будет удобно рядом со мной. – Он говорил во весь голос, давая понять окружающим, что Россия заканчивается и вступает в свои права английский язык.

Тут же слева сзади затараторила американка, как видно, обращающаяся к сидящей рядом с ней подружке:

– ...И знаешь, чем закончился вечер? Он говорит... – Тут американка понизила голос, и Роберт, как ни вслушивался, не смог разобрать. Ну что же, знаем мы и эти игры...

– Да ты что, серьёзно?! – воскликнула подруга.

– Да, именно так! И знаешь, что особенно характерно? То, что он... – И опять она понизила голос, так что Роберт не смог расслышать, что именно «характерно».

Вот чёртовы бабы! Весь полёт будут так дразнить окружающих?

По трансляции попросили пристегнуть ремни; женщины сзади, слава богу, замолчали... Самолёт разогнался и оторвался от земли; и от юноши справа почему-то почуялся некий запах... страха, что ли?

Роберт покосился: с самого начала ему показалось, что парень голубой! Тогда он удачно сел: познакомится.

Юноша вставил аудио-вкладыши в уши и слушал, наверное, современный какой-нибудь рэп... Хорошо промытые русые волосы, чисто выбрит; уже мужские угловатые движения и крупные кисти рук, но сам – хиленький, грудь узкая... Такого жать посылнее в объятиях, он станет податливым, послушным; тут его и трахать во всех позах... Парень, как видно, поймал его мысль: мгновенно взглянул на Роберта и спрятал глаза.

Точно, гей! Главное, понять: не подстава ли это того же ЦРУ...

Пареньку уже, конечно, за двадцать... Роберт вспомнил своё студенчество и то, какой унижительный страх вызывала мысль о детекторе лжи – о полиграф-тесте, который требовалось пройти при поступлении на госслужбу – в частных фирмах, слава богу, детектор лжи не был правилом ни тогда, ни теперь.

О ЦРУ Роберт мечтал с юности, и, кстати, именно страх провала на полиграфе хранил его от тех гомосексуальных искушений, которых хватало и в старшие школьные, и в студенческие годы. И всё-таки он поддался откровенному предложению одного пьяненького мужчины лет тридцати пяти, с которым познакомился в баре и который назвался инженером городского хозяйства, что ли. Подставил ему зад, хотя всю ту первую ночь возникал перед глазами (и гремел оглушительно) неизбежный вопрос будущего полиграф-теста: «Были ли у вас гомосексуальные отношения?»

Требовалось решительно ответить «нет», но как он теперь это сделает, ведь наверняка пульс участится – и провал!

...Однако тест он прошёл, и как, благодаря чему? Помогли девушки, женщины! После той ночи с пьяненьким инженеришкой Роберт голубых избегал, хотя почти год жил с ощущением уже загубленной карьеры. А потом познакомился – опять-таки, в баре – с молоденькой, хотя уже начавшей полнеть девицей. Возможно, она уже была матерью, хотя этого ему не открыла, а вот он вывалил ей откровенно, хотя и кратко, все свои беды, а она то ли не поверила ему, то ли просто пожалела его, но дала ему всё, что может дать женщина за одну ночь... И после этого «понеслось»... Вторая девушка, третья, четвёртая... Особенно хорошо ему удавалось укладывать в постель продавщиц, официанток, горничных... Из студенток была поначалу одна лишь Марта, и он не думал, что на ней женится. Правда, пришлось согласиться на помолвку, но уже после этого он имел связи на стороне, в том числе спал с одной за день до полиграф-теста. Какие же могли быть сомнения: на вопрос о гомосексуализме «нет», об успехе у женщин – «да».

...Ему повезло: проводивший тест офицер был довольно молод, может, делал это впервые, и первый же взгляд, который он бросил на Роберта, был смесью из желания напугать и признания того, что сам он ни черта в жизни не смыслит. Мо-

жет, дурачок этот лишь одну жену свою знал, а у Роберта в активе уже пять или шесть красоток, и это лишь начало.

– ...Вы когда-либо смотрели порнографический фильм гомосексуального содержания?

– Не помню, – искренне ответил Роберт. – Порнографию смотреть приходилось, может, там были какие-то сцены, я внимания не обратил...

– Гомосексуальный секс был у вас?

– Вот этого точно не было! – Роберт усиленно начал вспоминать прошлую ночь с Линдой, да и все те чудесные V-образные девичьи впадинки, которые познал за последние месяцы: научился раздвигать им ножи.

– ...Прибор регистрирует всплеск эмоций, почему?

– Я не знаю, сэр. Секс – эмоциональная вещь.

– То есть вы считаете, что у вас нормальная ориентация?

– Конечно, сэр.

– А почему опять неровная линия?

– Не могу сказать, сэр...

Ещё были какие-то «всплески» при вопросах о нарушениях закона, конкретно – о краже, об употреблении наркотиков... В конце офицер выдержал предписанную правилами паузу, потом озадаченным тоном спросил:

– В одном месте у вас очень необычная реакция... Она заставляет меня насторожиться. Вы сами можете объяснить это?

Роберт тоже выдержал паузу, затем:

– Я теряюсь в догадках, сэр.

– Хорошо, – холодно заключил экзаменатор. – Ждите результат.

Результат оказался положительный, и дорога на учёбу для работы в ЦРУ была открыта.

...Потом этих тестов он прошёл несчётно, и каждый раз приходилось понервничать. Ведь штука-то, как ни крути, сильная, и если суммировать вклад, который Америка внесла в достижения человечества, то, пожалуй, небоскрёб и полиграф-тест будут среди самых заметных.

Самолёт набрал высоту, и вскоре слева и сзади от Роберта, через проход, возобновился разговор двух американок:

– ...Ну хорошо, но самое интересное – это то, что было на следующий день! Он мне звонит и говорит... – и тут понизила голос, так что ничего не разобрать стало.

– Да ты что?! – воскликнула вторая американка.

– Да, представь себе! И ещё вот что... – и опять чуть ниже уровня слышимости.

Роберт оглянулся: делов-то! Две с подпухшими, прохваченными морщинками лицами дамочки лет, пожалуй, за сорок; та, что ближе к Роберту и покрупнее, блондинка или крашенная в светлое, рассказчица; вторая, скорее испанского облика, брюнетка – слушательница и восклицательница.

Беседа двух мадам всё тянулась, рассказ первой казался бесконечным... Ну что же, на это и у Роберта были наушники, а в смартфоне – всё, чем можно себя оглушить. Он тронул за локоть паренька Тома справа от себя, и тот с готовностью вынул наушник из левого уха.

– Завидую тебе! Ты слушаешь своё и не воспринимаешь то, что несут вон те дамочки слева и сзади от меня...

Парень, улыбнувшись, осторожно оглянулся.

– Такой дребедени я в жизни не слышал! – продолжал Роберт.

- Женщины... – полувопросительно произнёс Том.
- Ты не женат, наверное?
- Нет, что вы.

– Ну ещё слушаешься этого... Мне придётся тоже заткнуть уши! – Роберт разматывал проводки своих наушников и опять думал, не подстава ли «конторы» этот парень? Порасспрашивал его: оказалось: студент... Нет, не подстава: слишком робкий. У подставных всё-таки ощущаешь подкладку угрозы: они сами, если на то пошло, предупреждают того, кто имеет разум.

...Однако и флиртовать с ним в самолёте было бы неразумно: те же дамочки сзади первые заметят и обсмеют... И Роберт вставил наушники в уши и погрузился в себя, а потом ещё и в бумаги. Они с парнем, кажется, поняли друг друга, так что слова уже были не нужны.

Весь перелёт через Атлантику он с Томом не разговаривал. Лишь перед приземлением дал ему свою визитку профессора Колумбийского университета, договорились созвониться в течение одной-двух недель.

И вот она, земля Соединённых Штатов! Не родной дом в штате Пенсильвания и не сегодняшнее жильё в штате Нью-Йорк, а всё равно – родная до слёз страна.

Вместо непонятого Цельсия – удобный Фаренгейт: плюс 47–57°, что нормально в солнечный январский полдень в Техасе; ночью, конечно, подмораживает до плюс 10–20°.

Кое-где лежит снег, красиво оттеняющий зелень газонов и жёлто-розовую кирпичную церковную стену: современный храм с геометрическим крестом на фасаде и с типовой, похожей на крылья громадной бабочки крышей: почти одинаково у всех конфессий.

Заселился он скромненько: в пятиэтажную «Холидей инн», а церковь заметил из окна гостиницы, в конце отрезка магистрали возле светофора. Храм стоял, как и положено, в парке с подстриженными газонами, с кипарисами и безлистыми сейчас деревьями вдоль аллеи. Дошёл до храма пешком, он оказался католическим, и Роберт пожалел, что не посмотрел в интернете ближайший лютеранский храм. Тем не менее он помолился в пустом и гулком церковном зале за успех принятого.

Далее в Хьюстоне произошло всё именно так, как он предвидел. Слава богу, он уже давно был опытным игроком и сам мог трезво оценивать то, что собирался сделать с помощью новоявленного агента, которому ещё осенью присвоили сразу два кодовых имени: КС/PROMETHEUS и КС/METEOR (запасное), в зависимости от того, о какой работе его шла речь – в «курчатнике» или в «Роскосмосе». (Кстати, у русских, кажется, отсутствовало это простое, но весьма полезное правило: одного и того же агента называть разными именами. А в ЦРУ агент мог иметь и до пяти имён, у самого Роберта их было два: одно на квартире и вообще в Москве, а второе – в комплексе зданий посольства. Простенько, а сердито: даже если русские их постоянно слушают или читают, поймут ли они, об одном человеке или о разных идёт речь?)

Роберт вообще-то предлагал сногшибательное, невероятное: не какую-то, непонятно для чего нужную, информацию, но ключевую диверсионную операцию, причём низкобюджетную (для ЦРУ). Бюджетные вливания шли по научной линии, причём сами по себе: они, в сущности, были одобрены (или полудообре-ны) ещё до того, как Исаак Файнберг стал агентом КС/ METEOR. Теперь только

требовалось их не остановить, выдать русским уже обещанную сумму, а взамен будет нанесён, так сказать, «укол в сердце» их космической программы.

Всё это Роберт понимал и чувствовал сам, однако настоящий вкус дела получаешь из сложения впечатлений с другими людьми, и первый, кто показал Роберту – как бы со стороны – размер задуманного им, был глава отделения ЦРУ в Хьюстоне Гэри 'т Хоффер ('t Hoffer), голландское имя которого все произносили на американский манер: Тоффер.

Отделение ЦРУ Хьюстона находилось в скромном четырёхэтажном здании, и Тоффер тоже был совсем небольшим и округленьким, похожим на уютного кота. Кстати, своей малорослостью и ещё чем-то он напоминал и Марти Тиса, только держался скромнее.

Но вот он-то первый решительно одобрил план Роберта, причём не скупился на некие недоговорённости и междометия:

- Это же просто...
- Нет, ну просто...
- Ого! Это вообще...
- Нет, ты, Роберт... Ну ты и...
- Да ведь это же...

Тоффер ничего не выразил законченными высказываниями, но вдруг Роберт услышал оглушительный рёв и увидел некое существо... Похожее не то на свирепую гориллу, не то на гигантского хищного ящера с маленькими передними лапками, но разинувшего зубастую пасть... Это был пошедший в наступление, отважившийся на невиданную жестокость великан! Роберт в жизни такое считанные разы замечал, причём, кажется, не в применении к Америке... Читал однажды американскую прессу, датируемую числами сразу после 22 июня 1941 года: Гитлер разинул пасть; Германия пошла ва-банк; Советский Союз, Россия объявлены уничтоженными и несуществующими – что и является необходимейшим психологическим деянием в начале нападения на кого-то. Ты должен представить противника стёртым с лица земли, а самого себя... Может, «терминатором», может, каким-то вот таким хищным зубастым динозавром...

– ...Эту программу, возможно, придётся визировать на самом верху... – Гэри Тоффер наконец высказался членораздельно.

- У директора ЦРУ? – уточнил Роберт.
- Бери выше: у президента США.
- Я готов... – растерянно пробормотал Роберт.

– И я готов! Все мы готовы подставить тебе плечо... Но давай не будем забегать вперёд: что мы должны сделать здесь, в Хьюстоне?

Роберт объяснил всё насчёт грантов и дедлайнов, и Тоффер ощерился:

– Мы должны это пробить... И продадим! Сотни миллионов долларов грантов идут в системе образования чёрт знает на что: на какие-то «интеграционные мультикультурные схемы» (даже не программы, а «схемы!»). Или на проекты «экологических городов» под океаном Земли и на планете Марс... А здесь, на то, чтобы вывести из игры... пардон! – помочь «Роскосмосу», требуется каких-то сорок-пятьдесят миллионов?

– Пятнадцать максимум, – поправил Роберт.

– Тем более! Я сам вместе с тобой завтра же иду на приём к президенту Центра Джонсона, и пусть попробует отказать...

Так был сделан первый не шаг – шажище.

Тоффер действительно при Роберте позвонил президенту Центра Джонсона Джону Абби и договорился о встрече на завтра же. На ней опять возник ревуший

самец гориллы или ящер-тираннозавр, хотя в слегка приглушённом варианте... Но руководитель космического центра их понял, всё что надо почувствовал. Собственно, получалось даже, что Роберту не нужно лететь в Вашингтон, в Лэнгли: всё могло решиться здесь же, в Хьюстоне... Гэри Тоффер попросил Роберта покинуть кабинет: у него были ещё и другие дела с Джоном Абби.

Договорились встретиться минут через тридцать-сорок в музее космонавтики Центра; тогда же они решат, что делать дальше. Тоффера не было час, но Роберт мог бы провести в космическом музее и больше: настолько он заинтересовался всем, что здесь видел.

Крупные – более крупные, чем российские, – американские белые модули космических станций (то ли бракованные, то ли запасные, но в натуральную величину); работающие (или неотличимые от таковых) пульта управления – наземные или находящиеся внутри космических аппаратов; на плазменных экранах трансляция в живом времени из Центра управления полётами.

Освещённое или затенённое белое на фоне черноты космоса: таков был общий колорит того, что видел здесь Роберт.

...Но мысль, которая не переставала его мучить, была: должен ли он всё-таки лететь отсюда в Лэнгли, или не надо делать лишних шагов там, где не требуется? Гэри Тоффер всё взял на себя; наверное, следует ему довериться?

...И всё-таки что-то в этих неуклюжих сочленениях скафандров, в идеальной белизне их мелких складочек подталкивало Роберта к тому, что он не должен сбавлять напора. Он полетит в Вашингтон, в Лэнгли, даже если это и не нужно и, возможно, покажется Тофферу вредным! Но мозг всего этого проекта – он, Роберт Фиала (и, конечно, Исаак Файнберг – агент КС/PROMETHEUS), а отнюдь не Тоффер. Роберт просто не имеет права отдавать это в чужие руки: судьба Америки зависит от этого.

Он стоял на балконе, с которого туристы могли обозревать находящиеся внизу космические корабли и модули. Справа гомонила какая-то группа из Азии, а он вдруг заметил, что изо всех сил, до побеления костяшек пальцев, вцепился в белое ограждение балкона.

Да, проект диверсии, предложенный Файнбергом, он, Роберт Фиала, обязан довести до конца; он обязан – хотя бы для вида – слетать отсюда в Лэнгли и потом ещё раз вернуться в Хьюстон.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

...Когда именно Роберт встретился с Джеки Флинном в этот приезд в Вашингтон?

А её не было, этой встречи: она не значилась ни в одном из отчётов и самоотчётов, которые он вёл, ни в одном графике встреч, столь плотных в Вашингтоне, что бывает порой некогда их самым кратким образом записать, и потом ищешь чьё-то имя и телефонный номер и не находишь... Да мы ведь теперь многое и не на бумагу заносим, а прямо в электронные файлы: там уж тем более не найдёшь.

Главное, психологически она никуда не могла вписаться, эта вечеринка, отмеченная в памяти не просто сладостно приподнявшимся или откровенно вставшим твоим естеством, но задравшимся с выворотом, с каким-то таким задирием головки, что она, кажется, «смотрит» уже в обратную сторону, хотя, конечно – метафизически – всё в ту же дырку.

– ...Джеки, время не изменилось, мы пересечёмся в пять?

– Да, сэр, я вас жду в это назначенное вами время...

...Даже вот этой фразочкой, подлец, дополнительно его завёл, сумел-таки напомнить, что назначил всё не он, а ты, что ты – хозяин, а он – твоя удобная подстилка!

Словесными ласками, кстати, Джеки Флинн не увлекался, иногда и молчания хватало, чтобы напомнить всё о том же... У них, похоже, удачно дополнялся психотип: один был во всём не такой, как другой, отсюда и это – взаимное, похоже! – удовольствие от тайных свиданий.

...Накинув капюшон на случай возможной видеосъёмки, он быстро пересёк газон перед домом Джеки и Линды и нажал клавишу мелодичного звонка. Сквозь стёкла двери видна была гостиная с ещё не убранной рождественской ёлкой – стоп! ёлки не было! – это было бы слишком прямым указанием на время встречи... – увидел сквозь дверь гостиную с камином, необожжёнными свечами и с каким-то узором не то искусственных, не то живых, но похожих на искусственные цветов.

А вот и фигура в сером, чуть вроде бы полинялом свитере, осунувшееся лицо Джеки с этими болезненными тенями под глазами. Словно человек хронически лишён сна: ну да, ведь якобы «жена», а на деле муж Линда нагло пользуется его, что называется, «во все дырки», а тут ещё и ты, грубый бородач.

– Входи, дорогой...

– Хелло, хелло...

Ты шагаешь внутрь и пока ещё удерживаешься, не обнимаешь его сразу – хотя нельзя и этим чёртовым приличиям слишком следовать: подчинись им – и они затянут. Нужно бы сразу: обнять, поцеловать взадос.

Но Боб Фиала сразу ни на что из этого не решился, он вопросительно искал взгляда Джеки, который мастерски уводил глаза, впрыскивая в Роберта яд неуверенности и осторожности... Он всё-таки был главным в отношениях, этот Джеки, он был явно твёрже и Роберта, и всех, с кем имел дело, именно поэтому столь сладостным казалось завалить его на спину и заставить поднять ножки.

– Линда дома? – спросил Роберт.

– Её не будет: навещает родных в связи со смертью... Ну там, в её семье, тебе в это вникать не обязательно.

– Да уж, мне есть над чем ломать голову кроме родичей, своих или чужих... Я вообще в моей собственной семье-то стал изгоем. – Роберт сел в кресло и хлопывал ладонями по подлокотникам, оглядывал гостиную. Мало что изменилось с прошлого раза. – Столько дел на работе, я принципиально не веду учёта, у кого родился внук и кто умер... Ну, кроме самых, конечно, близких.

– Что будешь пить?

– Ничего алкогольного, с твоего разрешения. Сок или чай.

Последовало обиженное, как показалось, или недовольное молчание Джеки... Видно, тот хотел выпить? Перебьётся.

Партнёр забренчал льдом в стаканах и захлопнул дверцу холодильника, вернулся из-за обозначающей вход в кухню загородки в гостиную.

– Сок... Апельсиновый устроит тебя?

– Да, конечно.

– Я смотрю, с делами совсем худо, раз ты даже виски позволить себе не можешь... Но и к лучшему!

Джеки с двумя одинаковыми бокалами апельсинового сока подошёл к Роберту, один отдал гостю, и они чокнулись... Послание было ясным: раз ты пьёшь сок, и я буду, кто я такой – слуга, – чтобы настаивать на собственном меню?

Роберт отпил... и поставил стакан. Вот теперь настало время шагнуть к нему и схватить: тот застонал еле слышно, запрокидывая голову и принимая первый поцелуй.

Роберт, не медля, расстегнул zipper и освободил стоячий член – просто показывая любовнику, как сильно хочет его.

...Остальное – молчание?

...Как не было всей этой встречи, так не было и отдельных её эпизодов?

...Пожалуй, да: память спрятала всё куда-то и рассовала по кармашкам. Действительность порой не совсем оправдывает ожидания: их соитие оказалось не таким уж и сладостным?

...Зато осталось в памяти то, как они потом час, а может, два выпивали всё-таки виски и духовно не расцеплялись, Роберт всё время совершал нечто слегка наглое (а может, не слегка), а тот неизменно с некоторым содроганием принимал это.

Подумалось: я совсем ничего эротического не делаю, мы говорим просто о жизни – двое мужчин; но я говорю так, что не позволяю ему освободиться от моей хватки. Я навязываю ему повороты разговора, перебиваю его или, наоборот, вытягиваю из него слова там, где он хочет промолчать; в общем, я делаю не так, как он хочет.

...Правда, с опьянением от виски пришла и безболезненная самокритика: чего это я так уж на него... Хамить надо крупным людям и крупным организациям (что он уже и сделал и в Хьюстоне, и в Вашингтоне... Но стоп! Без локаций и имён). А этому голубенькому можно и нужно польстить, восхититься им.

– Ты настоящий друг, Джеки.

– Спасибо, друг.

– Мы с тобой двое мужчин... – Выдержал ироническую по отношению к нему паузу. – Ты на самом деле больше мужчина, чем я... Да-да! И ты сам это знаешь...

– Нет, дорогой! – возразил Джеки. – Мужчина – это тот, кто совершает простое мужское дело, а такие, как я... Может быть, мы контролируем ситуацию – этого у нас не отнять... Но что толку: ситуацию определяет не тот, кто её контролирует, а тот, кто разрушает её.

– Вот! – одобрил Роберт. – Я ценю тебя за это. Я бы тоже мог вести дипломатические разговоры. Я, видишь, алкоголя не хотел, был весь в напряге, каждая минута расписана, главное – держаться вровень с Вашингтоном, с Капитолием, с президентской администрацией...

– О, ты не уступаешь им, – заметил Джеки.

– Не надо льстить! Может, это и так, но...

...И вот их последнее – грязное, как сама задница, – чавкающее соитие.

В этом последнем за их встречу – с запахом дерьмеца – сближении была их общая с Джеки молодость, был рок-н-ролл, неожиданно сменившийся музыкой диско, были подстриженные газоны и коктейли, и летняя жара, и пот, от которого ты взмок, несмотря на то что одет лишь в шорты и майку; были машины и магистралы, и небоскрёбы; а главное, в этом была неповторимость самой Америки, державы, не скрывающей своих однополых вкусов и именно потому великой.

Разве не такими же были Греция и Рим?..

Продолжение следует.

Поэзия

Залман ШМЕЙЛИН

Возраст – испытание на прочность

ТРИ ВОЗРАСТА

1

Пока и хочется и можно –
Три четверти еще не срок.
Пока не стала жизнь острожной,
Достойной самых горьких строк.

Пока в окно не постучала
Карга костлявою рукой,
Твой каждый юбилей – начало,
Рубеж в траншее огневой.

Высоты будут только круче
До заключительной черты.
И каждый раз как будто случай
Твоей заглавной высоты.

И каждый раз, чтоб на пределе
Свой личный фронт преодолеть,
Доверься не уму, а вере,
В которой музыка и медь.

Где время – распростертый невод
В смятенье чувств, в добре и зле.
Где взор, сканирующий небо,
Жилось чтоб дольше на земле.

2

Возраст – не Дом отдыха бессрочный.
Возраст – испытание на прочность:

На разрыв, на растяжение, на сытость,
На грехи, чтоб было шито-крыто,

На коллегиальность дня и ночи.
Возраст – титул в царстве одиночеств.

Возраст не о том, что плохо слышишь
Верный знак, когда никто не пишет –

Держат на примете как умеют,
Вспоминают к датам, к юбилеям:

Антиквариат под слоем пыли
В дальний угол сдвинули, забыли.

Где теперь твой спутник,
твой ровестник,
Знаешь сам – пропели свои песни.

С ними, как за тайною вечерей,
Все делились – хлебом и постелью,

Шли колонной, залихватским строем,
А венец – наедине с собою.
Тет-а-тет без почестей и званий
И шикарный стол воспоминаний.

3
Моей сестре – девяносто пять.
Такое дело – не пустяк.
Как ни крути, ни дать ни взять –
Не круглых сто, но как-то так

За крохой кроха набежало –
День за деньком, день за деньком
Копилось не спеша, помалу
(Ах! Посчитаем их потом...)

Таких тугих, оперативных
Осьмушных долей, четвертей.
И всем понятно – не наивны, –
Что в каждой – тысяча чертей.

А там, в началах – мирный дворик,
Двина укутана в туман,

Лопух с крапивой у забора...
Деталек пару – и в роман.

А в небе, в акварельной сини,
Где Марк Шагал просыпал соль,
Летают парочки... Холстиной
Расписан мир, что треснул вдоль,

Распался до сырых молекул,
Теплушек, бомб, свистящих пуль.
И на холстине серый пепел
Запачкал чистую лазурь.

И все, что было, лишь в альбомах
Пожухлых можно отыскать.
Нет ни заборчика, ни дома,
Двина не развернулась вспять.

Река времен неутомимо,
Теряя все, что на слуху,
Как от чумы, несется мимо,
Стирая память на труху.

Надел кепарь, взял палку
и собаку позвал.
И пристегнул за поводок.
Не думать про войну
Не выйдет – дулю с маком поймал
В попытке отмахнуться, обминуть...

Какая тишина, как будто грянул мор.
Подъем в шесть тридцать,
ни минутой позже.

Не дай мне Бог
упасть лицом в минор –
Восходит день, еще один, тревожный.
Буквально рядом с роковой чертой
Я знаю каждый штрих, каким он будет,
До самой до последней запятой.
Велик соблазн изъять его из буден.
Дойти до точки – вырвать

тайный смысл,
Влезть в тесноту вещей, судеб, событий.
Чтоб лик его с урчаньем громким смыл
Вал жизни подлинной,
от пятен не отмытой.

Сосредоточиться хотя бы на момент.
Взглянуть со стороны
на клочья бурой пены.
Бежать! Куда? Зачем?
Взаправду ль перемен
Хочу я на краю своей вселенной?
Не слушать доводы – в них только
белый шум.

Спичрайтер изощрен
в лукавстве оголтелом.

Тысячу раз слова «Не верю!» напишу,
Чтоб сердце безоглядно осмелело.
Пошарить по сетям, уведомить,
кто друг,
А кто таким навеки быть не сможет.
Все тоньше ближний

теплокровный круг,
И лишь об этом червь сомненья гложет.
Выискивает щели и пути,
Прокладывает трассы намереньям,
Чтоб под сурдинку как-то совместить
В них планку низости
и высоту паренья.

Герои остаются на войне,
Война за Троию длится вечно.
Ахилл и Гектор не стареют, нет,
Легли века на их крутые плечи.

Герои остаются на войне
С котомками надежд, судеб, событий.
Пропавшие миры, которых больше нет,
Сошли с лица земли, сошли на нет, убиты.

Герои остаются на войне.
Их будут вспоминать, склонять знамена
По поводу, сочувственно вполне.
А большего не нужно убиенным.

Герои остаются на войне
Сюжетами для актов вечной драмы.
Незыблемо, как «истина в вине», –
На мертвых не навесишь срама!

Герои остаются на войне,
Миг славы в гневе разменяв на вечность.
Бумажный борт качает на волне,
А в храме девы зажигают свечи.

*Редакция журнала «Новая Немига литературная»
сердечно поздравляет своего давнего автора Залмана Шмейлина
с 85-летием. Желаем доброго здоровья, неиссякаемого
вдохновения и всяческого благополучия.*

ПрозА

Николай КОЗЛОВ

СИЗЫЕ ГОЛУБИ

Рассказ

После ужина мы играли в «города». Тимур начал с Москвы.

– Астрахань, – продолжил Денис.

– Норильск, – сказал я.

– Хойники, – после паузы выдал Вова.

– Череп, почему Хойники? Надо город на букву «К», – возмутился Тимур.

После предыдущих облучений у Вовы выпали все волосы, и когда он появился в нашей палате, Тимур дал ему прозвище «Череп». Помню, мы тогда долго хохотали.

– Череп, – не унимался Тимур, – почему «Хойники»?

– Я там родился, – ответил Вова.

– Мы играем в «города» или в кино «Джентльмены удачи?» – разозлился Тимур.

– В «города», – согласился Вова.

В его глазах стояли слезы.

– Тогда называй на «К», – потребовал Тимур.

– Хойники, – снова сказал Вова.

Я видел, как одна слезинка скатилась по его правой щеке.

– Достал своими Хойниками, – возмутился Тимур, – что в этой дыре особенного?

– Я там родился, – глядя в окно, ответил Вова. – Там живут мои мама и папа, а еще кот Данила. Он шерстистый и теплый. Когда Данила был маленьким, я пустил ему по комнате солнечные зайчики, а он за ними гонялся...

– Череп, что ты плетешь? – Тимур старше нас на два года, поэтому считает, что он главный. – Говоришь город на «К» или выбываешь из игры.

Не знаю почему, но мне и Денису расхотелось играть в «города».

– Придурки! – обозвал нас Тимур, накрылся с головой одеялом и затих.

Мы знали, что он не спит, но перешли на шепот.

– У меня тоже был кот, его звали Васька, – сказал Денис. – Он попал под машину, и мы с мамой похоронили его в саду под яблоней. Вовка, а какого цвета твой Данила?

– Он весь черный, только грудка белая, ответил Вова, – и продолжил: – когда я заболел и стал грустным, Данила оказался моим лучшим другом. Папа решил, что я притворяюсь, чтобы не ходить в школу, и отнес Данилу к ветеринару. Там его кастрировали, но он быстро поправился, а я – нет.

– Что значит «кастрировали»? – спросил Денис.

– Яички коту отрезали, – высунув голову из-под одеяла, заржал Тимур.

– А зачем? – не понял Денис.

– Чтобы к кошкам не бегал, – объяснил Тимур.

– Не ври, – не выдержал я.

– Зуб даю, – взвился Тимур. – Если вам яички отрезать, то вы на девчонок даже смотреть не будете.

– Меня тошнит, – выдохнул Череп, зажимая ладонью рот, вылез из-под одеяла и зашаркал в сторону туалета.

– Плохо ему, – констатировал Денис и спросил: – Может врача позвать?

– Пока не надо. Может отпустит. Меня после химиотерапии тоже тошнит, – успокоил Тимур.

Пока Вовы не было, я потрогал свои яички и решил, что мальчиком быть гораздо лучше, чем котом.

– А я море никогда не видел, – ни к селу ни к городу сказал Денис и спросил: – А вы?

– Я не видел, – скрипнул кроватью Тимур.

– А я видел.

– Расскажи, какое оно, – попросил Денис.

Я задумался и ответил:

– Море – большое и соленое.

– Большое, как небо?

– Нет, небо больше...

– Ага, вода – мокрая, воздух – прозрачный... – перебил меня Тимур. – Никакое море ты не видел, Чижик. Все ты врешь.

Моя фамилия – Чижевский, поэтому Тимур обзывает меня «Чижиком». Я на него не злюсь. Но иногда обижаюсь.

– Зачем мне врать? Моя бабушка живет в Одессе. Три года назад мы с мамой ездили к ней в гости на поезде. Там, в Одессе – Черное море...

– Ой, ой, ой! – заржал Тимур, – с какой мамой ты ездил на море?

– Со своей, – ответил я.

– А почему она к тебе не приезжает?

Тимур злой и подлый. Я рассказал ему по секрету, что мама нас бросила, когда я заболел, а он делает вид, что не знает, и задает провокационные вопросы.

– Не твое дело, дурак, – обиделся я, – лежи и помалкивай. Ты море никогда не увидишь.

– Сейчас встану и надаю по клюву, Чижик. Понял? – предупредил Тимур.

– Тимур, кончай собачиться, надоел, – заступился за меня Денис.

Из туалета вышел Вова. Он закрыл дверь, щелкнул выключателем и медленно зашаркал по линолеуму к своей кровати. Бледный и безразличный Вова взял полотенце со спинки койки, вытер пот с головы и лица и медленно лег.

– Вовка, тебе плохо? – спросил Денис.

– Я домой хочу, – ответил Вова и заплакал.

– Не плачь, Вова, – успокаивал Денис, – завтра твои мама и папа приедут...

– Ага, Череп, и кастрата Данилу привезут. Вот смеху будет, – заржал Тимур.

– Сам ты кастрат! – твердо ответил Вова и выключил свет над своей кроватью.

Пошел дождь. Капли падали на оконное стекло и, гонимые ветром, скатывались вниз в свете больничного фонаря. Когда мы с мамой ехали в Одессу, тоже шел дождь. Я лежал на верхней полке и смотрел в окно. Поезд стучал колесами, и от волнения, что я скоро увижу море, мне не хотелось разговаривать. Поэтому когда мама что-то спрашивала, я закрывал глаза и притворялся спящим.

Бабуля Ксения жила в районе Пересыпи в частном доме за голубыми металлическими воротами. Я хорошо помню ее белые волосы, теплые морщинистые руки и золотую серьгу в виде полумесяца в левом ухе, а лицо и глаза не помню. Странно.

В саду у бабушки росли виноград, груша, абрикос и персиковое дерево. Указав пальочкой, на которую опиралась, бабушка сказала:

– Внучек, сорви этот персик, он уже созрел.

Я бережно сорвал плод и, ощутив его ворсистую нежность, протянул маме.

– Спасибо, сыночек, – улыбнулась мама, принимая персик.

Вечернее солнце запуталось в ее волнистых волосах. Мама надкусила персик и, наклоняясь вперед, чтобы не испачкаться соком, сказала:

– Боже, как вкусно!

На запах сока слетелись осы – полосатые и навязчивые. Мама громко смеялась, отгоняя их. Она была красивая и счастливая.

На следующий день после завтрака бабушка повела нас на море. Через дырку в заборе сахарного завода мы прошли на дикий пляж, о котором знали только местные.

Черное море не было черным. С небольшого дощатого настила двое мальчиков ловили морских бычков. Пожилая пара загорала, лежа на полотенцах, а на горячем песке валялись десятки маленьких и больших мертвых медуз.

– Это не к добру, – сказала бабушка, глядя на них, – скоро произойдет что-то ужасное...

Бабушка оказалась права – на следующий год, в апреле, случился Чернобыль. Я заболел через два месяца, а еще через два – мама нас бросила и уехала с заводским бухгалтером в другой город.

– Сынок, ты не виноват, – успокаивал меня папа, но я ему не верил...

Прогремел гром. Тимур пукнул ему в ответ и захихикал.

– Придурок! – обозвал его Денис. Вова промолчал. Я тоже промолчал, чтобы не смешивать Черное море с Тимуром.

Потом мы уснули, и мне приснилась мама, выходящая из воды. На вытянутой руке она несла надкушенный персик, а вокруг него летали полосатые медузы.

Под утро Вову снова тошнило, и Тимур водил его в туалет. Я проснулся и лежал с открытыми глазами. Сверкнула молния, зарычал гром, дождь усилился. Тимур привел Вову и, бережно уложив его на кровать, накрыл одеялом.

– Я хочу домой... – прошептал Вова.

Заметив, что я не сплю, Тимур подошел и сел на краешек моей кровати. Он немного помолчал, а потом спросил:

– Чижик, а ты веришь, что есть мирный атом?

– Не знаю, может и есть, но я его не видел.

Тимур помолчал, а потом шепотом снова спросил:

– Чижик, а что лучше – рак щитовидки, как у нас, или рак крови, как у Черепя?

– Не знаю. По-моему, и то и другое плохо.

- Я тоже так думаю, – согласился Тимур.
- Скажи, а правда, что корабли на море большие, как города, и белые?
- Нет, города больше, а корабли белые и большие, как многоэтажки.
- А ты плавал на корабле?
- На корабле не плавал, – ответил я, – но плавал на прогулочном катере с одного пляжа на другой.
- А дельфинов видел?
- Видел, – соврал я, чтобы не разочаровывать Тимура.
- А они красивые?
- Красивые. Может, за врачом сходить?
- Вова тяжело дышал. Тимур прислушался:
- Не надо. Он спит. А давай, когда вырастем, съездим к твоей бабушке в Одессу.
- Давай, она будет рада.
- Помолчали, слушая дождь.
- Чижик, а у тебя девочка есть?
- Наверное, есть, – предположил я. – Она учится в параллельном классе и живет в соседнем подъезде. Мы с ней ходим в школу и со школы вместе. Я ношу ее портфель. Она за меня волнуется и через папу передает приветы.
- А ты с ней целовался?
- Конечно, много раз, – снова соврал я. – Тимур, а у тебя девочка есть?
- Мне очень нравится отличница из нашего класса.
- А как ее зовут?
- Лолита, – потупился Тимур.
- Красивое имя. Ты с ней встречаешься?
- Нет. Я даже стесняюсь ей сказать, что она мне нравится.
- А ты напиши ей записку, – предложил я.
- У меня с русским плохо: пишу с ошибками, – признался Тимур.
- Все равно напиши, а ошибки – это не главное.
- Ты думаешь?
- Конечно.
- Чижик, ты хороший!
- Ты, Тимур, тоже хороший, только дурак!
- Сам дурак. Давай спать.
- Давай, – согласился я.
- Тимур на ощупь пошел к своей кровати, улегся, повернулся и затих.
- Утром я проснулся и увидел за оконным стеклом сизого голубя. Он ходил, постукивая коготками по жестяному отливу, и заглядывал в нашу палату, потом взмахнул крыльями и взлетел в небо.
- Ночью умер Вова. Санитары переложили его на каталку, накрыли белой простыней и увезли в морг.
- Денис отказался от утренних таблеток и полдня пролежал накрытый с головой. Тимур весь день писал записку отличнице Лолите. А я думал, что когда меня вылечат, к нам вернется мама и папа снова начнет улыбаться. Я куплю маме самый большой в мире персик, а она подарит мне черного котенка с белой грудкой, и я назову его – Череп...

Поэты Кузбасса

Наталья МУРЗИНА

Любовь на русском языке

ТЫЛОВАЯ

Время трудное, доля брeнная, хмарь тревог, холодок тоски.
Я солдатские, я военные, я из пряжи вяжу носки.
Я в тылу сижу. Я носки вяжу, чтоб на фронт их отправить. Там
Ночь кровавая, пекло адово, горе с яростью пополам.

Шерстяную нитку плету-плету и молитву творю-творю.
С русским парнем сквозь расстояния тихо по сердцу говорю.
Пусть любовь моя сохранит тебя, когда ринешься напролом.
И незримый друг в самый лютый час пусть прикроет своим крылом!

За твоей спиной мать с отцом стоят и любимый твой младший брат.
Место отчее, небо синее. За тобою твой Дом, солдат!
Я в тылу молюсь, чтобы ты прошёл невредим сквозь огонь и дым.
Я носки вяжу, я молюсь, родной. Невредимым вернись, живым!

Время трудное, доля брeнная, хмарь тревог, холодок тоски.
Я солдатские, я военные, я из пряжи вяжу носки.
Я хочу, солдат, чтобы ты скорей бездны адовы превозмог.
Слышишь, Родина, мы ведь сильные. Мы ведь русские. С нами Бог!

Сегодня снег как очумелый
Из поднебесной вышины
на город сыплет – белый-белый,
и кажется, что нет войны.
В тот час, когда над каждым домом
Сгустилась мировая мгла,
Как пропасть линия разлома
по нашим душам пролегла...

Бездонный мрак на белом свете,
Смертельный выбор: быть – не быть.
Но и в войну рождаются дети,
и верится, что будем жить.
И верится, что из стихии
Мужья вернутся и сыны.
Снег сыплет над моей Россией,
и кажется, что нет войны.

О, чистый лист и неизвестность! Свою волшебность не тая,
Слова сквозь сумрак, боль и нежность родятся из небытия.

Слова теснятся, осыпаясь на белый лист живой пылью,
Снежком из форточки бросаясь в разгорячённое лицо.

В них всё проступит: вспышка счастья, утраты горестная стынь.
И хмель любовного участия. И смех. И прошлого полынь.

О, чистый лист и неизвестность! Навеки определено
Нам так беречь свою словесность, как в голод берегут зерно.

Мы собирали книги для Донецка,
Лаская каждую, прекрасную, в руке,
Чтоб в бедное обугленное детство
Послать любовь на русском языке.

Чтоб свет и силу передать в наследство
Туда, где горбятся от горя и нужды.
Мы книги собирали для Донецка.
Цветные, милые, летите, вы нужны!

Знал солдат войну не понаслышке,
Крепко знал. Теперь всё позади –
Ближний бой, неистовая вспышка
И отверстье жгучее в груди.
В госпитале. Так и не очнулся.
Врач – не чудотворец, явь – не сон.
Лишь едва заметно улыбнулся
И ушёл в небесный батальон.
И, наверно, сам себе неведом,
Цел и неизбывных полон сил,
Встал он в батальоне рядом с дедом,
Что фашиста бил, но не добил.
Сколько их... Навеки молодые...
С фотографий в форме строевой
Молча смотрят наши неземные,

Нас, земных, прикрывшие собой.
Он стоит – бессменный и суровый,
Он собрал героев всех времён,
Крепь державы оплативший кровью
Доблестный небесный батальон.
Вновь разлом. Оплакиваем павших,
Поминая их по всей стране,
Жизнь свою безвременно отдавших
на братоубийственной войне.

Все, кто тянет будни боевые
Под прицельным вражеским огнём,
Возвращайтесь целые, живые,
С радостью Победы!
Мы вас ждём!

Мы живём, и сквозь пальцы течёт драгоценный песок.
Словно всё ещё будет и тысяча лет впереди,
Словно не убывает назначенный Господом срок.
Только он убывает. И заново – не обрести.
Мы усиленным штурмом берём не свои города.
Безрассудно влюбляемся, не успевая любить.
Будто наше цветное кино не пройдёт никогда.
Только лента кончается. Заново – не повторить.
Мы, расходуя щедрое время, глазеем в окно.
Слово «счастье» сложить из осколков дневного стекла
Горячо, неразборчиво, страстно пытаемся. Но...
Жизнь такой скоростной и такой безвозвратной... была...

МЫ ПЕЧАТАЛИ ФОТОГРАФИИ

В полутьму затворённой комнаты луч-лазутчик не проскользнёт.
Здесь таинственностью подёрнуты очертанья вещей. И ждёт
нас какой-то фонарь диковинный с тёмно-красным слепым стеклом.
И раствор. И ещё штукovina возвышается над столом.
Мир знакомый, на плёнку пойманный, мы печатаем в тишине
на бумаге – такой – особенной. Даже чуточку страшно мне!
Угадай, что сейчас появится, замерев над пустым листом,
и волшебным пятном проявится мяч, берёза, тропинка, дом!
И скамейка как настоящая, и ворота. А свысока
кучевые, на юг летящие, проявляются облака.
Что-то чудное совершается, возбуждёньем в зрачках горя.
Наша комната освещается оком красного фонаря.
Вот загадочно! У родителей есть какой-то секрет простой –
Снимки плавают в закрепителе и в глубоком тазу с водой.
Мы их на ночь сушить развесили. А назавтра, при свете дня,
Разгляжу, как на снимках весело чёлка встрёпана у меня.

...Птичка вылетит любопытная, и всесильное время – вспять.
С верхней полки альбомы пыльные хорошо иногда достать.
Прямо в руки порхнёт стремительно, чёрно-белым черкнув крылом,
Миг далёкий и удивительный: мяч, берёза, тропинка, дом.

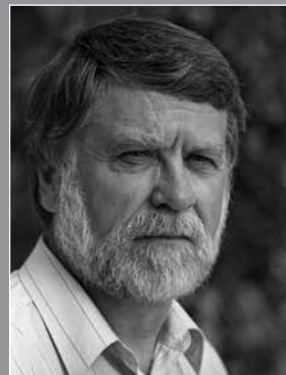
Я баян обниму. Он, заждавшийся, на руки просится.
Встрепенётся, вздохнёт, как живые, меха развернёт.
Он застенчиво всхлипнет коротенькой разноголосицей
И протяжную русскую сам нараспев заведёт.

Он «Лучинушку» плачет – качает басы безысходные.
Он созвучья выводит. Пронзительно. Сладко. Навзрыд.
Словно жаркой слезою, он песней текучей народную
Пробирает насквозь. Берedit на душе. Берedit...

Он заходится песней. А мне всё отчётливей кажется,
Что, как истари, сядем за стол, соберётся родня.
И потянется песня-слеза, и всем миром заладится...
Что не песня, а русская вечность течёт сквозь меня.

Поэты Кузбасса

Борис БУРМИСТРОВ

Борис Васильевич Бурмистров родился в 1946 году. Многие годы трудился на предприятиях Кузбасса и на Крайнем Севере. Поэт, публицист, член Союза писателей России, Председатель СП Кузбасса, член Правления СП России. Автор 15-ти поэтических книг. Лауреат Большой литературной премии России, всероссийской литературной премии им. Святого благоверного великого князя Александра Невского и др. Член-корреспондент РАЕН, академик ПАНИ, Заслуженный работник культуры РФ. Живет в г. Кемерово.

Ответ

Старые дровни скрипят от мороза,
Стынут в логах тальники...
Вот и пришла ко мне горькая проза,
И приумолкли стихи.

Время раздумий нелегких настало,
Хлещет листва по лицу,
Тени ракитника и краснотала
Тают в предзимнем лесу.

Жизнь переходит в иное понятие –
Время смывать миражи,
Время, когда проступает сквозь платье
Свет обнаженной души.

Это и есть то мгновенье земное,
Где у незримой черты –
Небо палящее и ледяное,
И никакой суеты.

Всю жизнь мы играем в рулетку –
Меняем на медь серебро.
Подброшу повыше монетку,
А вдруг упадет на ребро.

А вдруг повезет ненароком
И радость сумею узреть.
Каким только вывернет боком?
С какой стороны посмотреть?

Кидаю повыше монетку –
Летит, тихой медью звеня...
Вновь ставит округлую метку,
Вновь падает наземь плашмя.

Орел или решка – не знаю,
Удачу в руках покручу
И вверх ее, дуру, бросаю,
И знать ничего не хочу.

БОМЖ

Ни угла, ни калиточки нету
И в кармане давно ни гроша.
Одиноко гуляет по свету
Позабытая всеми душа.

Дождь со снегом, да северный ветер
Продувает бродягу насквозь...
И живет он мечтою о лете,
И надеется он на авось...

Со своим одиночеством спорит
И с надеждой глядит в небеса,
И кому-то незримому вторит,
И слезятся по-детски глаза.

Вновь за окошком слякоть,
В сенях тоскует пес.
Во сне не стыдно плакать,
Во сне не видно слез.

Когда душе тревожно,
Когда душа болит,
Во сне поплакать можно,
Укрывшись от обид.

Осень прохладною дышит,
Лист тополиный шуршит...
Друг меня, видно, не слышит,
Все о любви говорит.

Друг мой, очнись от обмана,
Все пребываешь во сне.
Поздно уже – или рано –
Думать, мечтать о весне.

Осень туманит овраги,
И просветляется высь.
Друг мой, забудь свои страхи,
Все, что вокруг, – это жизнь.

Время весенних разливов,
Знаю и верю, придет.
Господи, сделай счастливым
Мой несчастливый народ.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

В этот день я с вами, вы со мной –
Двери потаенные открыты,
Здесь какой-то шепот неземной
И цвета закатные разлиты.

Здесь любовь, как синева, чиста
И разлуки ничего не значат.
Здесь, по эту сторону креста
И по ту, бесслезно тихо плачут.

В этот день встречаемся мы вновь,
Память наша, наша боль и радость.
Неземная, вечная любовь
Нам от Бога каждому досталась.

ЗАПОВЕДЬ

На грешную жизнь не ропщите, –
Все было, все будет в судьбе.
Друг в друге врага не ищите,
Но Бога ищите в себе.

Друг в друге лишь друга ищите,
Отринув хулу и вранье,
И памяти тонкие нити
Не рвите во имя свое.

ПЕРЕД БИТВОЙ

Я вышел сегодня из дома
Часов то ли в пять, то ли в шесть.
Морозно дымилась солома.
Кустарников дыбилась шерсть.

Была, видно, поздняя осень,
А впрочем, так виделось мне.
Часов, может, семь, может, восемь
Я шел по колючей стерне.

Деревьев прозрачные тени
Летели и падали ниц,
И дали в округе темнели,
Не слышалось пения птиц.

Как будто уставшее время
Сменялось на время другим...
И всадник подтягивал стремя
И целился взглядом тугим.

Сушеный виноград –
уже не виноград
И лук сухой нас плакать
не заставит,
И если этой жизни
ты не рад,
То, значит, кто-то
этой жизнью правит.

В сухие дни так хочется
дождя
И он приходит с грозовой
тучей,
И ты резвишься,
времени дитя,
Как хорошо, что повод есть
и случай.

Хвалу лозе я воспою
сто крат,
И все закончу на минорной
ноте –
Сушеный виноград,
уже не виноград –
Он для вина ни капли
не пригоден.

ОСЕННЕЕ

Потоки слов размытых объявлений,
Кусочки слов оборванных афиш,
С утра до ночи нудный дождь осенний
Стучит, стучит по колокольням крыш.

Не разобрать, о чем трезвонят капли,
Летающие с небесной высоты,
Но говорят, что капли точат камни
И подмывают дамбы и мосты.

Осенний дождь стучится в перепонки,
Как будто пушки ядрами палят.
Плывут дома, киоски, остановки,
И летние автобусы стоят.

Размыто время: ни тепла, ни стужи.
Всяк норовит свой обиходить кров...
Лишь воробей, нахохлившись у лужи,
Следит за тенью серых облаков.

ПАМЯТИ Ю. КУЗНЕЦОВА

И хорошо, и одиноко,
И по-осеннему легко.
Все, что до срока, – то от Бога!
И все, что в срок, – то от Него.

Светлеют призрачные дали,
Густеет воздух как стекло.
Мы в жизни многое познали
И не познали ничего.

Поэт уходит. Вслед ни слова –
Молчит любимая страна.
Когда еще родит такого
В России русская жена?

Когда в тиши земного сада
Плоды покатают по ветвям?
Страна моя, тебе бы надо
Знать цену лучшим сыновьям!

Гудит натруженно дорога,
Над ней – вселенская тропа.
И хорошо, и одиноко,
И Богу вверена судьба.

Пошли мне ангела, Господь!
Оберегать от мысли черной.
Моя безудержная плоть
Нуждается в защите оной.

Пошли мне ангела, теперь,
Когда весь мир от зла в смятении.
Как много выпало потерь,
Как мало в жизни обретений.

Непредсказуемая грусть
Дождём холодным сыплет с неба.
Пошли мне ангела, он пусть
Оберегает нас от гнева.

Пошли мне ангела с небес
Сейчас, теперь, вот в эту пору.
Чтоб мог нести земной свой крест
Всё дальше, дальше, выше в гору...

Сказала, что вышла на миг,
Сто лет с той поры пролетело...
Исчез под водой Материк
И память, как платье, истлела.

Сказала: вернусь, подожди,
Куплю только в булочной хлеба...
Давно испарились дожди,
От зноя потрескалось Небо.

Остался лишь в памяти лик.
Живу, новый день ожидая...
То солнце проглянет на миг,
То капля падет дождевая.

Вся надежда нынче на мессию,
А другой надежды видно нет.
Мне б вернуться в Русскую Россию
Через сто и даже триста лет.

Кто-то скажет, ничего нет проще –
Надо только выбрать верный путь,
Чтобы очутиться в этой роще,
Русский воздух с жадностью вдохнуть.

Чтоб слышать птиц весенних трели,
Чтобы слышать, как журчит вода.
Я ещё с рождения поверил:
Русский мир – как космос – навсегда.

«ОТВЕТ РУСОФОБАМ»

Где тот забытый причал,
Даль далека и близка –
Русская наша печаль,
Русская наша тоска.

Сотни и тысячи лет
Не изменить ничего –
Только словесный бред
И поцелуй в стекло.

Только щенячья дрожь,
Призрачный свет вдали...
Только бесстыжая ложь
В адрес моей земли.

...Со мною будет все иначе:
Разлуку смертную кляня,
Одна лишь женщина заплачет –
Одна – любимая моя.

Забыв обычай деревенский,
На холод выйдет за порог...
И будет плач ее вселенский,
И будет крик ее высок.

И будет эхо долго, долго
Лететь, цепляясь за кресты...
И до ближайшего околка,
И до светящейся звезды.

Где тот затерянный мир –
Земли, моря, города?
Я выхожу в эфир –
Слушайте, господа,

Русскую нашу печаль,
Русскую нашу грусть.
Только не надо кричать,
Что безответна Русь.

Встанем еще не раз
В полный, как водится, рост,
С русским прищуром глаз,
С вечною правдою звёзд.

Да будет свет! – сказал Пророк, –
И нас из тьмы на свет извлёк.
Да будет свет! – изрёк Мессия, –
И засиял свет над Россией.
Да будет свет! – сказали мы, –
И натворили столько тьмы...

Проза

Татьяна ГРИБАНОВА

МОРОК

Рассказ

На дворе разгар Филиппова поста. В нашенькой местности в эту пору должны бы набирать силу декабрьские трескуны. Но вот, поди ж ты! А ведь ещё прашуры декабрь месяц студнем прозывали. Видимо, в молодые лета на Руси так и было – декабрь лютовал. Нынче же чуток прищипнули холода на Екатерину Санницу, погрозились мало-малешки на Андрея Первозванного, и – как королева их языком слизала. На излёте месяца, когда и до Рождества-то рукой подать, неожиданно-негаданно небесная чумазная ветошка, занавесившая раскинувшуюся было в морозы голубень, пыхтела-пыхтела, тужилась-тужилась, но так и не сдюжила – продырявилась, и вот уже третий день как прорухивается из всех её незалатанных щелей наземь то сырой, гаденький снег, а то в очерёдку и вовсе проливенный ознобкий дождь.

Может, и всё бы ничего, но к этой сопливости напросился в сотоварищи ветер. Кто испытал на собственной шкуре, не даст соврать: мокрый, к тому же северный, свистун – это вам уже не фунт лиха, а целый пуд, или, коли осатанеет он до беспредела, может статься, обернётся и вовсе, как сказала бы моя бабуля, берковцом.

Морок этот настолько прополз, проник во все закоулки двора и округи, – упаси Божечка, прокрадётся в душу! – что начинаешь невольно сомневаться: а перебудуешь ли вообще эту непогодь? Объявится ли, проберётся ли когда-нибудь сквозь эту морось и стынь солнце?

В комнатах темень непроглядная. Как тут быть? – я без света прям-таки задыхаюсь. Брожу в полумраке, словно в каком-то потустороннем мире, сомнамбула сомнамбулой. А ворох начатых дел, заваленный черновиками стол не позволяют прохладяться. И потому все настольные лампы и торшеры полыхают с утра до вечера. Кофеварка же, то ли набивая себе цену, то ли притворяясь из вредности, или просто из-за усталости начинает отлынивать от своих обязанностей, устраивает кухонные скандалы: плюётся и чихает на все мои дела, на то, что в эту сонливую погоду я без её помощи как без рук.

К тому же совершенно не позволяет работать кот: только я за стол, он прокрадывается ко мне на колени и, угревшись, умудряется заводить в это грустное

время такие переливистые, тягучие, напоминающие старинные песни мурьы, что сбивает меня с мысли, и я невольно начинаю прислушиваться к извечным мотивам его племени. Пробовала: даже если этого лежебоку выпроводить со своих колен, он всё равно пристроится где-нибудь невдалеке – или уляжется, словно на печку, на разогревшийся от работы принтер, или заползёт под пуховую шаль, что оставила я в кресле. Когда хлещут по стёклам ветки сирени, когда порывами ветра швыряет пригоршни ледяных капель, толстопятый трус только подле меня и может предаваться своему излюбленному занятию – просматриванию гастрономических снов.

Все стёжки и тропинки, сикось-накось натоптанные после снегопадов, что обильно просыпались было за неделю до солнцеворота, смыло, словно их и вовсе не бывало. Крома, будто и не река, а какой-то простуженный, изголодавшийся дикий зверь, пережёвывает в своей утробе слегка сдобренную, присоленную щепотьями снега у тростниковых берегов густоющую, схожую с помоями бурду.

Наохлившись воробьи и синицы попрятались под стрехи. Сшумнут на сеной стог, что шапкой-мамайкой обронулся за старым амбаром, пошныряют меж волглых, но всё ещё дышащих июньскими зорями былинки, почупахаются в просыпавшейся у подножия копёшки мякине – чуток, значит, подкормятся – и скорёхонько восвояси. Видимо, своего, воробьиного, гриппа пугаются. И только приладившимся в последние тёплые зимы не улетать на зимовку галкам да воронам нипочём – бродят себе промокшими головешками по почти обеснеженному просёлку в поиске добытка, переговариваются, копошатся в оброненных проехавшими санями соломенных хоботьях.

В такую мокрень на улице малочисленные жители округи тоже особо не высовываются, разве что по великой нужде. А какая такая на хуторе в эту пору нужда? Коли сподобился запастись продуктами, так уж лучше переждать, пока снова погоды войдут в свою привычную колею. Тогда, выходя за калитку в известный час, можно опять встречать почтальоншу или «вовсе онемевшую от безлюдья», соскучившуюся по человеческой речи тётку Марусю. Правда, последней и десять вёрст – не крюк, и распогоды никчёмные – не преграда.

Придёт обычно, расчаёвничается, уж говорит-говорит не наговорится, так и мелет, так и тарабанит, будто твоя мельница. Ну, так ведь сколько не видались, «даже засумливалась, не отсох ли в одиночестве за ненадобностью язык».

Нет, с пустыми руками не приходит. Как же? У нас так не принято. Всё ж таки в гости шла, а потому всегда причепурится – новый подшалок с-подо дна сундуковьего вынет, «а про что беречь-то, какие-растакие у нас туточки праздни-ки?», и о калиновке свойской не позабудет.

Вот и сегодня явилась, к тому же со своей провизией. Только почему-то в чёрном полушалке. Вошла, поздоровкалась, на божничку перекрестилась и – прямоком к столу. Сняла с заплочной палочки завязанную узелком клетчатую шалку, растормошила репушок, вынула заткнутую газетным обрывком поллитру, выставила «люминиевую» миску с мочёной антоновкой, другую – с бочковыми, щедро сдобренными чесночком, укропными зонтиками да вишенником дробненькими, что твой советский рубль, рыжиками. Застеснялась, всплеснула руками: вот, мол, и все гостинцы-разносолы.

Улыбаюсь: «Пост же, тётъ Марусь!» А её за просто так не возьмёшь! «Ну, дак постная в бутылки-то, ай сама не ведаешь? – будто невдомёк ей мои слова, – не из поросятины ж? Мы по маааахонькой, не усугубляя».

И я откладываю в сторону свои задумки, закрываю ноутбук, поскольку, если тётке Марусе понадобилась «живая душенька», если она протопала «с того конца света», из такой же, как наш хутор, опустевшей деревушки в свостоженных специально для такого бездорожья самопальных бурках столько вёрст, с моей стороны было бы даже непростительно не уважить старушку. К тому же, что греха таить? Эх и охоча я до её антоновки! Да и калиновка – тоже не утаю – не раз опробована, могу не колеблясь подтвердить: до последней капелюшки как есть постная.

Оглянуться не успеешь, в холодное время, не смотри, что зима дала передышку – с крыши капает, ближе к вечеру явственно ощущаешь, что пора растапливать: старенький отцовский домишко без мужского догляду всё меньше бережёт тепло, всё больше требуется топли для его обогрева, для поддержания в нём жилого духа.

Я и зиму-то по большей части люблю из-за печки. Особенно вечера. Пощёлкивают полешки, их отблески, словно шустрые золотые зайцы, скачут по полям вылинявших цветастых обоев; озаряют большую застеклённую, в деревянной раме картонку, на которой рядком наклеены уже подтраченные временем фотокарточки моих родичей. Чудится, что и они, дорогие моему сердцу, согреваются этой жаркой песней берёзовых дровишек, что завсегда вместе со мной прислушиваются к рассказам тётки Маруси: к последним деревенским новостям и сплетням, к былям и небылицам нашей округи; вместе со мной и гостьей смеются простецким радостям, печалуются, когда вдруг закручинится, завсхлипывает тётка Маруся, рассказывая о своих душевных болях.

– А я к тебе нынче припёрлась с такой дали неспроста, – налив по первой, посмурнев, признаётся вдруг ни с того ни с сего старушка, – считай, на поминки притопала... Ить одной как-то не с руки... дак и ты должна тожить помянуть. Помнишь Витьку, племяша мово? Ну? Ещё мальчонкой, как приезжал, к вам со мной заходил?.. А Вовчика Спиридонова тожить знавала? Царство им обоим Небесное!

– Так, тётъ Марусь, постой, постой... ты уж растолкуй сначала, коли к такому случаю нынче пригодилась твоя наливка. Что стряслось-то? – ставлю я рюмку, обескураженная таким поворотом дела.

– Дык что, что? Поубивало ребят на Украине... вот и весь сказ... Нетути больше ни Витьки нашего, ни Нинки Спиридонихи Вовчика. Наш-то даже обжечься ещё не успел... Дааа... А у Вовки мальчонка годовалай остался... Сиротинка и папку не успел запомнить... Так-то.

Тётка засморкалась, заутиралась. Задумчиво притихла. А я и не торопила. Чего приставать? Сама распахнётся, затем ведь и пришла. Видать, тяжко ей горе в одиночку переносить.

– Нас ведь три кровных сестры, – выдохнув, продолжила старушка. Одна в Калининграде, Тосей звать, другая, Вера, Витькина мать, значит, в Киеве ещё по девичеству обосновалась. Ну, и третья, старшая, буду я, весь век на корню пробедовала. Дочки мои разлетелися за мужьями так далёконько, что незнамо, где обретаются. Ажни в сибирской Сибири. Сам, ты же знаешь, уже пять годочков как на Поповке. Да разишь он тока?.. Степановка наша наушшал опустела, выйду ночью до ветру – окромя мово, ни одного-разъединого оконушка не теплится.

А горе у нас, касатка, нынче большое, прямо сказать, неподъёмное горе... Бывало, спрошу в письме у Верочки: мол, как там Витя-то? А она не очень прописывала: мол, всё у него нормально, только часто в командировки посылают. Я вот думаю, может, и она не знала, в какие-такие командировки сына её посылали?.. А был он у нас военный, по отцу своему пошёл... и тот в своё время служил, значит...

Месяц назад почтальонша пришла, вся сама не своя, рассказывает: мол, в Денисовку Вовчика Спиридонихина с Донбассу в закрытом гробу доставили. Спиридониха так надрывалась, что, кажись, рассудком тронулась – один он у неё, Вовчик-то, был. На Наташку, жену значит, и смотреть страшно: почернела, хоть самое рядом с мужиком в гроб клади.

Была я на тех-то похоронах... Как не пойти?.. Разишь можно? Народу сошлось, со всей округи! Ох, лучше я тебе рассказывать не стану, а то чичас опять в грудях запечёт... Да, приезжал какой-то при погонах. Дóбро говорил про Вовку. Мол, герой у вас, родители, сын... мол, гордись, Наталья, мужиком своим, а малец в ум войдёт, и ему про папку всё растолкуй: не абы как сгинул, фашист-нехристя бил.

Ну и вот, значит... А через неделю опосля тех-то похорон позвонила мне сестрица средненькая, с Украины. Только и сказала: мол, погиб Витя. Хоронили как надоть, с почестями, гроб накрыли украинским флагом, приезжали большие начальники. И, оказывается, у племянника аж четыре ордена было. Тоже речи говорили, мол, герой, Вера Петровна, Ваш сын, сам президент Зеленский выражает Вам соболезнование... Я так думаю, был наш Витёк на особом счету у командования. Сестра только на похоронах и узнала: оказывается, служил он в десантных войсках. И с четырнадцатого года воевал в самом пекле. В тех-то самых командировках. Так иначе, сама прикинь, откуда бы столько наград?.. Герой, значит... заслужил...

Ну, как бы там ни было, а племяша жалко, всё ж таки родная кровь. Да и сестрицу жалко. Это лёгко сказать, а как вынести такое? Не приведи Господь, врагу ведь не пожелаешь детей своих пережить...

Ну, подставила я табуретку, залезла на неё кое-как да выудила из-за образов вузелочек с пензией. Откладывала про чёрный день.

И, как снова явилась почтальонша, передала ей, даже не развязавши, тот-то вузелочек да конверт с Вериным адресом, чтоб поскорейча ей переслала – сестрице сейчас деньги, небось, нужней мово. У почтальонши, знала, какие-то родичи, через каких-то других своих родичей, вроде как через Молдавию, бывают в Киеве.

Передала, значит, денежку на помин Витькиной души и спустя время Верочке позвонила: мол, крепись, родная, я тута тожить по племяшу переживаю, волнуюсь и за неё. А ещё обмолвилась о том, что недавно была на похоронах Спиридонихина Вовки. Вера дружила с Нинкой, Вовкиной мамкой, со школы, по молодости были не разлей водой.

И что бы ты думала? Вера-то ни полсловечка не упомянула, дошли ли мои деньги... Наверно, дошли... Не до них ей было, всё кляла, проклинала сестра самыми последними словами и подругу свою закадычную, и сына её Вовку, которому, кстати, крёстной доводится. А уж какими словами Россию крыла, так я таких заковыристых матюгов и отродясь не слыхивала!..

И о чём мне теперя с ней толковать... коли вообще придётся свидеться? И в ум не возьму... Может, ты, милая, знаешь? Затем-то и шла нынче к тебе... Ну дак помянем ребят, Царствие им Небесное!

Поэзия

Владимир СКИФ

Обитель

*«Не рассуждай, не хлопочи.
Безумство ищет, глупость судит...»*

Ф.И. Тютчев

Я видел Тютчева во сне,
Он проносил себя по жизни.
Служил и слову, и Отчизне
И частью жил уже во мне.

Я встретил Тютчева в окне:
Он постучал в окно не строго
И показал: его дорога –
Невольню привела ко мне.

Я прошептал: – Не может быть!
Наверно, это всё условно.
И он исчезнет – безусловно,
Его не надо торопить!

И он сказал: – Не хлопочи,
Не рассуждай в пределах света.
И если ты узнал поэта,
У окон встань и помолчи.

Себя безумству не учи,
Не добавляй для сердца смуты
И в эти редкие минуты
Стихов поспешных не строчи.

...Он постоял и помолчал.
И в небо улетел сквозь тучи...
И я подумал: – Может, Тютчев
Кого-то третьего встречал...

ГРАД В НИЖНЕУДИНСКЕ

Пришёл июль, мальчишки рыбу удят,
Томат в теплице первый покраснел.
Но грохнул град! Оглохший Нижнеудинск,
Из окон глядя, весь оцепенел...

В июле град! Столбом стоит природа,
Сошедшая – и с неба, и с ума...
Июль, как будто перевёртыш года,
Упал на огороды и дома!

Затихли птицы от такой напасти,
Молчат собаки, лают петухи.
У нас погода отбирает счастье
За наши несусветные грехи.

Вон женщина, ладони погружая
В бессмертье града, тихо говорит...
Ну вот и всё! Лишилась урожая!
А может, завтра и земля сгорит?!

Вчера уснуть ты не могла,
Хотя сдалась дождю на милость.
И ожила ночная мгла,
И время в ней остановилось.

Шуршали ветки под дождём,
И небо в тихий двор скатилось.
Мы часто ночью чуда ждём,
Чтобы оно как сон случилось.

И кажется, что чудо есть,
Во мгле качаются растенья,
И между ними – там и здесь –
Молчат потери, обретенья...

Остановилась тишина,
И жизнь как будто прекратилась.
И в небе не было окна,
Лишь Божья горница светилась.

ОКОЛОТОК

Ну, сколько он? –
Допустим, триста соток!
Определился и зажил уже,
Вполне желанный людям околоток,
Да и моей взыскательной душе.

Я в околотке жил и не был кроток
С такими же парнями наравне.
Гремел своею жизнью околоток,
Давал свободу и другим, и мне.

Я веселился,
как заправский ухарь,
Мы пели песни о былой войне,
Гранёные стаканы с медовухой
Звучали, как в далёкой старине.

Не ведали мы «сити» и «высоток»,
Но знали лучший посреди тайги
Для многих поколений околоток,
Где не селились тати и враги!

ЗАБУЛДЫГА

Вот небеса, вот чьей-то жизни книга,
А вот деревня, девица-краса,
Живёт в моей деревне забулдыга
И даже не глядит на небеса.

Любой хозяин и любой барыга
Обходят стороною этот дом,
У них водяру клянчит забулдыга
И без закуски пьёт её при том.

Мир отупел! И этот дом постылый
Корячится над грешною землёй,
А во дворе – недвижная пустыня,
Заросшая могучей коноплей.

Пни от ворот и возле них булыга,
Где коршун прилетает и сидит,
Он ждёт, когда подохнет забулдыга,
И в тёмный дом с надеждою глядит.

Я к забулдыге шёл – поэт-задрыга,
Которому совсем не всё равно,
Что умирает в доме забулдыга,
И нёс ему приличное вино...

Мы сели с ним на сломанные стулья
И выпили, чтоб жизнь его продлить.
Он мне сказал:
– Ищу для «тулки» пулю,
Чтоб коршуна из «тулки» застрелить!

ВОРОНА

Сижу с Распутиным на даче:
Он на портрете – близкий, свой...
Мы говорим, а это значит –
И он живой, и я живой.

На лиственнице, где ворона
Обыкновенная жила,
Вверху была не просто крона,
А разветвлённых три ствола.

И в сердцевине этой кроны,
Среди стволов, среди тепла,
Небезызвестная ворона
Гнездо высокое свила.

Живое лето пахло тмином,
Цвела саранками гора,
И у Маруси с Валентином
Была придумана игра.

Жила ворона, как на троне,
Маруся думала своё...
– Что передать твоей вороне? –
Распутин спрашивал её.

Была ворона быстрокрыла,
Летала в ад, летала в рай.
Маруся тихо говорила:
– Привет вороне передай!

...Прошли года, ворона где-то,
Её искать никто не стал...
И ей последнего привета
Уже никто не передал.

Найти бы свет любви, дыханье
И звёздной ночи полыханье,
Которое сразило нас
Не в прошлом веке, не сейчас,

А в человеческом начале,
Где мы любили и встречали
Себя на будущей земле,
В большом добре, а не во зле.

ОБИТЕЛЬ

Я сам себе соперник, осмыслитель
Своих и поражений, и побед.
Ну что ж, входите все в мою обитель,
Пути другого в моё сердце нет.

У вас у многих будет глаз навыкат,
Когда вы суть узнаете мою,
И что живу я безо всяких выгод,
И ем коренья, Божью воду пью.

Что чую я – обыкновенный житель –
Любого, кто является ко мне...
Совсем не дно, а скит – моя обитель –
Пристанище в зелёной глубине

Необычайно дикого простора,
Где прямо в окна входят небеса,
Над лесом пронизательные горы
Распознают чужие голоса.

Вы несомненно станете чуть ближе
К святым и недоступным небесам,
Слух обретёте,
чтобы ближних слышать,
Каким я так же становился сам.

Вы на камнях оставите пожитки,
Войдя в обитель тихую мою,
И возродитесь, чтоб идти по жизни,
А не страдать у света на краю.

Увидите, как утро расцветает,
Как Ангел прилетает налегке
И на окне свои стихи читает
Герань на древнерусском языке.

В тех даях были мы спокойны,
И в свете не гремели войны,
Под небом расцветали дни,
И в мире были мы одни!

Поэзия

Руслан ПИВОВАРОВ

Руслан Анатольевич Пивоваров родился в Новомосковске в 1972 году. Автор пяти сборников стихов. Неоднократный лауреат международных литературных конкурсов. Стихи и проза автора переведены на 14 языков. Учредитель литературного интернет-сообщества "Чертог Поэта". Организатор международных литературных конкурсов "Дорогой вдохновения" и "О, сколько силы в русской речи...". Живёт в г. Лида Гродненской области.

Лишь с волей и Богом

СВЯТАЯ РУСЬ ГРАНИЧИТ С БОГОМ

*«Все страны граничат друг с другом,
а Русь граничит с Богом».*

Райнер Мария Рильке.

Русь Святая граничит лишь с волей и Богом,
да и с Богом, пожалуй, живёт без границ.
Ведь Господь в этих землях за каждым порогом:
городов, деревень; и дворцов, и темниц.

Он заступник в обидах и в горе любому
и помощник в делах – у кого ни спроси...
Кто-то явно, кто тайно, но к Богу Святому
обращаются все, кто живёт на Руси.

И Господь внемлет всем: от царя до народа,
от монаха до пьяницы, снявшего крест.
То взирает с любовью с высот небосвода,
То, печалась о грешниках, бродит окрест...

И в годину безбожья, и в пору лихую,
землю русскую Он согревает теплом,
ибо видит и ведает веру живую,
не убитую в людях ни ложью, ни злом.

И поэтому Русь не соседствует с Богом,
а дорогой судьбы со Всевышним идёт.
Ведь Господь в этих землях за каждым порогом,
как родной среди русских столетья живёт.

ВРЕМЯ

Время свободное – в пальцах вода.
Ловишь его, только капли на коже.
И убегает оно в никуда,
сущее больше его не тревожит.

Время бесцельное быстро несёт
в Лету желанья, мечты и стремленья.
Лишь горький привкус потери гнетёт...
Впрочем, и это предается забвенью.

Время свободное пьём как вино:
кто-то смакуя, а кто-то до донца...
Для одного недоступно оно,
а для другого не стоит червонца.

Время не терпит пустой суеты,
шансам не часто давая отсрочку.
Кто-то решит, будто с жизнью на ты,
Время поставит безжалостно точку.

Время свободное, словно вода,
но для него не найдётся сосуда.
Жизнь испаряется с ним навсегда...
Наше мгновение Божьего чуда.

ВЕЛИКИЙ БОЖЕ, ЧТО ТВОРИТСЯ С МИРОМ?

Великий Боже, что творится с миром?
Он нынче словно разума лишён.
Он стал принадлежать шутам-пронырам,
Бездушия проказой заражён.

В нем брат идёт войною против брата
За лишний доллар, сунутый в карман.
Здесь кем-то искра Божия изъята
В обмен на либеральности дурман.

Здесь не в чести ни честь, ни добродетель,
Здесь больше не в почёте честный труд.
Востребован всё больше лжесвидетель,
Ещё предатель – современный Брут.

Весь мир – нелепый фарс,
Великий Боже!
Полнеет грязью времени река:

НА ОСТРИЕ БОЛИ

Средь голых стен, наедине с собой,
я слушаю безмолвие печали.
Навеянные образы тоской
легли строкой в сердечные скрижали.

И как могу гоню кручину прочь –
она со мной остаться пожелала.
А я печальной дружбы превозмочь
не смог. Как острие кинжала

всё глубже в плоть впивается мою
уныние, терзая болью душу.
И я без слёз рыдаю и скорблю,
и, как младенец, пред грядущим трушу...

Ужели всё останется во мне:
сомнений хлад, тоски оцепененье?
Мелькают мысли в гулкой тишине,
к надежде возвращая на мгновенье.

Поймав её чуть видимую нить,
едва держу, кистей не разжимая.
И будь что будет – снова стану жить,
лишь на себя и Бога уповая.

Покинув храм, на свадебное ложе,
Ведёт мужик невесту-мужика.

Твоим жрецам всё слаще песнь Баала*.
Они все меньше помнят твой завет...
Средь плясок демонического бала
Понятно то, что сходит мир на нет.

Но в вере укрепил, Великий Боже,
Что это наваждение пройдёт,
Что тьма Святыню Русь
сломить не сможет,
Что искра Божья в душах оживёт!

* *Баал (или Ваал)* – библейское название языческого бога Финикии. Религиозный культ Баала состоял в диком разнузданном сладострастии, искавшем искусственных возбуждений. *Вельзевул* – в Новом Завете «князь бесовский», или сатана – одно из олицетворений Баала.

ОКОВЫ ЗИМЫ

По февралю брожу, как зверь, закрытый в клетке...
 Смотрю безрадостно на жизни полотно:
 палитра серости достигла той отметки,
 когда не радуют ни воля, ни вино.

Там, за окном, бегут устало и натужно
 зимы сырой, раскисшей сумрачные дни.
 Но мне приятельство её совсем не нужно –
 оно душевной пытке узника сродни.

Зимы объятия – колючие до боли...
 Я с ней не ласков, но она кружит вокруг.
 В её хоробах я страдаю, как в неволе,
 и только жду, когда пройдёт хандры недуг.

А где-то там, вдали, за серым горизонтом
 весны родившейся сияет яркий свет.
 Она воссядет на престол Земли архонтом*
 в венце, который украшает первоцвет.

И я сорву с души уныния оковы
 и побегу навстречу пламенной заре
 в надежде рухнуть на весенние покровы
 и искупаться вдоволь в солнца янтаре.

ТУМАН

Туман, словно хищник голодный,
 из логова ночи пришёл.
 Стал лакомством город огромный
 и несколько дремлющих сёл

прожорливо-жадного зверя,
 которому всё по нутру.
 Был город бесследно затерян
 в холодном тумане к утру.

Версту за верстой ненасытно
 пришелец седой поглотил.
 Ни дома в округе не видно...
 Весь мир в этой дымке застыл.

Лишь взгляд лучезарного солнца
 вспугнёт и заставит бежать
 прохлады ночного питомца,
 и город возникнет опять.

* *Архонт* – высшее должностное лицо в древнегреческих полисах.

Поэзия

Александр БОГДАНЕНКОВ

Александр Сергеевич Богданенков родился в 1984 году в Витебске. Окончил бакалавриат и магистратуру богословского факультета Заокской духовной академии, а также, с отличием, бакалавриат и магистратуру филологического факультета ВГУ им. Машерова. Учитель русского языка и литературы. Священник. Член литературного союза «Полоцкая ветвь». Живёт в Полоцке.

Нести земное бремя

ПОЛОЦК

Где извиистой змейкой, не щадя живота,
Со степенной чтоб слиться сестрицей,
Поспешая бежит вдоль болот Полота,
Сквозь леса и озёра струится;

Где старушка София, как невеста бела,
Станом стройным стоит над Двиною,
Где полощутся в небе её купола,
Умываясь небесной росой;

Где Всеслав Чародей свою мудрость стяжал
Плинфа к плинфе, как стены собора,
Изучив досконально сакральный фрактал –
Славы, силы и власти опору;

Там, где камень Борисов покойно лежит
Недвижимою глыбой столетий
И хранит эпиграфию древних молитв
Как надёжный и верный свидетель;

Ты – осанка моя, я лишь твой позвонок,
Вдох и выдох – основа дышанья,
Ты – мой лёгочный ствол, кровотока исток,
Костный мозг и игла мирозданья.

МОНОЛОГ МАТЕРИ ИЗЯСЛАВА

Рука отца твоего тяжела,
Крепка, тверда, как булат, сильна,
И всё же есть у всего цена,
Не остановит меня она.

Ждала, звала, сынов родила,
Забыла всё, что беречь должна,
Как дочь, сестра, не была верна,
Была верна, как его жена.

Коль рекам вспять никогда не течь,
Сожгу дотла память наших встреч,
Развею прах над водой Днепра.

Не стоит ждать от добра добра,
Забыть пора, кем была вчера.
Неси, мой сын, мне отцовский меч.

МАЛАЯ ПОДОРОЖНАЯ КНИЖИЦА

Полоцк. Падуя. Прага.
Правда – и путь, и пир.
Шаг. Два шага. Полшага.
Поступь познания – пунктир.

Краков и Копенгаген,
Космос координат.
Жизнь – колесо колымаги,
Взятое рамкой в квадрат.

Вильно – любви владыка,
Воля влечёт к тебе.
Ты – как раскрытая книга,
Первая в общей судьбе.

МОЛИТВА

Не дай мне Бог снобизма яда,
Чтоб не смотреть на дурака,
На дерзкий вызов злого взгляда
Надменным взглядом свысока.

Мою гордыню в чёрном теле
Держи, как пса на поводке,
В февральском кружеве метели
От Чёрной речки вдалеке.

Уж лучше самому цыкуту,
Из рук своих приняв, испить,
Чем жизни чёрную минуту
В свинец разящий перелить.

Не дай мне Бог снобизма яда,
На яд другой согласен я.

ФИЛОСОФСКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ

Я буду жить, пока живёт язык,
речь на котором я вести привык.
Я буду жить, пока язык во мне
творит слова, им жизнь даря вовне.

Пока есть тот, с кем я бы мог
вести неспешный диалог.
Пока есть тот, кто, как и я,
язык счёл домом бытия, –

я буду жить. Мы будем жить:
читать, писать и говорить,
внимать Тому, Кто дал язык, –
Жизнь постигая каждый миг.

О ТРУДНОСТЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ*Ироническое*

Он не спит, и не ест, и не пьёт –
Он всё пишет научный доклад.
Он, наверное, вскоре умрёт
Из-за невосполнения затрат.

Он три дня и три ночи в поту –
Он все силы кладёт на трактат.
Он совсем позабыл про еду
И ещё объявил целибат.

Он – учёный, он раб-аспирант
Ситуацией взятый в залог,
Диссертации груз, как Атлант,
Он оставить хотел, но не смог.

Сорок дней, как в пустыне Исус,
Он смиренно нёс кафедры груз,
Но хотел, но желал он, как Ной,
Чтоб её затопило водой.

БЛАГОДАРИЮ, ЧТО МНЕ ДАНО ТВОЙ СОН СТЕРЕЧЬ...

Благодарю, что мне дано твой сон стеречь,
 Часы ночные коротать у изголовья,
 У ног, калачиком свернувшись, лечь,
 Мечтать и чаять, бредить белогорьем.

Монеты звёзд ночь напролёт считать
 Под монотонный метроном секундной стрелки.
 И всё, чем память полнится, читать
 В беспамятстве, ища подсказки на побелке.

Напрячь весь слух и слушать тишину,
 И в занавесок кружеве белёсом
 Искать ответы, лбом прильнув к окну,
 Согреть стекло, что тронута морозом.

Испив до половины Млечный Путь,
 Остаться верным Солнечной системе –
 Не зачеркнуть, не улизнуть, не обмануть,
 Но счастье ощутить, неся земное бремя!

Я стою предпоследний у смертельной черты –
 всё скупее надежды, приземлённой мечты.
 Краски лета померкли, и завяли цветы –
 я стою предпоследний у смертельной черты.

Тает очередь быстро, и редуют ряды –
 дни летят незаметно, облетают сады.
 Время – дворник с метлою – замечает следы,
 тает очередь быстро, и редуют ряды.

Нас осталось немного – только мама да я,
 во мгновение ока оскудела семья.
 Я уже предпоследний у черты бытия –
 нас осталось немного – только мама да я.

ФОТОКАРТОЧКА

«... и Бог воззовет прошедшее».

Еккл. 3:15

Неужели тот мальчик на фото
 С азиатским разрезом глаз,
 Как сказал посторонний кто-то,
 Станет мной в свой урочный час?

Циклопический глаз объектива,
 Словно Божий провидческий взор,
 Из семейного фотоархива
 На меня наведён до сих пор.

Чёрно-белым зернистым взглядом
 Сквозь потресканный глянец времён
 Неужель ощутил он, как рядом
 Даль, в которую он устремлён?

Лишь одно мою душу тревожит,
 Лишь одно отнимает мой сон:
 Я смотрю на него – или, может,
 Взгляд его на меня устремлён?

Проза

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

ЦЕЛЕБНАЯ СИЛА ЛИТЕРАТУРЫ

Невыдуманные рассказы

Встреча с шаровой молнией

В журнале «Тайны звёзд» № 51 от 13 декабря 2017 года помещена небольшая статья о Михаиле Задорнове, в которой рассказывается о том, как однажды в детстве к нему в комнату залетел через открытую форточку светящийся огненный шар.

«Я завороженно смотрел на шаровую молнию, – говорил Задорнов. – Мне хотелось дотронуться до неё, но рука вдруг онемела. Сестра смотрела на меня в ужасе, мама застыла. И вдруг – раз! – и она вылетела. Наш громоотвод был сожжён напрочь. Потом мама рассказывала, что недалеко нашли мёртвую корову, убитую шаровой молнией. Некоторые говорили, что такая встреча очень серьёзна и ко многому обязывает... Мол, у человека, пережившего подобное, открываются особые способности...»

Читая эту статью, я вдруг отчётливо вспомнил одну любопытную историю, которую мне как-то уже в зрелом возрасте рассказывала моя мама. Речь шла о событии, которое происходило летом 1954 года, когда я был ещё совсем младенцем и спокойно лежал, посапывая, в своей люльке-кроватьке.

Я родился 12 мая этого года, а значит, мне было тогда всего лишь два или три месяца. Жили мы тогда в большом хуторе, который имел название Восьмая группа, а позднее стал называться посёлком Щербакова. Находился он километрах в двух от города Красноармейска в Донецкой области Украины (сегодня этот город получил новое имя – Покровск), и, по сути, этот хутор является пригородом Красноармейска, особенно после того, как пустырь между городом и хутором застроили частными домами. Отец с мамой снимали в нём небольшую мазаную хатку у соседей, живших наискосок через широкую улицу от дома наших бабушки и дедушки. Улица эта носила имя Свободы, на ней ещё был колодец недалеко от дома дедушки с бабушкой. Разместиться в этом небольшом доме молодой семье с детьми (а кроме меня у моих родителей уже была ещё моя трёхлетняя сестра Танька) было весьма неудобно, так как в стариковском доме жил ещё младший

брат моего отца Мишка с молодой женой Милей, а также постоянно толкалась их сестра Любка со своими детьми, поэтому жить нам тогда приходилось в чужой хатке-мазанке поблизости с домом отцовых родителей, так что одну общую еду тогда на бабушкиной плите варили на всю нашу огромную семью.

Я же в те дни находился неподалёку от них – в маленьком домике напротив.

Тогда ещё во всю кипело лето, окно в мазанке было настежь распахнуто, и если бы я вдруг почему-то заплакал, то мама меня бы услышала и тут же прибежала...

В то время, о котором идёт речь, наша большая родня что-то делала возле ворот дедушкиного двора – то ли все рвали вишни на варенье, то ли провожали приходившую к ним в гости Любку с детворой. И в этот самый момент раздался какой-то неожиданный для ясного дня то ли непонятный треск, то ли раскат грома, и вслед за ним посреди широкой хуторской улицы в воздухе вдруг неизвестно откуда возник раскалённый огненный шар – это, как я теперь знаю, была шаровая молния, которая на какое-то время зависла на одном месте, словно оглядываясь вокруг и решая, куда ей дальше двинуться, – и тут она, по-видимому, «увидела» распахнутое на другой стороне улицы окно снимаемой нами хатки, за которым я спокойно спал в своей люльке. Тогда она на глазах у всех и поплыла к этому раскрытому настежь окну, а спустя несколько секунд перевалила через невысокий подоконник и исчезла внутри комнаты.

Онемев от неожиданности и ужаса, мама с бабушкой замерли на месте, уставившись в тёмный проём окна за дорогой. И вслед за этим все в дедушкином дворе вдруг услышали, как внутри домика напротив я огласил окрестности пронзительно громким криком. Наверное, я каким-то образом почувствовал появление рядом с собой этого полыхающего объекта (или же субъекта) и испуганно подал на всю улицу свой громкий голос.

Мама сорвалась с места и кинулась через дорогу к домику, но на половине пути увидела, как ослепительный шар вылетел из чердачного окна, взлетел над крышей хатки, а затем метнулся через забор в соседний двор и нырнул в стоявшую поблизости большую копну сена, приготовленную для коз и коров на предстоящую зиму. И там раздался громкий взрыв, разметавший во все стороны соседского сада клочья подсыхавшей травы...

Ворвавшись в домик, мама нашла меня живым и невредимым, хотя и громко ревушим. А отдышавшись и успокоившись, она увидела в коридоре открытый рядом с лестницей лаз, ведущий на чердак, и поняла, что услышав мой истошный вопль, молния рванулась от моей коечки в коридор, взмыла оттуда через зияющий в потолке открытый люк на чердак, а из него через чердачное окно стремительно вылетела на улицу. Ну, а там она увидела стоявший перед ней стог свежего сена и закончила своё путешествие в его недрах...

Что хотела сообщить мне та заглянувшая летом 1954 года в мою комнатку шаровая молния, я, честно говоря, до сегодняшнего момента так и не понял, и никаких особых способностей за все эти годы я в себе не обнаружил, единственное – это тяга к поэзии, выразившаяся впоследствии в моём сочинении стихов. Но к этому меня могли подтолкнуть и широко раскинувшиеся вокруг нашего городка зелёные поля и степи с романтически плывущими через них тёмно-сизыми терриконами, казавшиеся мне пасущимися на горизонте мамонтами. Как бы то ни было, а тот слепящий огненный шар, что навестил меня на пороге моей зарождающейся жизни, наверное, был неким таинственным посланником какого-то параллельного (или потустороннего) мира, который направил его на эту хуторскую улицу, чтобы благословить меня на лежащую передо мной дорогу в будущее...

«Кто не борется со злом...»

Летом 1999 года нас с Мариной пригласили участвовать в Крестном ходе по Волге на теплоходе «Святой князь Владимир», который останавливался во всех прибрежных городах от Твери до Астрахани, чтобы проводить там православные торжества в честь приближающегося 2000-летия Христианства. Повсюду были встречи, молебны и выступления, и приходившие на них говорили всё то, что накопилось у них на душе, чего они жаждут от властей и от Бога. «Время дележа и разобщения должно кануть в Лету; только вместе мы сможем выстоять и преодолеть все беды», – таким был лейтмотив практически всех выступавших на площадях после молебнов о даровании мира и благоденствия всем славянским народам. «Кто не борется со злом – тот останется козлом», – афористично пошутил в городе Ульяновске владыка Прокл, подталкивая нас всех к активным действиям.

В Нижнем Новгороде над идущим Крестным ходом протянулась сияющая радуга, во многих местах по пути теплохода начинали мироточить иконы, а к приходу «Святого князя Владимира» к причалам туда стекалось огромное количество верующих, которые потом шествовали по городу вместе с ходоками Крестного хода.

Одним из самых запоминающихся в этой поездке мероприятий было посещение нами Раифского мужского монастыря, расположенного недалеко от Казани на берегу красивейшего и по-своему уникального Сумского (ныне Раифского) озера.

Как поведал нам наместник монастыря архимандрит о. Всеволод (Захаров), точного указания о времени основания обители нет, известно лишь, что в 1613 году из Москвы в Казань прибыл благочестивый инок Филарет, поступивший в братство Казанского Спасо-Преображенского монастыря. Спустя какое-то время он попал на берег Раифского озера и построил там хижину, уединившись в которой, посвятил свои дни молитвенному служению Богу. Вскоре о месте его уединения стало известно в городе, и к нему начали приходить его духовные дети и братия, некоторые из которых стали поселяться рядом. Так было основано братство, реорганизованное в 1662 году по благословению Казанского митрополита Лаврентия в Раифскую Богородицкую пустынь.

На сегодняшний день монастырь является действующим и стремительно восстанавливает свои былые красоту и величие. Отреставрированы и возвращены для богослужений Троицкий собор и собор во имя Грузинской иконы Божией Матери, где находится чудотворная икона Грузинской Божией Матери, которая празднуется 4 сентября по новому стилю. По словам отца Всеволода, в 1990 году он, будучи тогда ещё настоятелем Петропавловской церкви города Зеленодольска, возвращаясь из Казанского епархиального управления, промыслом Божиим попал в Раифский монастырь, о котором много слышал, но где ни разу не бывал. И был поражён – обезглавленные храмы, полуразрушенные стены, рухнувшие башни... Территорию занимало «Специальное производственное техническое училище», где содержались малолетние преступники.

И игумен Всеволод решил. Уехав из Раифы, он принялся хлопотать о возвращении обители верующим, и 20 февраля 1991 года в возвращённых руинах начались восстановительные работы. Как? Какими силами? Сегодня этого объяснить нельзя. Но 14 августа, в день празднования Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня, уже состоялось первое богослужение. Первую

литургию приехал служить сам Преосвященнейший Анастасий, епископ Казанский и Марийский (ныне – и Татарстанский). Прибывшие священнослужители были одеты в старые облачения, так как думали, что придётся служить среди строительных лесов и груд кирпича. Каково же было их изумление, когда они увидели полностью готовый и сияющий великолепием храм!..

С того времени прошло уже более двадцати лет, СПТУ полностью выведено за стены обители, все постройки возвращены монастырю. Получивший сан архимандрита отец Всеволод не ждёт, когда кто-то ему что-то подаст или постройт, а просто берёт и делает то, что подсказывает душа. Так здесь был создан приют для детей, в котором на данный момент живут и воспитываются два десятка ребятшек из неблагополучных семей, были и многие другие начинания. Но главное – это то, что в монастыре возобновились богослужения, и именно с ними на обитель возвратилась и благодать Господа.

Но, впрочем, на всё воля Божия; и что касается земных дел, то в большинстве своём они зависят не от наших инициатив, а именно от того, как мы об этом молимся. Так, например, когда монах Филарет в 1613 году создавал здесь своё первое братство, жившие в озере тысячи лягушек так громко квакали, что заглушали своим хором не только молитву, но даже звуки колокольного благовеста! И тогда братия пошла к своему наставнику и попросила его что-нибудь сделать. «Господи! – истово взмолился Филарет к Богу. – Соверши чудо, избавь нас от этого шума. Пускай лягушки живут в этом озере, но пускай они больше не квакают». И с той поры, вот уже триста с лишним лет, озеро словно онемело. Говорят, что недавно сюда даже приезжали французские учёные, ставили по всем берегам сверхчувствительные микрофоны и телекамеры, записывали поведение лягух в период их брачной активности – и недоумевали! Лягушки в озере живут, спариваются, размножаются, но... Но при этом молчат, как партизаны на допросе. Триста с лишним лет – и ни единого квака!

Встреча с «Вратарницей»

...Нагулявшись однажды по тропинкам переделкинского Дома творчества и насобирав на лужайках земляники, мы с женой зашли в старинную церковь недалеко от железнодорожной станции «Переделкино». Церковь носила имя праздника Преображения, но один из его приделов был посвящён митрополиту Филиппу (Колычеву), убиенному при Иоанне Грозном его подручным Малютой Скуратовым. Храм имеет очень оригинальную архитектуру, его тёмные сводчатые лабиринты сразу настраивают душу на трепетный исповедальный лад.

– А где икона святителя Николая? – спросил я у одной из женщин в храме, не найдя сразу образ своего небесного покровителя.

Она показала. А затем, когда я уже отходил от неё, она вдруг тронула меня за рукав и сказала, что там-то и там-то у них находится чудотворная икона Божией Матери «Иверская».

«Иверская» – моя любимая, она висит в центре моего домашнего иконостаса, да и первым храмом после моего переезда в 1994 году в Самару была церковь Иверского монастыря. Поэтому я очень обрадовался. И пройдя в центральную часть храма, повернул, как объяснила мне эта женщина, направо и... никакой «Иверской» не увидел.

Тут из алтаря вышел строгий священник, и я спросил у него, где тут у них находится чудотворная икона.

– Вон там, – кивнул батюшка на высокую металлическую дверь бокового выхода.

– А можно её увидеть?

Священник посмотрел на меня с каким-то явным недоумением, словно я спросил у него о чем-то, лично ему не подвластном, и тихо ответил:

– Попробуйте...

Я подошёл к двери. Она была закрыта на засов, отодвинув который, я легко открыл её. За ней оказался небольшой каменный коридорчик, как бы тамбур, из которого был выход уже непосредственно на улицу. В нём висело несколько икон, горела лампадка, но «Иверской» там тоже не было.

«Где же она?» – опечалился я и вдруг увидел ещё одну дверь справа, запертую на массивный металлический засов, в проушине которого висел тяжёлый амбарный замок. «Ну вот, – мелькнула догадка, – то-то батюшка и сказал нам: попробуйте... Видно, Заступница Сама решает, кого допустить к Себе, а кого – нет».

Молясь про себя Богородице, я подошёл к двери, и с огорчением потрогал холодный замок. И тут же – о чудо! – увидел, что он оказался вдетым не в обе проушины, а только в одну, и, осторожно потянув засов, я отворил дверь.

Вниз, в полумрак, освещаемый только горящей лампадой, вели три ступеньки, и там, в небольшом придельчике метра три на три, а то и меньше, находилась Она – чудотворная икона нашей Небесной Заступницы.

Что икона эта непростая, почувствовала даже моя крещёная, но невоцерковлённая на тот момент жена.

– Смотри, у Неё же живые глаза, – изумлённо шепнула мне в тишине полуподвальчика Марина. – Она ими как будто читает мою душу...

И это было действительно так, и не почувствовать этого было невозможно. Икона безмолвно разговаривала с нами, считывая с наших душ самые сокровенные помыслы и тревоги. И не знаю как, но я почувствовал, что они тут же становятся известными и нашему Спасителю...

Позже мы ещё несколько раз приходили в этот храм, и каждый раз это сопровождалось проявлением каких-нибудь маленьких Божьих милостей. Так, например, у нас с собой не было православного календаря, и мы не могли следить за церковными праздниками. Но Господь знает, как подать знак Своим детям. В один из дней наши соседи по столу в столовой Дома творчества – пара пожилых писателей-драматургов – попросили нас сходить за три километра на станцию и купить им газету. Выполнив их просьбу, я решил вдруг купить газету и себе (хотя ехал в Дом творчества как раз отдохнуть от всякой политики) и, открыв её, тут же прочитал, что сегодня – день памяти митрополита Филиппа. Мы сразу же поспешили в церковь, и хоть на службу уже не успели, но по свече перед иконой убиенного митрополита поставили.

Ну а главное, что мы в этот день сделали перед чудотворным образом «Иверской» иконы, это – помолились о даровании нам возможности переехать из Самары, где становилось всё труднее жить, занимаясь литературной критикой, в столицу, и «Вратарница» (а именно таким является второе имя этой иконы, висевшей в своё время у въезда в стольный город) любезно распахнула перед нами врата Москвы, так что без всяких авантюр и хитростей мы совершили обмен самарской квартиры на московскую и ранним утром Светлого Воскресенья 1997 года въехали в столицу России...

Конечно, придавать чрезмерное значение всем подряд приметам и совпадениям, наверное, не стоит – это будет явно лишним. Но видеть те маленькие зёрна Божьих чудес, которые Он дарит нам в повседневной жизни, всё-таки необходимо. Ведь они – свидетельства того, что Он любит нас даже такими, какие мы есть. И как же нам после этого не стремиться стать хоть немножечко лучше?

Подарок из Сухиничей

...В конце одного из августов мы с поэтом Юрием Лопусовым и его женой Татьяной сели на Киевском вокзале в купейный вагон 47-го поезда и в 19.30 выехали из Москвы в Тирасполь. За чаем, разговорами и чтением стихов не заметили, как миновали Московскую область и за окнами вагона сгустилась чёрная августовская ночь. Почувствовав накопившуюся за день усталость, я забрался на верхнюю полку и, слушая, как колёса на стыках выбивают синкопы таинственной мелодии, машинально начал заполнять её текстом какого-то рождающегося стихотворения: «Приднестровье рифмуется с кровью, / с безответной к России любовью, / с неустройством судьбы, и не скрою – / с остро в сердце саднящею болью...» Незаметно для самого себя я задремал и ненадолго выпал из реальности...

Очнулся я от окутывавшей меня тишины и понял, что поезд стоит на станции. Часы на руке показывали полночь, я свесился головой с полки, отогнул занавеску и выглянул в окно... И в ужасе отшатнулся! По перрону, чётко оттенённые светившимися со стороны вокзала фонарями, грузно покачиваясь из стороны в сторону, прогуливались вдоль вагонов какие-то страшные двухметровые монстры с торчащими над их головами полуметровыми то ли ушами, то ли рогами. С изумлением всмотревшись в это жутковатое видение, я тихо рассмеялся и спрыгнул вниз. Слава Богу, это оказались не чудовища, а обыкновенные люди, на груди и спине которых висели огромные мягкие игрушки – медведи, куклы, черепахи, собаки, а на плечах сидели большущие ушастые зайцы.

– Что это за станция? – выйдя в тамбур, поинтересовался я у стоящей на перроне проводницы.

– Сухиничи, – сказала она и сурово предупредила: – Сейчас уже отправляемся.

Но я всё равно спустился на перрон и подошёл к одной из торговых. На её шее висели целые связки всевозможных тряпичных, плюшевых, меховых, говорящих, пищущих и немых игрушек, а на руках она держала двух крупных белоснежных длинношерстных кошек. Кошек-игрушек. При этом у одной из них голова была повёрнута налево, а у другой – направо.

– Почём кошки? – спросил я, вспомнив, что 4 сентября – день рождения у моей дочки Алинки и надо привезти ей из командировки подарок.

– 250 рублей.

Я полез в карман и вдруг с досадой вспомнил, что деньги остались в пиджаке.

– Мужчина, войдите в вагон, поезд отправляется! – раздался за моей спиной жёсткий голос проводницы.

С сожалением посмотрев на великолепную зеленоглазую кошку, я поспешил к двери уже дёрнувшегося состава. «Ладно, – успокоил я себя, – на обратном пути обязательно куплю ей такую же красавицу», – и, возвратившись в купе, тут же разделил напополам свои небогатые командировочные и отложил в отдельный карман деньги на её покупку...

...Тирасполь – это не просто внешне красивый собой город, но географическая точка, в которой явно чувствуется некая разлитая повсюду (или исходящая из недр земли) благодать, что-то сродни тем биоэнергетическим полям, на поиски которых люди отправляются на Алтай и в Тибет. Здесь фактически нет проституции (хотя в любой из гостиниц России, где мне пришлось жить во время своих многочисленных командировок, едва только переступаешь порог номера, сразу же раздаётся звонок «бригадирши», предлагающей интимный отдых с девочками, – и подобными предложениями тебя там терроризируют круглыми сутками). Здесь я также не видел ни пьяной молодёжи, ни уличных драк, не встречал бомжей, беспризорных и нищих. Стоят, правда, в центре города несколько благообразных старушек с кружечками для милостыни, но и те воспринимаются больше как следование московской моде.

Зато какие повсюду разлиты покой, тишина, ароматы цветов, птичье пенье и стрёкот цикад, как ярко белеют среди сверкающей в потоках южного солнца листвы корпуса пятиэтажных домов, как завораживающе притягивают к себе взгляд зелёные воды Днестра! Я не смог удержаться и написал здесь большое стихотворение, которому дал название «Приднестровский постмодерн». Вот оно: «Чуден Днестр при тихой погоде, / пляжи его многолюдны и полны. / Девушки раздеваются при народе / и окунаются в тёплые волны. // Жмётся от солнца под ивы свежесть, / клёны канадские душно дышат. / Из-под моста вылетая, стрежень / белых барашков отару колышет... // Когда же, как стадо, рванув из хлева, / пойдут вдоль него бэтээры с гулом, / Днестр наливается чёрным гневом / и напругается, словно дуло. // Жизнь не шадя, не ценя седины, / пули над ним загудят, как улей... / Редкая пуля до его середины / долетит, не столкнувшись со встречной пулей. // Век, наподобие постмодерниста, / топит все смыслы в кровавых хохмах. / Рушит все наши святыни вниз он, / вместо морали суя сыр «Hohland». // Долго мы строили дом для счастья, / каждый свой шаг сверяя по Ленину. / Смотрим – опять урод получается, / какого не выдумать и Пелевину...»

Я стоял на горячем песке и смотрел на белеющий на противоположном берегу реки Дом Правительства, парк, памятник взлетающему на коне генералиссимусу А.В. Суворову, сверкающие золотом на солнце купола возведенного в 1999 году храма Рождества Христова, застывший на пьедестале танк Победы.

Господи, да каким же это надо быть чудовищем, чтобы стрелять по этой удивительной красоте? Это же не город, это поэма солнца, воды и винограда, которую вышептывает листвой платанов и акаций горячий ветер...

Вечером, выйдя с Юрием Лопусовым прогуляться по приднестровской столице, я поражённо остановился... Вокруг, точно в далёком тихом селе, раздавались переливчатые трели сверчков. Запах южных деревьев, шелест листвы и звуки ночных цикад сами не могли не запроситься в строчки ещё неведомого стихотворения, которое я, остановившись под фонарём, записал в блокнот: «В Тирасполе ночном поют сверчки. / В столице тихо, как на сеновале, / где мы однажды, сбросив рюкзаки, / у бабки в турпоходе ночевали. // Вокруг, как море, бушевал июнь, / вздымая к звёздам запах разнотравья. / Я был влюблён в весь мир тогда и юн, / не ведая о будущем бесправье. // Теперь стою – и небо до зрачков, / скрывая свет в грядущем, опустилось... / Ночной Тирасполь. Музыка сверчков... / Неужто мне полжизни – лишь приснилось?...»

По окончании отзвучавших праздничных мероприятий и встречи с Президентом Приднестровья Игорем Смирновым нас отвезли на вокзал. Обратный

поезд на Москву отходил из Тирасполя в 2.12, а спустя каких-то 30-40 минут нас ожидала по пути самая придирчивая, по рассказам всех ездивших через неё, таможня в Кучурганах, где молдавские таможенники обшаривают все до единой сумки и отбирают у пассажиров каждую лишнюю бутылку коньяка (норма вывоза – две бутылки).

«Сядем в Тирасполе ночью глубокою / в поезд, идущий к Москве, / чтобы, по-русски колёсами окая, / в вязкой поплыть синеве... // В утреннем воздухе смутно завидится / станция, как в мираже. / То ль это Жмеринка, то ль это Винница, / то ли Казатин уже?..»

Не знаю почему, но дорога почти всегда навевает мне рифмы, у меня даже сложилось такое ощущение, что поэзия висит над землёй, точно дождевые облака, и всякий раз, попадая в такую поэтическую «зону», оказываешься орошённым ею, точно «слепым» летним дождичком. А выехал из-под такого «облачка» – и опять «сухой», опять говоришь и мыслишь прозой... Вот и сейчас так же – стоило только увидеть мне название промелькнувшей за окном станции «Семиполки», как откуда-то из творческих уголков подсознания моментально выпорхнуло лёгкое, словно бабочка, и не обязывающее ни к продолжению, ни к поиску какого-то скрытого смысла, четверостишие: «На платформе «Семиполки» – / люди злые, словно волки, / в ожиданье электрички / воют в небо по привычке...» А какое-то время спустя пришли уже совершенно иные по настроению и теме строчки: «Я проехал Посемье, Посулье, / всё пытая себя: как же так, / что по всем этим землям, по судьбам – / перестройка прошлась, точно танк?..»

Но писать о перестройке и её чёрных делах мне не захотелось. Я вообще считаю, что сегодняшняя литература должна нести в себе больше света, а не обличений. Это в первые годы нашего противостояния либеральному нашествию было необходимо объяснить людям, кто есть кто и что есть что в современной политике и экономике, а сегодня все уже и без писательского слова видят, насколько им легче стало жить от покупки Абрамовичем английского футбольного клуба «Челси» и как сильно облегчило жизнь стариков приобретение Вексельбергом яйца Фаберже. А потому сегодня надо писать не о том, как всё вокруг стало плохо, а о том, что надо делать, чтобы стало лучше. Нужно напитывать душу читателя верой и оптимизмом, поддерживать в нём высасываемые рынком силы, столь необходимые ему как для борьбы за Россию, так и для продолжения своей собственной судьбы...

Увидев, что поезд подходит к станции Сухиничи, я накинул кофту и вышел в тамбур. Едва проводница открыла наружную дверь, я выскочил на платформу и завертел головой в поисках куклоносов. Надо же, в прошлый раз вдоль всего поезда ходили целые отряды продавцов медведей и зайцев, а сегодня ни одного не видно...

И в это время я увидел впереди женщину с двумя белыми котярами в руках. В свете фонарей волшебным образом посверкивали крупные изумрудные глазищи. Не дожидаясь, пока она дойдёт до моего вагона, я сам поспешил ей навстречу, на ходу вынимая из кармана приготовленные деньги. Пусть уж я не успеваю возвратиться домой к сегодняшнему дню рождения своей дочки, зато проснувшись завтра утром, она обнаружит рядом с собой на кровати великолепного белого котёшка. Надо же устроить ей хотя бы маленький праздник. Тоже ведь – своего рода маленькая республика. Такая же гордая и независимая, как ПМР. Но, слава Богу, признанная. По крайней мере, папой и мамой...

Целебная сила литературы

На днях съездил в кардиологическое отделение Института хирургии, где лежит в ожидании уже второй операции мой друг из города Старица Тверской области Виктор Хотулёв. Он сам хирург и всю жизнь спасал жизнь другим людям, а вот теперь довелось лечь на операционный стол и самому. Сердце. Из-за стрессов у него так забились аорты, что сквозь них уже почти не проходит кровь. А стрессы – это результат его работы в местной газете, которую он ведёт параллельно своей хирургической практике. Он там пишет обо всём и обо всех одну только правду и нажил из-за этого множество врагов, которые украли у него в отместку машину, пишут на него начальству анонимки и делают кучу других гадостей, которые и привели его на больничную койку...

Вот вам удивительный пример воздействия литературы на людские судьбы! Можно утверждать, что Виктор в буквальном смысле слова обязан своей жизнью книге Юрия Полякова «Козлёнок в молоке». Дело в том, что незадолго до начала первой операции на сердце он увидел меня и Марину в одном из телевизионных репортажей с празднования Юриного 50-летия, где прозвучало упоминание об этом романе, и ему стало страшно досадно, что вот-де, мол, случись вдруг ему завтра умереть на операционном столе, а он так и не прочитает этого знаменитого произведения. И весь период подготовки к операции и во время неё он не переставал повторять про себя, как заклинание, своё желание: «Только бы мне выжить и прочитав “Козлёнка в молоке”, только бы мне прочитав “Козлёнка...”» Во время операции с ним случилась клиническая смерть, но мечта прочитав Юриного «Козлёнка» оказалась сильнее болезни, и ему удалось выкарабкаться.

Узнав обо всём этом, я срочно купил в магазине этот замечательный роман, поехал в «Литературную газету» и попросил, чтобы Юра написал на книжке Хотулёву свой автограф, а потом съездил в больницу и передал Виктору книгу, подписанную Поляковым. Дай Бог, чтобы она помогла ему и при второй операции...¹

«Я дышу – и значит, я люблю!...»

«Страна любви – великая страна», – написал когда-то Владимир Высоцкий, который мог бы сегодня отметить уже 80 с лишним лет, если бы не ушёл от нас в то олимпийское лето 1980 года. Это одна из лучших его песен, в которой нет разрыва между одинаково высокими уровнями качества поэтического текста, музыки и исполнения:

«Когда вода Всемирного потопа / вернулась вновь в границы берегов, / из пены уходящего потока / на берег тихо выбралась Любовь – / и растворилась в воздухе до срока, / а срока было – сорок сороков... // И чудачки – ещё такие есть – / вдыхают полной грудью эту смесь, / и ни наград не ждут, ни наказанья, – / и, думая, что дышат просто так, / они внезапно попадают в такт / такого же – неровного – дыханья. // Я поля влюблённым постелю – / пусть поют во сне и наяву!.. / Я дышу, и значит – я люблю! / Я люблю, и значит – я живу!...»

В подавляющем большинстве тексты других песен Высоцкого вообще имеют с поэзией только самые формальные признаки родства – написание «в стол»

¹ Книга Юрия Полякова действительно помогла Виктору Хотулёву, и он счастливо перенёс вторую операцию.

бик», рифмованные окончания строчек да довольно расхлябанные поэтические размеры, усугублённые беглыми гласными (как в «Баньке по-белому») и орфографически неправильными простонародными выражениями.

По сути дела, песни Высоцкого следовало бы относить вовсе не к жанру поэзии, где они всегда будут находиться в роли этаких припёршихся из глухого села неотёсанных дальних родственников, а – к жанру музыкально-поэтического театра, так как практически все они – скорее эдакие двух-трёхминутные мини-спектаклики, выстроенные с помощью рифмованных диалогов и монологов или же последовательного изложения сюжетной истории от третьего лица. С творениями Владимира Семёновича у меня давние и очень тесные взаимоотношения – я полюбил его песни и голос с самого первого прослушивания, поймав по старенькому радиоприёмнику «Рекорд» один из его первых концертов, который «крутил» в эфире кто-то из местных радиолюбителей. Не знаю, насколько это было распространено в других городах СССР, а в моём родном Донбассе радиолюбители были столь же многочисленны, как и голубятники, и создание собственных радиостанций было почти повальным увлечением. Собственно, созданием небольшой по мощности радиопередающей установки, главным элементом которой являлась катодная лампа 6П-3С, любовь непосредственно к радиodelу у многих этим и ограничивалась. Их простенькой аппаратуры вполне хватало для того, чтобы без всякой регистрации, самозванно выходить в эфир на средних волнах в районе 250 м, болтать с такими же радиолюбителями или тешить жителей городка трансляцией имеющихся под рукой магнитофонных записей. Левый край шкалы средних волн был буквально забит продающимися сквозь трески и хрипы песнями «битлов», Высоцкого и завывающих под гитару блатными песнями местных авторов.

На протяжении более двух десятков лет Владимир Высоцкий был для меня главным кумиром, песни которого я мог слушать день и ночь подряд, – до той самой поры, пока не начал ходить в храм, причащаться и читать Евангелие. Потому что когда я спроецировал написанное моим кумиром на оставленные нам Спасителем заповеди, то с ужасом увидел, что среди них не существует практически ни одной, которую бы поэт так или иначе не переступил в своём песенном творчестве.

Кто знает, может быть, на Страшном Суде эта единственная песня Высоцкого о любви как раз и перевесит собой чашу всей сочинённой им ради красного словца еретической белиберды типа «Песни про непорочное зачатие, плотника Иосифа и святую деву Марию», сопровождающейся кошмарным для души всякого слушающего её человека припевом: «Смейся, смейся, сатана»? Потому что любовь – это самое весомое из того, что нам дано в этой жизни, и она способна искупить собой все наши самые страшные грехи.

«Я дышу, и значит – я люблю! Я люблю, и значит – я живу», – написал в своей лучшей песне так и не разлюбленный мною, несмотря на его еретические огрехи, Владимир Семёнович Высоцкий, и я повторяю вслед за ним эти строки, точно целительное заклинание, которое обещает мне впереди ещё долгие и счастливые годы настоящей любви...

Гвоздь Господень

Сегодня в семь часов утра поднял свою жену Марину, а также дочек Алинку и Яну, и мы все вместе поехали в расположенный в подмосковном городе Дзержинском Николо-Угрешский монастырь, где по благословению Патриарха на днях была выставлена для поклонения величайшая святыня христианства – Гвоздь Господень, хранившийся ранее в закрытом фонде Московского Кремля. Как говорит настоятель монастыря игумен Варфоломей, сегодня впервые за многие годы всем верующим дана возможность во время Великого поста прийти и приложиться к этой величайшей христианской святыне, через которую Господь посылает всем Свою помощь, исцеление и благодать. Ведь после революции 1917 года Гвоздь Господень был надолго упрятан от глаз православных россиян и ни разу не выставлялся для поклонения.

Вообще же история этой святыни такова. Спустя несколько столетий после того как Иерусалим был разграблен, разрушен и сожжен дотла, царица Елена со своим сыном Константином отправилась на Голгофу и отыскала там на месте казни Иисуса Христа три заваленных землёй креста. Их поочередно возложили на умершую недавно женщину, и от прикосновения одного из них она воскресла. Так определили крест, на котором был распят Спаситель. Рядом же отыскивали и четыре кованных гвоздя длиной 20 сантиметров.

На сегодня известна судьба трёх из этих гвоздей: один находится под куполом Домского собора в Милане (раз в год, в Страстную Пятницу, его опускают для поклонения верующим), другой хранится в Соборе Парижской Богоматери, а третий – в России. Когда-то он был послан святым равноапостольным князем Константином грузинскому царю Мариаму и хранился в Грузии, а в XVII веке грузинский царь Арчил привёз его в Москву. С тех пор он хранился в Успенском соборе Кремля и в дни Великого поста выносился на поклонение православным, но после октября семнадцатого года эта традиция была насильственно прервана.

И вот этот самый Гвоздь Господень опять явлен русскому народу, и мы в числе многих других верующих смогли сегодня приложиться к нему и испросить себе у Господа прощения и помощи. Хотя, если говорить честно, то в тот момент, когда, отстояв гигантскую очередь, я наконец-то оказался лицом к лицу перед этой святыней, то всё, в чём я хотел попросить у Господа помощи, мгновенно вылетело из моей головы и остались только немота и душевный трепет. Сознание оказалось словно бы парализовано мыслью о том, достоин ли я вообще прикладываться к такой святыне, а не то что еще и выпрашивать себе у Бога какие-то особые милости? Хочется, правда, верить, что Он и без наших слов знает всё то, что мы хотели Ему сказать и о чём хотели попросить, и даст каждому если уж и не по нашим заслугам (откуда они у нас возьмутся?), так по Своей безграничной милости и человеколюбию...

Отстояв долгую, трёхчасовую, очередь на холоде и еще час в храме, мы приложились к Гвоздю и выставленным рядом с ним мощам Иоанна Предтечи и Георгия Победоносца, после чего подали записочки для молебна, помолились и отправились на автобусе обратно в Москву...

Поэзия

Сергей КРЮКОВ

Сергей Крюков – член СП России, поэт, прозаик, переводчик. Родился и живёт в Москве. Образование высшее техническое и высшее гуманитарное. Автор трёх книг лирики. Член Высшего творческого совета МГО СП России. В разные годы – редактор журнала «Поэзия», менеджер журнала «Плавучий мост», арт-директор клуба ТД «Библио-Глобус» «Литературные зеркала». Входит в редсовет журнала «Перископ».

Путь заново начать

СВАСТИКА

Когда-то, видя Божью милость,
любым светилам в унисон,
по небу свастика катилась
славянским алым колесом.

Тот символ был солнцеворотом,
теперь же – всё наоборот:
не может радовать полётом
губительный водоворот.

Давно уж свастики – не звёзды.
В них переломаны лучи.
На этих чёртовых колёсах
смерть необузданная мчит.

Её обугленные краски
крошатся следом в колее,
и гром четырёхгранной тряски
разносится во злобной мгле.

Те обескровленные звёзды,
ползущие из тьмы веков,
похожи на жуков навозных
и ядовитых пауков...

России непреклонно кредо:
недопустима бездны власть! –
и наши доблестные деды
в Европе раздавили мразь.

Нацизм повержен был в руины,
чтоб мир от края отвести.
Но у нацистов Украины
всё те же символы в чести.

И омерзительно, и жутко...
Но ты надейся и не трусь:
нет, пауки не расползутся,
пока жива Святая Русь.

Волны света должны пересечься –
И тогда, моя радость, тогда
Путь от дальних ворот до беседки
Одолееет призыв – без труда.

Свет – ведущий, зовущий, манящий –
Неизбежно сменяется тьмой.
Яркой, выпрненной тьмой, настоящей,
Ослепляющей жизнью живой.

Ну а после того как сплетутся
Двое в нитях незримых тенет,
Пусть хотя б на короткие сутки
Потускнеет предательский свет.

Лишь во тьме, проницаемо ясной,
Переполненной сном тишины,
Осязаемо, зримо, контрастно
Те незримые нити видны.

С годами всё реже и реже
Выходишь посмотреть на закат,
Но всё же порою, как прежде,
С природою встретиться рад.

Закройся от меня – и не смотри,
Несметных фотографий очи вперив.
Немые звёзды, словно упыри,
Вытягивают соки из артерий.

Всплкнула тревожная птица
Над речкою цвета небес,
И красное солнце садится
За чёрный взьерошенный лес...

Опустошённый, больше не могу
Себя терзать заочным поединком.
Без крови – на остуженном снегу
Пустое сердце сократилось льдинкой.

И кажется, тихо и робко
За сумраком леса вдали
Огромная божья коровка
Сползает за кромку земли.

Я не могу молчать. И не молчать
Я тоже не могу в беззвучном споре...
Как жаль, нельзя нам заново начать
К обрыву путь.
А звёзды смотрят в море.

Спелые звёзды нависли над речкою.
Хочешь – привстань и сорви!
Видно, с рождения тяга к извечному
У человека в крови.

Милый пёс! Никак на склоне дня
Отпускать не хочешь ты меня,
Тычась носом в кисть моей руки:
«Приласкай! А то умру с тоски!»

Чтоб не спугнуть эту ночь
несказанную,
Молча замри не дыша:
Слышишь ли ты,
как в минуту желанную
Тянется к звёздам душа!

Почешу, поглажу, потреплю...
Всю я вашу братию люблю.
Как и ты, который день подряд
Я в ладонь уткнуться был бы рад.

Речка расплавила лунное олово,
Тянется струйка к ногам.
Жить на земле, ты поверь уж мне, –
здорово!
Дёшево жизнь не отдам.

И опять, прижавшись как родня,
Отпускать не хочет пёс меня,
Всё бодает кисть моей руки:
«Приласкай! Умрёшь ведь от тоски...»

Сад переспел.
Синее ночи сливам
Пришла пора стучать в земную грудь.
Осенний сад,
Уставший быть счастливым,
Плоды на землю силится стряхнуть.

Тугим ветвям,
Упёршим длани в землю,
Пора ловить дыханье ветерка.
И, разогнувшись, верховому стеблю
Давно пора царапать облака...

Как незаметно вырастают внуки!
Держать их на весу –
Немеют руки.

Я брошу камень по воде –
И звон рассыплется кругами
Цепочкой между берегами,
Затихнув – в долгой борозде...
За ним пуцу я и второй.
Тот ухнет в воду неуклюже.

Господь разбрасывает души
Весьма по-разному порой.
Они летят сквозь облака,
Пространства жизни рассекая...
Я верю, что мою пуская,
Его не дрогнула рука.

ЧЕХОНЬ

Вы похвалить меня могли бы:
Мой кулинарный опыт мал,
Но я умею жарить рыбу,
Особо ту, что сам поймал.

Я выхожу порою поздней
Вершить охоту из охот.
И ночью ясной, ночью звёздной
Меня порой удача ждёт.

Кося на стрежень, потихоньку
Браздя небесную струю,
Луна серебряной чехонькой
Переливает чешую.

И мне ни капельки не жалко,
Что не найти такой уды,
Чтоб эта славная рыбалка
Дала съедобные плоды.

Напрасно нынче рыбки хочешь.
Шальное сердце, охолонь!
Сегодня мне не хватит мочи
Словить небесную чехонь.

СНЕГОПАД

Кто-то с неба рассеивает конфетти.
На лету их ловит мальчик лет пяти.
То припустится вдогонку во всю прыть,
То подпрыгнет, чтоб ладошками
схватить... –

И забавней ничего на свете нет.
И не помня, сколько мне сегодня лет,
Я и сам бы с наслаждением пошёл –
Зиму-зимушку подёргать за подол.

Молодые Голоса

Тит ГОРСКИЙ

Тит Горский (отец Иоанн Казадоев) родился в 1985 году. Священник Русской Православной Церкви Московского Патриархата. Окончил факультет химии Вильнюсского государственного университета, факультет химии Коркского университета и Институт дистанционного образования по программе «Теология» на базе Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ). Некоторые произведения Тита Горского публиковались в тематических и поэтических сборниках. Живёт в Ирландии.

Из колодца умоюсь водой

В подорожных цветах и примятой крапиве,
Там, где тенью листвы манит тихая грусть,
Прислонившись щекой к увядающей иве,
Молча смотрит в глаза мне Священная Русь,
Облачённая солнцем в багряные ризы.
Тонким ситцем на плечи спадает закат.
Вплетены в Её волосы, словно эскизы,
Вереницы дорог, хвоя горьких утрат.

Что во взгляде Твоём, отражаясь лучисто,
Прогоняет из сердца немую тоску?
Горицвета ли блеск на холмах золотистых,
Или солнце в росе на весеннем лугу?
Может, это струится сиянье рассвета
На поверхности вод ледяного ручья?
Но на все вопрошания вместо ответа
Материнской слезой дрогнет вечность Твоя!

В подорожных цветах и примятой крапиве
Распростёртым объятьем раскинулась даль.
В заходящих лучах на белеющей ниве
Твои чада запели Пасхальный тропарь.

О ДРУГИ, КАК ЖЕ ОБМЕЛЬЧАЛИ МЫ!

О други, как же обмельчали мы!
Да ведомо ли нам, каких лишений
Для прославления знамён своей страны
Вкушали лучшие
из прежних поколений?

Иль память наша стала так больна,
Что, променяв на хлеб остатки стати,
Мы позабыли родовые имена
Прославивших тебя, Россия-мати!

Ведь сказано, как греясь от свечи,
Кто в милотях, а кто и в козжих кожах,
Не возмущая тишины ночи,
Подъяли труд, а не покой на ложах.

И сохраняя верность сквозь года,
Гнушаясь подаяний и доносов,
Всходили, как алмазная звезда,
Кулибин, Циолковский, Ломоносов!

Сыны отечества, чего дрожите вы?
И от чего хрипит глухая нота
В момент, когда должны
звучать псалмы,
А не тревожить сытая икота.

Очнись, беспечно спящий люд!
Россия требует от нас свершений новых,
Чтоб новых гениев мы узрели салют,
Суворовых, Донских и Ушаковых!

СКОРБНЫЙ ВЕК

Скорбный век,
скудость чувств и мыслей,
Серых дней временная вязь.
Запах воздуха ржаво-кислый,
Под ногами не снег, а грязь.
И в полях дует хлесткий ветер,
Затянула просветы хмарь.
То ли тягостный зреет вечер,
То ль чадит поднебесье гарь.
Это всё непременно было.
Вопиет к небесам земля,
Или братская то могила
Хриплым стоном пугает меня:
"Погоди, не ходи, не надо..."

В край угрюмый, унылый край,
И какая за то награда,
Пыльный цинк да надежда на рай?
Попираемый отовсюду,
Будешь вечно покой искать.
Проклят тебя, как Иуду.
Тем предашь и отца, и мать!"
Но устало глядит на запад
Пара зорких раскосых глаз.
Уж знаком этот смутный ропот,
И постыл этот грозный сказ.
Коль родство тебе не по нраву
И пугает своя же речь,
Русский сын за свою державу
Вновь поднимет и щит и меч!

ПОПУТЧИК

Литую сталь сковали в полотно,
И научились извлекать такие звуки,
Что кажется, отнюдь немудрено,
Заслышав их, уснуть, под перестуки.
Чарующий двухтактный метроном
Материю души со знанием дела
Умеет ворошить почти тайком,
Нисколечко не потревожив тела.
И вторят тем ударам в унисон
В купе сердца уставших незнакомцев.
В осенней тьме становится вагон
Живым пунктиром блекнувших оконцев.
Приглушен свет, хотя никто не спит,

И ложечка звенит в пустом стакане.
Похоже, совесть ставит мне на вид
Початый груз во внутреннем кармане.
Локомотив летит на всех парах!
Попутчик резок и немногословен.
Но всё читается в задумчивых глазах,
Как если бы он в чём-то был виновен.
Однажды мы доедем, Человек,
Туда, где встретят лебедь, рак и щука.
И вереницей ломовых телег
Потянем скарб увесистого вьюка –
Обид и осуждения друг друга.

ЗВОН МЕДНОГО ОБОЛА

*«Человек, дай мне медный обол, – призывает Господь, –
и Я отсыплю тебе тысячу талантов золота!
Но только дай мне твой медный обол!»*

Прп. Варсонофий Великий

– "Да, брат, последние настали времена,
Поверь рассказу честного бродяги.
Я видел, как в питейной сатана
Попа поил из филигранной фляги.
Ты мнишь, что вздор и пьян был я?
Изволь,
Но я продолжу про того халдея!
Не видывала разбитная голь
Такого брандахлыста, фарисея!
Урезать муху всяк мастак, старо,
А вот кутить – иное, брат, искусство.
Такое там творилось болеро,
Что, право слово, без купюр, беспутство.
А утром срам и задушевный вой,
Не проще ли таких топить в пучине?"

Хотя, пожалуй, то решит запой.
И поделом такой расклад
ему, скотине!"
– "Я вижу, путник, ты красноречив,
Но скор на суд и лёгок на расправу,
На это дело наш народ ретив –
Всё обратит в публичную забаву.
Знавал и я служащих алтаря,
Чьи руки – в кровь истёртая щепоть.
Им каждому досталась своя
Изжаленная, раненая плоть.
И ты не слышал в зыбкой тишине,
Как мрамор освящённого Престола
Звенел от слёз, разлитых по стране,
Упавшим звуком медного обол".

ИЗ КОЛОДЦА УМОЮСЬ ВОДОЙ

Из колодца умоюсь водой
Да рубаху надену русскую.
Вместе с совестью сирой, нагой
Побреду я тропкою узкою.

По горбатым холмам, сквозь лес
Праздных мыслей, противоречия.
Там перстом в ребро тычет бес.
Правдоруб жнёт плоды злоречия.

Душно-совестно... Эх, заря!
Полноводной рекою льётся
В небеса, а кругом земля,
На которой, даст Бог, спасётся

Мой народ, моя честь, мой мир.
Только голос извне глаголет:
"Как зайдёшь ты на званный пир,
Коль глаза твои правда колет?"

Что ни шаг, то овраг и мрак
Начинай всё, дурак, сначала.
В хмельной дымке вновь вижу, как
На руках меня мать качала.

Незабываемое

Владимир ЛАНДЕР

ПЕРОМ ПРОДОЛЖИТЬ ТВОРЧЕСКОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ...

Она шла в Мингорисполком: надеялась, что ей там все-таки предложат работу. А мысли одна за другой, как в том калейдоскопе, выдавали на-гора какие-то странички ее такой еще коротенькой двадцатилетней жизни. Вдруг вспомнилось, как председатель комиссии развел руками: «А для вас, Лилия Максимовна, в Минске, к сожалению, нет места по специальности».

Так случилось, что она еще на четвертом курсе влюбилась. Да так, что на предложение молодого лейтенанта Кременского выйти за него замуж тут же согласилась. И уже была готова вечно сидеть на чемоданах и, как та ниточка за иголкой, мотаться по военным гарнизонам. Ведь именно так прожила ее мама, Ольга Мартыновна, с отцом, кадровым офицером, полковником Максимом Васильевичем Продоновичем.

Ее родители были из одной деревни под названием Зембин, что в тридцати километрах от Борисова. Там они родились, жили и поженились. За их спиной осталось много военных городков. Старшая дочь Лилия родилась в Перми, а Маргарита – через пять лет – уже в Уфе, где и застала их война. Максим Васильевич ушел на фронт, а телефонистка Ольга Мартыновна, по законам военного времени, сутками пропадала на работе, и вся домашняя работа легла на плечи шестилетней Лилии.

Семья жила в коммуналке. К соседям подселяли эвакуированных, а к Продоновичам добралась с двумя малолетними детьми землячка тетя Маруся и целыми днями плакала, что в оккупированном немцами Зембине у бабушки остался ее первенец – семилетний Фоник. Там он пережил и голод, и холод, и жизнь в погребах, землянках, сарайчиках – прятался от немцев. Но никто не выдал сына командира полка. Теперь тот самый Афанасий Афанасьевич Гринь уже полковник в отставке.

Жили в Уфе очень тяжело, безрадостно. Были вечные перебои с хлебом. Каждый день в шесть утра Лилия занимала очередь за хлебом и была первой перед открытием магазина. Взрослые приходили в эту очередь со своими бедами,

с болью в покалеченных войной душах: читали письма с фронта, показывали похоронки, рыдали, вспоминали то мужа, то брата, то сына. Людское горе тяжким грузом легло на неокрепшую еще детскую душу. Это для нее были первые уроки нравственности и взросления.

Однажды в душевной коммуналке заговорили, что наши под Сталинградом перешли в наступление. Потом соседи с Украины стали собираться домой. «Ну, значит, скоро в дорогу и нам», – торопилась к сыну тетя Маруся. Ее слова оказались пророческими. Они действительно в Минск вернулись сразу же после его освобождения. Город увидели почти полностью разрушенным. Жить оказалось негде, и через какое-то время семья переехала в Могилёв. Там в 1953 году Лилия заканчивает среднюю школу и поступает на факультет журналистики БГУ. Первые пробы пера она оставляет на страницах газет «Магілёўская праўда»

и «Заря» в Бресте, где проходила практику. Получив свободный диплом, самостоятельно должна была подыскивать себе дело по душе.

В Мингорисполкоме ей предложили место инструктора экскурсионного бюро города. Пришлось осваивать содержание и методику проведения, маршруты и тематику экскурсий, обучать этике поведения экскурсоводов, писать им тексты. Но Лилия Максимовна частенько и сама водила экскурсии – не только для гостей столицы, но и для иностранных туристов. Уже в 1952-м от городских руин почти ничего не осталось, а в 1958-м гостей встречал уже заново отстроенный Минск. Все экскурсии начинались с Привокзальной площади, это были «ворота» города – визитная карточка столицы. Потом – осмотр Дома Правительства, центральной улицы Советской (ныне проспекта Независимости), застроенной в стиле сталинского ампира, Дома офицеров, Академии наук, промышленных предприятий.

Частенько на улице Коммунистической возле дома №6 Лилия Максимовна останавливалась и рассказывала гостям об истории создания Минской студии телевидения, работать в которой мечтала еще со студенческой скамьи. Было время, когда там стены для звукоизоляции завешивали коврами, а сотрудники во время трансляции ходили в тапочках на войлочной подошве, когда студия была такой маленькой, что там кроме огромной, закрепленной к полу стационарной телекамеры помещалось всего три человека, когда телевидение работало только три дня в неделю и не больше трех часов. Зато теперь появились научно-популярные передачи, кинопрограммы, служба информации – созданы творческие редакции, с помощью передвижной телестанции проводятся прямые трансляции с торжественных встреч, спортивных соревнований, музыкальных и театральных представлений.

Через какое-то время Лилия Максимовна наконец-то поборола свою робость и переступила порог кабинета директора телестудии. Михаил Иванович Досин даже удивился, что молодой выпускник журфака уже сотрудничает с молодежной редакцией. И вскоре подписал приказ о ее зачислении в штат. Сначала работала в редакции. А после в отделе выпуска составляла программы, писала дикторские тексты. Потом ее перевели в редакцию информации, где, как она сама говорит, осталась навечно. И ни разу об этом не пожалела, хотя информационное вещание – непрерывный конвейер, который требует добывать как можно больше новостей и подавать их зрителю оперативно, понятно, интересно, как говорят журналисты, в привлекательной обертке. Новости – это не только факт, но и аргумент, который зависит от профессионализма журналиста, его политических, нравственных, человеческих позиций и взглядов. Ведь люди ему верят. Новости могут быть разными, со своим набором жанровых признаков. Значит, их должны готовить лучшие из лучших журналисты. Вот в такой обстановке «простой корреспондент» прошагал по жизни почти сорок лет с флагом «Панорамы».

Ей помнится закладка «Кургана славы» осенью 1966 года. Был многолюдный митинг. Участники делегаций городов-героев огромной страны заложили капсулы с землей, на которой во время войны были ожесточенные сражения. Ей помнится, как она снимала телефильм на Балтике, где сценарий писался на ходу, когда три дня находились в Ленинграде и два – в открытом море на советском танкере «Герой Бреста», затем монтаж и – эфир, после которого автора долго еще называли «морячкой». Ей помнится встреча с экипажем сухогруза «Комсомолец Беларуси».

Она помнит, как в воскресенье 28 мая 1967 года ее родной Минск отмечал свое 900-летие. Родным он для нее стал еще в 1944 году, когда девчонка-второклассница долго плакала, впервые увидев страшные городские развалины. Она видела, как разбирали руины и восстанавливали город, как он на глазах преображался и хорошел. Вместе с ним росла и она сама. Его юбилей превратился во всенародное торжество. Задник студии, откуда Лилия Максимовна вела серию интервью со знаменитыми минчанами, украшала надпись «Славой увенчанный». Чуть позже она городу своему признается в любви:

*Восставшим феником из пепла,
Нас восхищая красотой,
Он, не скрывая возраст свой,
Глядится молодым и светлым.*

Лилия Максимовна Кременская редко отмечала праздники дома. Красные дни календаря – для нее напряженные будни: трансляция парадов, демонстраций, торжественных собраний. Бесконечная череда встреч. Монтаж сюжетов и подготовка дикторских текстов. Все это ее славное прошлое. И сегодня она счастлива, что была свидетелем многих замечательных событий, честно служила своему делу, профессии. Думается, не зря ее приняли в Союз журналистов СССР еще в таком далеком 1962 году – в двадцать шесть лет от роду, в самый пик ее творческого взросления.

Но, как говорится, не хлебом единым жила все эти годы Лилия Кременская. Секретарь журналистской первички телевидения входила в состав Правлений и Минской городской организации, и Союза журналистов БССР. Она была деле-

гатов отчетно-выборных конференций и съездов Союза журналистов. Она – постоянный участник журналистских встреч, семинаров, брифингов. Она приглашалась на все Пленумы Союза журналистов республики.

В ее домашнем архиве бережно хранятся Благодарственные письма и Почетные грамоты Гостелерадио СССР и БССР, дипломы о присвоении ей звания Лауреата премии БСЖ за серии программ «Дневники социалистического соревнования», «Поступ дзiesiąтай пяцігодкі», «Летапіс пяцігодкі».

На заслуженный отдых Лилия Максимовна уходила в ранге заведующей отделом главной редакции информации. Но дома просто не находила себе места. Сначала пару лет трудилась в молодежном театре эстрады, последние десять лет – в колледже искусств имени Ахремчика. И только в 75 лет полностью посвятила себя поэтическому творчеству. Стихи у нее стали рождаться ещё в те далекие, богатые на знаковые события шестидесятые годы. Бывало, напишет, прочитает коллегам и забросит в дальний ящик рабочего стола: Ее Величество “Панорама” не позволяла отвлекаться. А сейчас это стало потребностью. Шутит: “Мы, журналисты-старика, жить не можем без строки...” В Москве выпустила поэтический сборник и уже много лет печатается в газете “Друг пенсионера”. Ежегодно представляет свои работы на творческий конкурс Минской городской организации ветеранов журналистики.

*Пусть убраны бывлые флаги,
“Бумага просится к перу,
Перо – к бумаге”.
Перо подарит ей стихи,
Бумага стерпит их грехи.*

Поэтическая палитра Лилии Максимовны широкая и разнообразная. Но в ней больше всего ностальгического оттенка. А все потому, что “Жизнь – она всегда пестра, /Как радуга-дуга”. Скажем, ветерана журналистики удивляет народ, “который прошлое клянет”. А вот ей хочется “вернуться в тот “застой”, /И снова обрести покой”. Конечно, она “как бы продукт былой эпохи, /Вместившей радость и беду”, ходит с палочкой уже, да и... “Мое лицо теперь в морщинах, /И каждая – былого след”, – но ей все равно нейдет догнать столетие. И Лилия Максимовна пишет, пишет, пишет – каждый день, “чтобы пером продолжить/ Творческое долголетие...”

Не так давно Лилии Максимовне Кременской присвоено звание “Заслуженный журналист Белорусского союза журналистов”. И это справедливо. Хотя, как сказал Евгений Евтушенко: “Справедливость – это поезд, который всегда опаздывает”. Но ведь все-таки приходит в пункт назначения.

Критика

Алина КОСТЮК-СВЕТАИЦКАЯ

ГРУСТНЫЙ СВЕТ СТИХОВ

К 75-летию Валерия Хатюшина

*«...Я понесу с собою груз несметный
желаний, дел, сомнений и грехов,
ожог сердечный, многим незаметный,
навет врагов и грустный свет стихов...»*

Перечитав после выхода в свет книгу «Третий снег» Валерия Хатюшина, я не без удивления обнаружила, что тема печали и грусти как сложное психологическое явление пронизывает каждое стихотворение, входящее в этот сборник.

Исследовать природу печали человека до конца, наверное, не удавалось никому. Она нужна, чтобы погружаться во внутренний мир, чтобы быть в поиске смысла существования, чтобы развиваться эмоционально. Ещё трагедии Древней Греции обучали людей принимать неизбежность несчастья и, что важно, справляться с ним как с естественным явлением. Эту тему повторяли трагедии Шекспира, рассказы Чехова, вальсы Шопена, полотна Поля Сезанна. Тоска, грусть, ностальгия давно стали стимулом для художественного творчества. Печаль в творчестве любого поэта, писателя, как утверждает Антон Чехов, присутствует во всём: «...даже в человеческом счастье есть что-то грустное». Искусство любит грусть, а человек тяготеет к печальному искусству, по мнению философов, чтобы очиститься через сострадание.

Диапазон человеческих эмоций поэта настолько широк, насколько он ощущает мир вокруг себя. Грустит тот поэт, которому жизнь не безразлична. Читая стихи Валерия Хатюшина, давно обратила внимание на присутствие жизненного небезразличия, поэту есть дело до всего происходящего. Он тоскует, наблюдает, ждёт, замирает от удивления, блуждает в потёмках – одним словом, живёт! А для настоящего поэта – где жизнь, там поэзия!

«Не торопите жизнь, она сама мгновенье», – этими словами открывается сборник «Третий снег». Слова созвучны с поэтическими строками из трагедии Гёте «Фауст»: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Но если Фауст просит прервать его земное существование, когда достигнет наивысшего счастья и про-

изнесет заветные слова, то лирический герой поэта Хатюшина радуется каждому дню и, «встречая новый день», без сожаленья отпускает прожитый.

А грусть как спутница радости непременно рядом, потому что у поэта и его героя всегда отношения со временем сложные, ему его не хватает, чтобы сказать ещё что-то важное, поэтому поэт надеется на равнодушного читателя, внимательного к его слову. Тонко-музыкальные переходы из настоящего в будущее и дальше – в вечность – это не просто жизнь, это вечная жизнь: и для того, кто ушел, и для того, кто остался:

*Уйдя, я не уйду, мой друг равнодушный.
Прочти мои стихи – услышишь голос мой.*

А дальше пронзительно грустно звучат слова уже не просто лирического героя, а самого поэта, родившегося в ноябре:

*Меня не станет здесь – всё будет, как и было:
цветы весной – цвести, и птицы – щебетать,
и ветер в ноябре опять споёт уныло...
Но всё ж чего-то здесь вам будет не хватать.
Чего не передать обычными словами,
что брезжит, словно луч, над сумраком скользя,
что грезится во тьме бессонными ночами,
чего не изъяснить, но что забыть нельзя...*

Композиционная рамка стихотворения указывает на завершенность действия, а многоточие в конце стихотворения – на открытость мысли читателя, умеющего додумывать исход произошедшего. Триптих «Не торопите жизнь» – о времени и о себе, о поэте, который утверждает: «И пел я не как все, и путь мой был – иной...»

Печаль, грусть становятся тем объединяющим символом одинокого лирического героя с окружающим миром, в результате чего он перестает быть одиноким. Одиночество поэта-лирика и поэта-философа – это уже единственно возможное душевное состояние истинного поэта. Говоря по-лермонтовски о своем предназначении, Валерий Хатюшин подчеркивает состояние одиночества, которое является палитрой для отражения яркости и глубины особенностей человеческого бытия:

*Одинокое облако в небе ночном,
одинокая рядом звезда...
Не жалеть ни о чём, не грустить ни о ком
я, увы, не умел никогда.*

*И жалел, и грустил, и любил, и желал...
Не хватало и слёз, и вина...
Столько сердца истратил и слов расплескал,
что теперь на душе – тишина.*

Тема одиночества была близка Пушкину, она – одна из ключевых в поэзии Лермонтова, трагическое одиночество нашло отражение в поэзии Есе-

нина. Многие русские поэты раскрывали трагедию одинокой души, каждый по-своему выражал мысль, что одиночество – это не отрешенность от жизни, не уход из нее, а вызов окружающей действительности. Так и в стихах поэта-философа Валерия Хатюшина одиночество – это заявление о себе как о творческой личности, живом, мыслящем, страдающем человеке среди бездушности, пустоты и фальши.

В лирическом монологе, начинающемся со слов «Чего хотите всезнающей душе?», нет взрыва эмоций, есть трезвая оценка своего нынешнего восприятия жизни. Да, человек не может жить без желаний, но как быть, «когда слова все сказаны уже», «когда не надо ни любви, ни света», «когда никто не нужен, кроме Бога»? Поэт, кажется, признает только вечную любовь, которая навсегда связала бы его с близким человеком. Но если таковой нет, а «любовь людская смертна для поэта», то ответы на поставленные вопросы звучат лаконично:

*Не жди любви. Лишь Он – твой главный суд.
И лишь к Нему в веках твоя дорога.*

...Читая стихотворение за стихотворением, вникая в межстрочную мысль, прихожу к выводу, что творчество Валерия Хатюшина исключительно монолитно. Помимо единой связи по духу, тону, направленности стихи объединяет глубина и выстраданная мудрость, жизненный опыт. Мысль в стихах не превращается в цепочку умозаключений, она возникает как открытие, как отражение найденной истины. Вот в этом, на мой взгляд, источник поэтической органичности, убедительности и силы поэтических строк.

Поэзия Валерия Хатюшина – замечательное явление гражданской и человеческой совести поэта, его интеллекта, его души и сердца. Она свидетельствует о его чуткости к происходящему, о правдивости, непрестанной тревоге за всё, что его окружает. Полная искренность поэта, его исповедальность волнует читателя душевностью, и от этого сердце читателя откликается печалью, отзывается ноющей болью.

Исповедь души поэта ярко прорывается в стихотворении «Голос мне слышался птицы ночной», написанном 10 мая 2017 года. Это одно из лучших, на мой взгляд, стихотворений по силе образности, метафоричности. Здесь глубокая, но успокоенная печаль и одновременно разочарованность в грешно-земном существовании.

*Голос мне слышался птицы ночной.
Ангел мой плакать устал надо мной.*

*Жил я в азарте бездумных утех.
Ангел отмаливал каждый мой грех.*

*Счастья искал я, невзгоды кляня.
Ангел прощенья просил за меня.*

*Сердце рвалось и скулило в крови.
Ангел шептал мне во сне о любви.*

*Часто встречал я то рык, то оскал.
Ангел в погибельных дебрях – спасал.*

*Птица ночная всё чаще кричит.
Ангел мой горько и слёзно молчит.*

... Каждое стихотворение – это тайна поэта, ключ от которой спрятан от всех в его душе, сколько бы читатель ни пытался её, эту тайну, открыть. Понять душу поэта до конца никому не дано, поэтому, всматриваясь со стороны, читатель, любящий поэзию, ходит окольными тропами, проживая свою боль и свои страдания, плачет своими слезами, прозревая собственным разумом над любимыми строчками поэта.

*Июльский вечер в парке потемневшем.
Последний вздох тепла и тишины.
Я здесь хочу забыть о наболевшем –
под синим сводом вечной вышины.*

Внимательный читатель чувствует сложную, печальную душу поэта, близкую душу, так как она способна облагородить того, кто её понимает. Грусть в стихах поэта-лирика и поэта-философа оттого, что несут они в себе не только душевную боль конкретного человека, но и грехи этого мира. Сложная поэтическая битва добра и зла, света и тьмы. Недаром В. Брюсов в стихотворении «Поэту» (1907) завещал каждому творцу: «Как Данте, подземное пламя должно тебе щёки обжечь».

*Хочу без лишней горечи расстаться
с тем, что ночами не даёт заснуть,
и в этот летний вечер попытаться
легко о прошлом, наконец, вздохнуть.
(24 июля 2018)*

Но таинственное дело не свершилось, и звучат финальные слова: «Хочу вздохнуть, забыть... И не могу».

Эмоционально точно выделена каждая деталь, позволяющая свободно листать страницы прошлой и настоящей жизни поэта или лирического героя (здесь я их отождествляю). Поэт стремится обнажить суть, таящуюся в невидимой и неосязаемой глубине – по ту сторону всех реалий. И вот это «не могу» – еще одна говорящая деталь: нет такой силы, чтобы всё прожитое и пережитое стёрлось за одну ночь. Деталь усиливает драматическое напряжение, подчиняя ему информирующую статику.

Элегическое настроение часто усиливается мотивами воспоминаний. Память возвращает лирического героя в прошлое, где «дом возле речки», «свет из распахнутых ставней», «детство... в колосющейся ржи», «последний аромат сирени возле дома»... На контрасте прошлого и настоящего поэт обострённо осознает невозвратность ушедшего и дорогого сердцу. Мотив прощания закрепляет понимание безвозвратности и утраты.

*...Как прощальная чья-то ладонь
прикоснётся к запястью незримо,
словно жизни закатный огонь
истончается необратимо...*

Тоска, печаль, ностальгия, грусть становятся главными эмоциональными выразителями элегического состояния лирического героя. Это не притворная грусть – она выстрадана временем. Часто настроение героя меняется – тогда он в ладу с собой, а всё, что уже случилось, было, вероятно, с кем-то...

*...Это кто-то другой, а не я
канул в прошлое бесповоротно,
в безответных кругах бытия
он мелькнул предо мной мимолётно.*

Последние строчки резюмируют размышления:

*Я не тот, кто ушёл, я другой.
И с собою не вижу разлада.
В снежном парке висит надо мной
после вьюги покой снегопада.*

Развивая элегические мотивы, поэт-философ Валерий Хатюшин обращается к образу снега как символу движения и быстротечности жизни. Стихотворение «Третий снег», состоящее из двадцати четырёх строк, написанное анапестом, передает три этапа жизни человека, сосредотачивает на единой пространственной схеме прошлое и настоящее. Снег выступает в роли посредника между землей и небом. Символизирующий чистоту, он обозначает и чистоту помыслов, невинность, и новые начинания, и неизбежную смерть.

Снег отстраняет человека от суеты и вводит в пространство небесного движения. От рождения до смерти человек «во власти» снега, у которого своя жизненная программа. Все этапы необходимо пройти шаг за шагом, вернуться в прошлое не получится: «первый снег не догонит никого на земле». Понятно, что автор создает в стихотворении образ снега, посредством которого рисует такие абстрактные понятия, как время, жизнь и уход из неё.

Многосмысловой образ снега в лирике говорит о том, что это не только явление природы, являющееся своеобразным фоном, а действующее лицо, которое в стихотворении Валерия Хатюшина «то пуржит, то парит», то «...безобманно сыщёт нас всё равно, / беспричинно, неожиданно / постучится в окно. / К нам напросится в гости...»

Метафоричность стихотворения выражается не цветовой гаммой снега – её здесь нет, – а цифровой: первый, второй, третий. Иносказательный смысл изображаемого в первой строфе явления структурируется и противопоставляется «третьему снегу» – последнему этапу жизни. Однако в этом стихотворении идея трагической неразрешимости воплощается не в лирическом переживании, а в философском контексте: «...У креста на погосте / ляжет он навсегда».

Символически образные ряды снега присутствует и в поэме «Мой век» (2022 г.) как выявление самых устойчивых закономерностей, по которым стро-

ится обычная жизнь. Пятнадцать раз рефреном звучат слова «падает, кружится медленный снег» и передаётся ощущение этого неслышного падения. А в стихотворении «Ночь небесным тёмно-серым сводом / взгляд мой хмурит, что-то говоря...» поэт снова обращается к символике первого и «равнодушного, сонного третьего снега», осмысливая итоги уходящей жизни.

Схема лирического отражения жизни в поэзии Валерия Хатюшина представляется мне как формула постоянного обновления: ноябрь каждого года – это переосмысление прожитого и программирование жизни до очередного ноября, потому что «в сердце есть одна безумная надежда»:

*Уходит этот день.
Мне очень жаль его.
Еще один итог
подводит он устало.
Беззвучно за окном.
Нет рядом никого.
И только горизонт
еще пылает ало...*

*...Запомнится он мне
печальной высотой
под холодом небес
земного дня рождения,
который так совпал
с высокой немотой
последнего в мой день,
не спорьте,
воскресенья...*

(13 ноября 2022, воскресенье, 18 ч. 30 мин.)

Поэт Валерий Хатюшин не может просто жить или просто грустить, ему нужно понять, осознать, объяснить себе и читателю, почему он живет, любит, страдает именно так, а не иначе. В понимании поэта, жизнь – это внутренняя борьба с собой, с печалью, с совестью. И всё же в стихах последних лет ощущается изменение поэтической тональности: поэт кажется более нежным и чувственно-просветлённым в пейзажной и интимной лирике, и грусть уже воспринимается по-другому.

*Лето, лето...Как быстро...Как странно...
Вот уж август стучится в окно...
Излилось, отшумело неожиданно
дней моих золотое вино.*

*Лето, лето – короткое счастье,
ненаглядность внезапной любви,
глаз горенье, и сердца ненастье,
и хмельная весёлость в крови...*

*Как бы ни было пыльно и жарко,
не боюсь я горячих лучей.
Лето, лето... Как скоро... Как жалко...
Август – месяц холодных ночей.*

*Ну останься еще хоть немножко,
на щеках мне морщины расправь...
Лето, лето, присядь на дорожку
и надежду на встречу оставь...
(27 июня 2019)*

У Валерия Хатюшина, как и у каждого глубоко талантливой поэта, есть свой читатель, который не просто читает, а перечитывает его стихи, который чувствует его «ожог сердечный, многим незаметный». Именно такому – своему – читателю предлагает грустную поэтическую исповедь поэт-современник:

*Как пережил я на свете
то, что нельзя пережить,
смог бесконечные эти
камни в душе искрошить?*

*Нет и не будет ответа,
каждому доля своя –
тьмы испытанье и света,
радость и яд бытия...*

*Я не скулил и не правил
мне перепавшую роль,
выжив, себе лишь оставил
сердца унылую боль.*

*И, ни к кому не привязан,
сам для себя – приговор,
Ангелу только обязан
тем, что я жив до сих пор...
(6 мая 2021)*

Настроение лирического героя не выражено прямо, оно растворилось в чувственном восприятии окружающего мира. Здесь нет конкретного пространства – есть только субъективная стихия – «свет»: «Как пережил я на свете то, что нельзя пережить?» Истинный поэт только внешними сторонами своей жизни связан с конкретно-историческим временем и жизненными обстоятельствами. Внутренне он всегда одинок и «ни к кому не привязан».

Поэт Валерий Хатюшин любит и страдает, грустит и радуется, обогащая нашу духовную жизнь собственным опытом, верит в нашу победу, потому что всё его творчество – это утверждение правды, справедливости, добра и любви. А то, что в его стихах много грусти, говорит о его большом, оголённом, остро чувствующем и глубоко видящем сердце.

Литературоведение

Валентин БАЮКАНСКИЙ

«...И СТЕКЛЯННАЯ ХМАРЬ БУХАРЫ»

С поэзией Сергея Есенина я впервые познакомился, когда мне было лет пятнадцать-шестнадцать. Тогда всей глубины и пророческих озарений поэта я, естественно, не понимал, но обратил внимание на мелодичность и образность есенинских стихов, напоминающих восточную поэзию, которой в то время сильно увлекался. Меня с детства поражала изумительная вязь глазуристых изречений Бухары и Самарканда, а смуглые восточные девушки в ярких одеждах казались самыми красивыми на свете. Я даже однажды попробовал написать стих о любви, подражая великому Саади.

И в этом нет ничего удивительно, потому что Восток, словно магический кристалл, испокон веков привлекал и продолжает привлекать к себе русских людей.

Публицист Александр Проханов как-то сказал по этому поводу: «Как и всякого русского, меня привлекает Азия в целом. Русское сознание, особенно русское офицерское сознание, давно находится в плену мистики и магии Востока – будь это юрты казахской степи, или верблюды, ходящие вдоль яшмовых каналов Каракумов, или пыльный воздух долин Киргизии... Русские обожают Восток необъяснимо».

Когда я прочитал «Персидские мотивы» Есенина¹, то почувствовал какую-то щемящую славянскую тоску, сквозившую сквозь загадочную вязь восточных символов, как говорил Есенин, «через орнамент в слове».

*Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.*

*Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолій.
Потому, что я с севера, что ли.*

¹ Есенин неоднократно перечитывал книгу «Персидские лирики X–XV веков» в переводе академика Корша, декламировал наизусть стихи Омара Хайяма и мечтал посетить сады Ширази и подышать воздухом, которым дышал Саади.

На самом деле Сергей Есенин никогда не был в Персии, но его кратковременная поездка в Туркестан и позже в Азербайджан помогли поэту впитать особый восточный колорит, обобщить, переосмыслить увиденное и создать свою, сказочную Персию, которая стала реальной для миллионов читателей.

Один из партийных руководителей советского Азербайджана Петр Чагин, работающий вторым секретарем республиканского ЦК и редактором газеты «Бакинский рабочий», в своих воспоминаниях о посещении Есениным Баку написал:

«...После этого поехали на дачу в Мардакянах, под Баку, где Есенин в присутствии Сергея Мироновича Кирова неповторимо задумчиво читал новые стихи из цикла «Персидские мотивы».

Киров, человек большого эстетического вкуса, в дореволюционном прошлом блестящий литератор и незаурядный литературный критик, обратился ко мне после есенинского чтения с укоризной: «Почему ты до сих пор не создал Есенину иллюзию Персии в Баку? Смотри, как написал, как будто был в Персии. В Персию мы не пустили его, учитывая опасности, какие его могут подстеречь, и боясь за его жизнь. Но ведь тебе же поручили создать ему иллюзию Персии в Баку. Так создай! Чего не хватит – довообразит. Он же поэт, да какой!»

Есенин не только «довообразил», но и смог приблизиться к глубинам восточного миропонимания. Философским созерцанием Востока («стеклянная хмарь Бухары», «золотая дремотная Азия опочила на куполах...»), попыткой прикосновения к загадочному учению суфиев, восхищением красотой восточных красавиц проникнуты его «Персидские мотивы».

Что же помогло Сергею Есенину разглядеть в неизвестных краях то, что сокрыто от посторонних?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно узнать в первую очередь, какой же Восток увидел великий русский поэт.

Вот как описывает пребывание Есенина в Ташкенте его друг поэт Валентин Вольпин:

«...Есенина манил не «Ташкент – город хлебный», а Ташкент – столица Туркестана. Поездку Есенина в Туркестан следует рассматривать как путешествие на Восток, куда его очень давно, по его словам, тянуло.

Приехал Есенин в Ташкент в начале мая, когда весна уже начала переходить в лето. Приехал радостный, взволнованный, жадно на все глядел, как бы впитывая в себя пышную туркестанскую природу, необычайно синее небо и весь тот необычный для европейца вид туземного города с его узкими улочками и безглазыми домами, с пестрой толпой и пряными запахами.

А когда солнце уйдет за горы, нагромождают на стойках под навесами у лавок целые горы угощений для себя и для гостей: арбузы, дыни, виноград, персики, абрикосы, гранаты, финики, рахат-лукум, изюм, фисташки, халва... Цветы в это время одуряюще пахнут, а дикие туземные оркестры, в которых преобладают трубы и барабаны, неистово гремят.

В узких запутанных закоулках тысячи людей в пестрых, слепящих, ярких тонов халатах разгуливают, толкаются и объедаются жирным пловом, сочным шашлыком, запивая зеленым ароматным кок-чаем из низеньких пиал, переходящих от одного к другому.

Чайханы, убранные пестрыми коврами и сюзанае, залиты светом керосиновых ламп, а улочки, словно вынырнувшие из столетий, ибо такими они были века назад, освещены тысячесвечными электрическими лампами, свет которых как бы усиливает пышность этого незабываемого зрелища. Толпа разношерстная: здесь и местные узбеки, и приезжие таджики, и чарджуйские туркмены в

страшных высоких шапках, и преклонных лет муллы в белоснежных чалмах, и смуглые юноши в золотых тубетейках, и приезжие из «русского города», и разносчики с мороженым, мишалдой и прохладительными напитками. Все это немолчно шевелится, толкается, течет, теряя основные цвета и вновь находя их, чтобы через секунду снова расколоться на тысячу оттенков.

И в такую обстановку попал Есенин – молодой рязанец, попал из голодной Москвы. Он сначала теряется, а затем начинает во все вглядываться, чтобы запомнить.

Я помню, мы пришли в старый город небольшой компанией, долго толкались в толпе, а затем уселись на верхней террасе какого-то ош-хане. Вровень с нами раскинулась пышная шапка высокого карагача – дерева, которое Есенин видел впервые. Сверху зрелище было еще ослепительнее, и мы долго не могли заставить Есенина приступить к еде...»

Неудивительно, что чуткая ко всему прекрасному душа поэта буквально затрепетала от свежести южных красок и неведомых ароматов. Подобно своему собрату по перу Николаю Клюеву, который восторженно восклицал: «Я был на Кавказе и положительно ошалел от Востока. По-моему, это красота неизреченная», – Сергей Есенин был тоже очарован Туркестаном. Поэт, часто искавший вдохновения в спиртном, обнаружил неведомый для себя мир, который помогает мыслить философскими категориями без помощи алкоголя.

«...Чаще всего ехали на Шейхантаур – там была отличная чайхана недалеко от мечети и мавзолея Ширдор, – вспоминал художник Ф.В. Лихолетов. – Усаживались на помосте – Есенину никак не удавалось сесть по-восточному, скрестив ноги, и он спускал их вниз, по-мальчишески болтая блестящими, всегда свежеччищенными коричневыми туфлями, которые он протирал тряпочкой, он был, что называется, франтом. Несмотря на жару, он почти всегда был в костюме и галстукке, а сорочек у него с собой было – не счесть. Стирала и гладила их какая-либо из поклонниц поэта, которые в нашей компании нередко бывали. Иногда это делала мать Ширяевца, Мария Ермолаевна, но ее Есенин не хотел затруднять, стеснялся. Что меня поразило – пил Есенин в Ташкенте мало. Разговоров о его разгулах московских я слышался, а когда встретились, счел все это враньем. Сергей Александрович вел себя очень сдержанно и спокойно, утром к вину не прикасался, а вечерами у Ширяевца или даже в «Регине» никогда границ не переходил...»¹

*Улеглась моя бывлая рана –
Пьяный бред не гложет сердце мне.
Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане.
Сам чайханик с круглыми плечами,
Чтобы славилась пред русским чайхана,
Угощает меня красным чаем
Вместо крепкой водки и вина.*

По воспоминаниям друзей, Есенин любил посидеть с пиалой чая в чайханах Шейхантаура и Урды, с большим интересом слушал узбекские стихи, музыку и песни. Интерес его к культуре и обычаям Туркестана был не показным и поверхностным, а настоящим и глубоким. Где бы он ни находился, всегда старался осмыслить происходящее и понять истоки и суть восточной жизни.

¹ Тартаковский П.И. Свет вечерний шафранного края... (Средняя Азия в жизни и творчестве Есенина), Ташкент, 1981.

Об этом красноречиво говорит в своих воспоминаниях Елена Макеева, ташкентская знакомая поэта, описавшая встречу Есенина с местным любителем восточной поэзии, у которого они были в гостях:

«...Есенина ему представили как большого «русского хафиза». На топчане из глины – супе, у арыка, текущего рядом с его красивым двухэтажным домом, мы сидели довольно долго, ели сладости, а потом плов. Затем Алимбай начал нараспев читать стихи, по-моему, не только по-узбекски, но и, видимо, на фарси (говорю об этом потому, что узбекский я немного понимала). Есенин как бы в ответ прочел что-то свое, тоже очень напевное и музыкальное. Алимбай и его гости одобрительно кивали головами, цокали языками, но мне трудно было понять, действительно ли нравятся им стихи Есенина, или это обычная дань восточной вежливости и гостеприимству. Но что я ясно ощущала – это то, что сам Есенин слушал стихи поэтов Востока очень внимательно и напряженно, он весь подался вперед и вслушивался в чужую гортанную речь, словно силясь воспринять ее внутренний ритм, смысл, музыку. Он расслабил галстук, распустил ворот сорочки, пот стекал по его лицу (было жарко, и мы выпили много чая), но он как будто не замечал этого, слушал, ничего не комментировал и не хвалил, был задумчив и молчалив. Казалось, он сопоставляет услышанное с чем-то, и в нем идет невидимая работа, но, может быть, это только представилось мне?»

Хотя Сергей Есенин находился в Ташкенте всего несколько недель, он сумел открыть для себя много нового и даже перенять некоторые привычки местных жителей.

Мать поэта Александра Ширяевца, Мария Ермолаевна, старалась каждый раз приготовить к обеду или к ужину какое-нибудь новое блюдо, в том числе предлагала и узбекские национальные кушанья. Маргарита Петровна Костёлова¹ вспоминала, как ей Сергей Есенин жаловался, что его в Ташкенте приучили есть помногу, чего за ним никогда не водилось, а постоянное ощущение сытости даже как-то мешает ему. Он особенно пристрастился к зеленому узбекскому чаю, который Мария Ермолаевна заваривала по-особенному вкусно, смешивая различные сорта.

Кратковременное пребывание Есенина в Ташкенте стало важной вехой его творческой биографии. Здесь он вчерне закончил свою драматическую поэму «Пугачёв», которую и прочитал местным жителям. Посещение Туркестана вызвало к жизни и книгу стихов «Персидские мотивы».

Он выступал с чтением своих стихов и на вечерах «Студии искусств» в Туркестанской публичной библиотеке, и в клубе Красной Армии, и перед показом фильмов в кинотеатрах «Туран» и «Зимняя Хива». Популярность «русского гостя» в Ташкенте была огромной: почитатели несколько раз устроили поэту овацию. Есенина окружали поэты, с которыми его познакомил Александр Ширяевец, и представители других творческих профессий и местной интеллигенции. Товарищеские отношения установились у Есенина с ташкентским художником Александром Волковым. Поэт неоднократно бывал у него на квартире по улице Садовой. Это было по пути от вокзала, где жил Есенин, к дому Ширяевца.

Волков выделялся своим темпераментом, авторитетностью высказываний и суждений. Он много рассказывал Сергею Есенину о Ташкенте и Средней Азии, так как любил путешествовать и пешком обошел весь Туркестан.

В городе Волков слыл чудачком. Рассказывали, как на спор он обошел вокруг Ташкента без копейки, хотя во время своего «путешествия» ему прихо-

¹ Костёлова (в замужестве Новикова) Маргарита Петровна – знакомая Есенина по Ташкенту, невеста Александра Ширяевца.

дилось ночевать и в чайхане, и под открытым небом, и в незнакомом доме. В свою очередь, художник считал странным самого Есенина. Видимо, непохожесть на обычных людей и привлекала их друг к другу. «Да, что-то было в нем странное, – вспоминал Александр Волков. – В 1921 году приехал в Ташкент неожиданно... Я тогда писал картину «Свидание». Углы глаз и дуги бровей, круг солнца... Есенину нравилось. Он всегда неожиданно уходил и неожиданно возвращался... Что-то в нем было такое! «Суровые, грозные годы! Да разве всего описать?» Как мне дорога эта неправильность – «да разве всего описать». Вернее сказать: мне нравится истинность этой строки. Не знаю, почему он тогда приехал в Ташкент. Впрочем, тогда многие сюда приезжали. Но он чувствовал, что здесь что-то важное должно совершиться для России. Настоящие поэты не выбирают случайных дорог...»

Волков был не только талантливым художником, но и неплохим поэтом. Он всегда чувствовал хорошую поэзию и восторгался удачными литературными образцами Есенина.

Художник вспоминал: «В Ташкенте на все была мода... на танец шимми, на Джимми, остроносые ботинки. В кинотеатре «Хива» шел фильм «Кабинет профессора Калигари» с Конрадом Вейтдом в главной роли. Есенин в кино не пошел. Сказал: «Надоело». Пробовали его затащить в концерт, где заезжая певица пела «Шумит ночной Марсель». Но он и оттуда удрал – по ногам со скандалом. «Пустите, – говорит, – меня, не за тем я сюда приехал». Вышел на улицу, а там верблюд стоит, склонил к нему свою голову. Есенин обнял его за шею и говорит: «Милый, унеси ты меня отсюда, как Меджнуна...» Пришел ко мне, сел на пол в комнате возле окна и стал читать стихи «Все познать, ничего не взять пришел в этот мир поэт».

Потом он написал о Бухаре, которую никогда не видел: «И стеклянная хмарь Бухары». Хотя всю жизнь проживи в Туркестане, лучше не скажешь. Эта хмарь, знаете, что? Зной, смешанный с пылью веков, зной, оплавливающий камни бухарских куполов, их голубые изразцы. И откуда он это знал? Ведь он никогда не видел Бухары. Где же начинается Восток? И еще это, помните: «Я люблю этот город вязевый». Как там сказано? «Золотая дремотная Азия опочила на куполах...»

Находясь в Ташкенте, Сергей Есенин неоднократно выказывал желание посетить древний Самарканд, чтобы познакомиться с «истинным Востоком». Знакомый Есенина, Гавриил Михайлов¹, попросил персидского консула Ахмедова, резиденция которого находилась как раз в этом городе, приютить там на несколько дней русского поэта. Консул согласился, и вместе с Есениным в Самарканд поехала сопровождающей Елена Михайлова², которая оставила о поездке свои воспоминания. По ее мнению, Есенин очень хотел «осмотреть старинные архитектурные ансамбли, ступить на древнюю землю Согдианы, познавшей многих завоевателей и властителей, ушедших в небытие, но сохранявшей одну лишь власть – нетленную и вечную власть красоты».

Для осмотра Самарканда консул выделил автомобиль, поездка на котором позволила Есенину увидеть многие исторические памятники города. Ахмедов также прикрепил к гостям переводчика, который по ходу экскурсии давал пояснения.

¹ Гавриил Михайлович Михайлов (1860–1947) приехал в 1892 году в Ташкент из Москвы заниматься коммерцией. После революции работал в Узбекском союзе кредитно-сельскохозяйственных и кустарно-промысловых товариществ, в других заготовительных организациях. Ездил по районам республики и в Иран для закупки чая и различных специй.

² Елена Гавриловна Михайлова (1897–1972) окончила Ташкентскую женскую гимназию. Знала английский, французский и немецкий языки. После революции работала бухгалтером в Музее искусств, где директором был художник А.Н. Волков.

Самарканд надолго запомнился Есенину. Это в разные годы отмечали его друзья.

«Несколько дней тому назад я видел Есенина, ты его знаешь, – писал художник К. Петров-Водкин в 1921 году своей жене. – Он вернулся в полном восторге от Самарканда и очень посвежел».

В июле 1924-го корреспондент «Туркестанской правды» писал: «Находясь по пути в Харбин по приглашению тов. Карахана, Айседора Дункан решила поехать в Самарканд, а на обратном пути остановилась в Ташкенте. А. Дункан восхищена городами-садами Туркестана и колоритностью местных костюмов. «Уже давно, – рассказывала артистка, – путешествуя по странам с поэтом Сергеем Есениным, слышала о красоте Туркестана. Указывая Есенину на величественные пейзажи Италии и других мест, я всегда наталкивалась на неизменный ответ: "А все же это не Самарканд"».

В Самарканде Есенин пробыл три дня и вернулся обратно в Ташкент, после чего поехал в Бухару и Полторацк, чтобы оттуда навсегда покинуть полюбившийся край.

*Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстаюсь
Из любви к родимому мне краю?
Мне пора обратно ехать в Русь.*

*До свиданья, пери, до свиданья,
Пусть не смог я двери отпереть,
Ты дала красивое страданье,
Про тебя на родине мне петь.
До свиданья, пери, до свиданья.*

В воспоминаниях художника Ф.В. Лихолетова можно прочесть об оценке Есениным своей поездки в Туркестан: «Мне показалось, что Есенину очень понравилось в Туркестане. Иногда он говорил о той свободе от мелочных дел и ненужных затей, которую испытывал здесь, о счастье жить, как хочется, рядом с милыми и добрыми людьми, под этим вечно голубым, жарким небом, среди зеленых садов и журчащих арыков (он называл их ручьями). Но когда я однажды спросил его, мог бы он написать о Востоке, о туркестанской природе, которая вдохновляет нас, русских художников, он отрицательно закачал головой и сказал, что не представляет себе этого, что восточные стихи Ширяевца, хоть они и хороши, все же слабее, как ему кажется, тех, где русская душа поэта рвется из каждого слова. Когда позже, через несколько лет, я прочел «Персидские мотивы» – прочел не сразу, а отдельными стихами, – я решил, что Есенину удалось побывать в Иране и именно это изменило его мнение о Востоке как возможном источнике поэтического вдохновения. Но потом я узнал, что Персия у Есенина выдумана, и подумал: «Видимо, все же взял что-то русский поэт у неба и земли Туркестана, подметил на ташкентской улице, в чайхане, в узбекском двореке – во всем, что так легко проглядывается сквозь «персидские» пейзажи и детали его восточного цикла».

Часовня

Протоиерей Павел Боянков

НЕ УНЫВАЙТЕ

На жизненном пути нас ожидают отнюдь не одни подвиги и лавры. Несчастий, искушений и падений избежать не удастся. Если же мы чрезмерно заняты собой, своими мелкими переживаниями и суетными неудачами, именно тогда рискуем впасть в грех уныния. Его плачевным последствием может стать постепенное угасание любви к Богу и ближним, равнодушие ко всему – от чего да избавит нас Господь.

Когда же мы отважимся перебороть такое состояние души, то не будем всецело полагаться на личные усилия и труды, но обратимся к незаменимому источнику – Священному Писанию, а затем воспользуемся драгоценным опытом святых отцов.

Пророки Иеремия и Иезекииль говорят об унынии как одном из наказаний от Бога целым странам и народам за нечестие их (см. Иер. 49.23, Иез. 4.16 и 31.15). У пророка Исаии читаем: «Сегует, уныла земля, поникла, уныла вселенная» (Ис. 24.4). Согласно Толковой Библии, здесь описываются последние времена мира, когда кара Божия постигнет людей, «ибо они преступили законы, изменили устав, нарушили вечный завет» (Ис. 24.5). А апостол и евангелист Лука повествует об «унынии народов» в то время как о результате массовой утраты веры (Лк. 21.25). «Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лк. 18.8).

Унынию – этому состоянию угнетенности духа в тяжелых жизненных обстоятельствах – бывают подвержены не только обычные слабые люди, но даже могущественные цари. Господь возвещает через пророка Исаию царю Ахазу: «Не устрашись и да не унывает сердце твое» (Ис. 7.4).

Даже пророк и псалмопевец царь Давид не избежал уныния: «Взываю к Тебе в унынии сердца моего» (Пс. 60.3); «Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься?», – однако при этом он не впал в отчаяние, находя в себе живую веру в Бога и надежду на Него: «Уповай на Бога, ибо я буду ... славить Его, Спасителя моего и Бога моего» (Пс. 41.6, см. также стих 7). И Господь его не оставил, как не оставил и все падшее человечество.

«Вместо унылого духа – славная одежда» (Ис. 61.3) – это слова из пророчества о грядущем Мессии, исполнение которого засвидетельствовал Сам Господь

в Назарете (см. Лк. 4. 16-21). Приход в мир Спасителя воспламенил сердца Его учеников и апостолов. Их проповедь охватила всю вселенную, преодолела все преграды, в том числе и естественные человеческие немощи.

Апостол Павел так говорит о себе: «Мы не унываем, но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4.1, 16). Иными словами – тело постепенно ослабевает и разрушается, но дух проявляется с большей силой. В этом – основа аскетических упражнений. Побеждая грубые телесные влечения, мы выходим на просторы духовной, созерцательной жизни. Но здесь обязательными условиями являются благодатное смирение, вера и жизнь по вере.

Апостол и евангелист Матфей приводит слова Христа, которые имеют самое прямое отношение к нашей повседневной жизни: «Когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры» (Мф. 6.16). И если нам представляется, что мы смогли в какой-то мере обуздать некоторые явные грехи, то одновременно рискуем впасть в гораздо более тонкое и коварное искушение – гордыню.

«Делая добро да не унываем, ибо в свое время пожнем, если не ослабеем» (Гал. 6.9). Здесь вновь идет речь о том урожае – итоге сеяния в плоть и дух (см. Гал. 6.8). «Не унывайте, делая добро» (2 Фес. 3. 13). Толковая Библия на основе греческих текстов существенно уточняет мысль стиха: не унывайте, не малодушествуйте в предпринятом вами благородном течении жизни.

Это же касается и молитвы. В евангелии от Луки находим «притчу о том, что должно всегда молиться и не унывать» (Лк. 18.1) – притчу о неправедном судье и вдове, нуждающейся в защите. «Сказываю вам, что подаст им (– вопиющим к Нему день и ночь –) защиту вскоре», – говорит Христос (см. Лк.18.8).

Более того, не унывай, когда Господь обличает тебя (см. Евр.12.5). В этом – любовь Божия к нам как сынам Его и великое утешение. Вот почему, обращаясь к ефесянам, апостол Павел просит их «не унывать», слыша о его страданиях в Риме. Эти скорби – их слава (см. Еф. 3.13), а значит, унынию нет места.

Еще одна важная мысль: «Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали» (Кол. 3.21). Думается, что это обращение не только к «отцам». Все мы – дети перед Богом, и все должны относиться друг ко другу бережно. А если «отцы» – это еще и священнослужители? Тогда нам есть о чем хорошенько поразмыслить...

Теперь обратимся за помощью к святым отцам. Вот действенный рецепт святителя Феофана Затворника: «на дух уныния жалуйтесь Господу и Ангелу Хранителю, и отбежит. Но всяко терпите благодушно. Состояние это есть один из крестов, которые нести неизбежно нам в продолжение жизни своей. Господь или да отгонит его, или да подаст вам благодушие переносить такие состояния».

Также и преподобный авва Исаия отшельник оставил нам следующее наидание: «Бесы наводят на душу уныние в предположении, не истощится ли ее терпение в продолжительном ожидании милости Божией, не покинет ли она самого жительства по Богу, признав его невыносимо трудным. Но если будут в нас любовь, терпение и воздержание, демоны не преуспеют ни в каком своем намерении» («Отчник»).

Весомое соображение, на первый взгляд могущее показаться несколько приземленным, находим в трудах святого преподобного Ефрема Сирина: «Есть уныние естественное от бессилия, и есть уныние от врага. Если хочешь распознать их, распознавай так: вражеское приходит прежде того времени, в которое должно

дать себе отдохновение, ибо, когда человек начнет что-нибудь делать, оно (уныние), прежде нежели совершится треть или четверть дела, нудит оставить дело и встать. Тогда не надобно слушать его, но должно сотворить молитву и сидеть за делом с терпением, и враг, видя, что человек о сем творит молитву, перестает бороться его, ибо он не хочет давать повода к молитве. Естественное же уныние бывает тогда, когда человек трудится выше силы своей и понуждается еще более прибавить себе труда; и так образуется естественное уныние от бессилия телесного; при сем должно испытать силу свою и упокоить тело, по страху Божию».

Таким образом становится вполне очевидным, что молитва и терпение, терпение и молитва способны победить уныние как в повседневных занятиях, так и в духовном делании.

Молитва Богу является свидетельством нашей любви и доверия к Нему, молитва о ближних говорит о любви к ним. Здесь – молитвенный синтез. Но мы не ждем мгновенного результата: «Да будет воля Твоя». В этом – терпение. И тогда уныние отхлынет.

... Опытнейшие духоносные наставники – оптинские старцы – среди множества душеполезных поучений, оставили нам и это:

«Не унывайте!»

Написанное – остаётся!

ВАШ ВКЛАД В КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Малотиражное издательство

- ✓ Воспоминания, стихи, проза, ноты
- ✓ Издание учебно-методических пособий и разработок в помощь учебному процессу
- ✓ Репринтное издание редких и уникальных книг
- ✓ Широкий выбор музыкально-образовательной литературы

ВИТ *постер*
ИЗДАТЕЛЬ ВАРАКСИН

По интересующим Вас вопросам
обращаться по телефонам:

8-029-670-55-39

8-029-637-03-60

ОСТАВЬ СВОЙ СЛЕД

9 772077 149005

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС:
для индивидуальных подписчиков – 00352
для ведомственной подписки – 003522